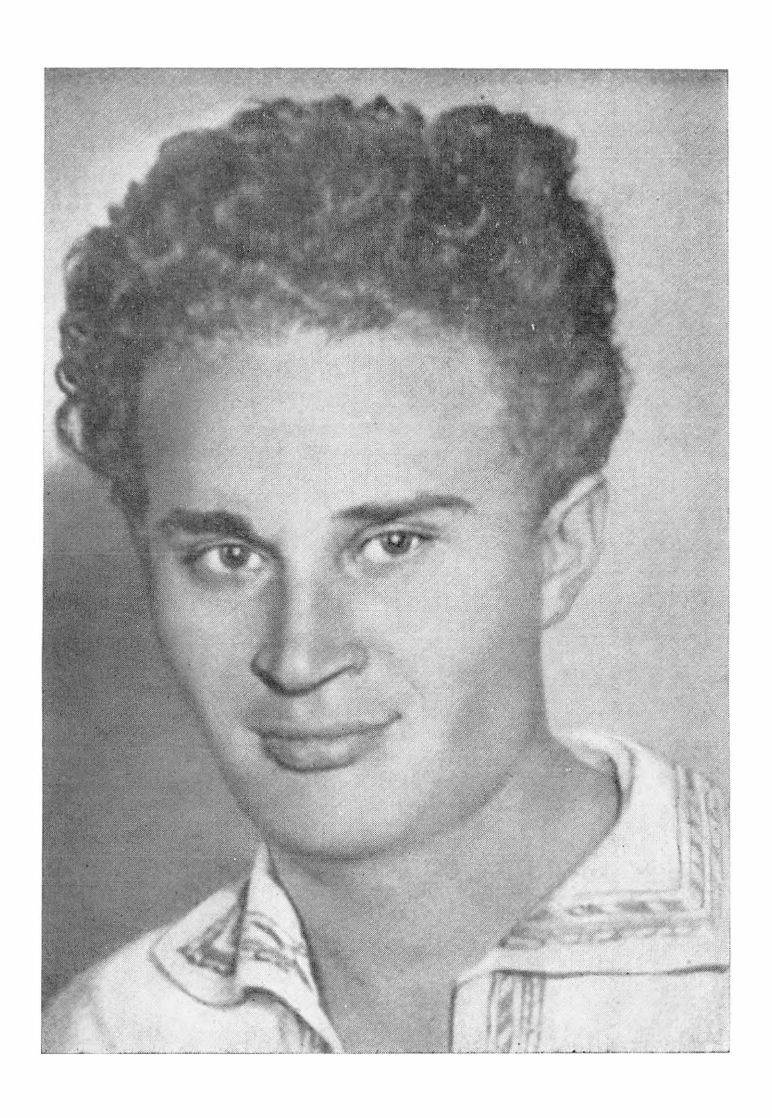
Павел Васильев

Избранное

Москва
„Художественная литература"
1988

ББК 84Р7
В 19

Предисловие, составление и подготовка текста
П. ВЫХОДЦЕВА

Оформление художника
П. САЦКОГО

В $\frac{4702010200\text{-}248}{028\ (01)\text{-}88}$ 39-88
ISBN 5—280—00190—2

«НЕУЕМНОЙ ПЕСНЕЙ ПРОЗВЕНЕТЬ...»

(О Павле Васильеве (1910—1937)

Среди русских поэтов нашего времени, судьбы которых сложились трагически, имя Павла Васильева вызывает особое чувство боли и утраты. Его яркий и сильный талант в полную мощь не успел проявиться. Он ушел из жизни молодым — в 26 лет! Поэт огромного жизнелюбия, открытого сердца и искренней любви к людям, Отечеству и революции, он подвергался несправедливым нападкам. Его называли «русским, но не советским поэтом», певцом «темных и диких человеческих страстей», выразителем кулацкой идеологии, «казацкого, собственнического мировоззрения», «сытого» «избяного» уклада и даже апологетом белогвардейщины и «великодержавной России», его характеризовали как «мнимый талант». Его имя надолго было вычеркнуто из истории русской поэзии. За всю свою короткую жизнь он не знал доброжелательных отзывов в печати.

Единственным утешением и опорой были глубокая вера в свою правоту, в свой народ да восторженные отзывы тех, кто был далек от групповщины и кому удавалось послушать его стихи в авторском исполнении (А. Н. Толстой, А. В. Луначарский, В. В. Качалов, В. В. Куйбышев, И. М. Гронский и др.). Доброе отношение он встретил со стороны М. А. Шолохова, С. М. Городецкого, Л. Н. Сейфуллиной, М. И. Калинина, П. П. Кончаловского. Однако «частные» отзывы не оказывали никакого влияния на разнузданную травлю, завершившуюся гибелью поэта.

Читателю этой книги, в которую вошли и самые драматические произведения поэта, нетрудно убедиться в том, что ни единого не только чуждого, но и скептического мотива в его поэзии по отношению к революции нет. Напротив, поражает всеохватное

чувство восторга и даже ликования, характерное для лучших писателей эпохи.

Глубокий и многогранный талант Павла Васильева был и необыкновенно щедрым, нередко поэт был даже беззаботным в отношении к самому себе. Его друг по сибирским скитаниям поэт Н. Титов рассказывает, что П. Васильев мог писать в любое время и в любом месте и что очень долго он смотрел на свои опыты как на ученические и не ценил написанное. Когда однажды они забыли на одном из ночлегов чемодан, набитый рукописями Павла, и Титов предложил вернуться, Васильев махнул рукой: «А, ерунда! Новое напишу».

П. Васильев, по существу, активно работал в литературе только 7 лет, после переезда в Москву в конце 1929 года. До этого он, в неполные 16 лет окончив школу второй ступени в г. Павлодаре в 1926 году, охваченный жаждой познания мира, скитался по Сибири и Дальнему Востоку, работал, по свидетельству его друга поэта Сергея Поделкова, старателем на Витимских золотых приисках, каюром в тундре, экспедитором на Зейских приисках, культработником на Сучанских каменноугольных копях, плавал в качестве матроса, рулевого по Оби, Енисею и Амуру, побывал даже в Японии, поступил на японское отделение Владивостокского университета; собирал русский и казахский фольклор (П. Васильев хорошо владел казахским языком)... Его энергии, настойчивости, любознательности мог позавидовать каждый.

Столь же неуемным был он и в художественном творчестве. Трудно даже представить себе, сколько им было написано в юношеские годы скитаний, если даже большая поэма «Прииртышье» — о прииртышском казачестве,— написанная в форме «казачьих запевок», которая привела в восторг многих слушавших ее в авторском исполнении в 1928 году в Омске, затерялась где-то на дорогах его странствий.

За последние семь лет,— срок поразительно малый,— когда П. Васильев работал как писатель, им создано, кроме огромного количества лирических стихотворений, несколько больших эпических поэм о революции и судьбах казачества («Песня о гибели казачьего войска», «Соляной бунт», «Синицын и К°», «Кулаки»), четыре лирические поэмы («Лето», «Август», «Одна ночь», «Автобиографические главы»), юмористическая поэма «Женихи», сатирическая поэма «Принц Фома», героико-публицистическая «Патриотическая поэма», драматическая поэма «Христолюбовские ситцы», пьеса о большевистском подполье 1908 года «А все-таки она вертится...» (пьеса утеряна), некоторые большие

эпические полотна (трилогия «Большой город», поэма «Вахш») остались незавершенными...

Разумеется, щедрость его таланта проявлялась не только в широте его жанровых интересов и количестве написанных им произведений, но прежде всего в яркости и стремительности поэтического воображения, в размахе его творческих (особенно эпических) замыслов, в энергии и силе поэтической образности, в мощи рисуемых картин и напряженности, страстности передаваемых чувств. Если к тому же учесть, что смерть оборвала его жизнь даже не в расцвете творческого дарования, а лишь в начале этого расцвета, нельзя не восхищаться ранней зрелостью и его мировоззрения, и его поэтического мастерства, а это дается только большим художникам.

Павел Васильев был одним из первых крупных поэтов пооктябрьского периода, которые обозначили своим творчеством слияние двух мощных потоков русской поэзии XX века — крестьянской и пролетарской, а если иметь в виду ближайших поэтических предшественников, то без преувеличения можно говорить о его выдающейся историко-литературной роли как художника, очень органично объединившего в себе устремления двух великих поэтов эпохи — Есенина и Маяковского. Явно просматриваются в его творчестве и прямые традиции этих поэтов.

В то время как рапповская критика систематически третировала поэзию П. Васильева как враждебную новому строю, он гордился своей близостью именно к этим поэтам, с гневом писал о «собачьем сговоре» врагов русской поэзии, погубивших «соловья» «Рязанской земли», восторгался «мужичьей силой» стихов Д. Бедного, «багровыми знаменами» его поэзии.

Когда ответственный редактор газеты «Известия» И. М. Гронский пригласил П. Васильева к себе и попытался выяснить его отношение к литературе и писателям, он обнаружил у поэта и широкие знания прошлой и настоящей поэзии, и глубоко народное по своему существу понимание предназначения искусства. На вопрос, «кого из поэтов он больше всего любит», «он назвал Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Демьяна Бедного, Маяковского, Есенина. Но тут же добавил, что поэт должен знать творчество не только корифеев, но всех без исключения собратьев по перу, в том числе и самых незначительных» (Молодая гвардия, 1963, № 2, с. 261). Имена этих поэтов часто возникают в его стихотворениях и поэмах.

Блюстители «чистоты» пролетарской идеологии в литературе, а на деле догматики и вульгарные социологи, рапповцы не могли понять и принять творчество поэта, открыто декларирующего свою приверженность великим национальным традициям. По-

этому вовсе не случайно, что когда П. Васильев приехал в Москву и обратился к руководству РАППа (Российская Ассоциация Пролетарских писателей), желая войти в близкую, как ему казалось, по духу литературную среду, он был грубо отвергнут. Он сблизился с крестьянскими писателями, подружился с их наиболее талантливыми представителями — Н. Клюевым, С. Клычковым, П. Орешиным, В. Наседкиным. Большое положительное влияние на него оказал Николай Клюев. «Клюев,— говорил он И. М. Гронскому,— человек очень больших знаний. У него можно многому научиться. И я учусь у него поэтическому мастерству» (там же, с. 200). Пожалуй, особое значение имело для него сближение с крестьянскими писателями в углублении и расширении связей с народным творчеством, так блистательно проявившихся в его исторических поэмах.

Однако молодой поэт не только учился и не только испытывал влияние старших братьев, но и сам оказывал на них воздействие, вносил новую, очень важную струю в крестьянскую поэзию. На П. Васильева возлагали большие надежды. Сергей Клычков публично заявлял: «Период так называемой крестьянской романтической поэзии закончен. С приходом Павла Васильева наступает новый период — героический. Поэт видит с высоты нашего времени далеко вперед. Это юноша с серебряной трубой, возвещающий приход будущего» [1].

П. Васильев не был одиноким в утверждении тех тенденций в русской советской поэзии, которые обозначили конец 20-х — 30-е годы. Индивидуально неповторимо, но в близком направлении развивались поиски М. Исаковского, А. Твардовского, А. Прокофьева, Б. Корнилова и других поэтов «крестьянского» крыла.

С точки зрения и историко-литературной, и творчески-индивидуальной наибольший интерес представляет соединение в поэзии П. Васильева традиций Пушкина и Некрасова, Маяковского и Есенина.

Самобытность Павла Васильева, как всякого большого художника, обнаруживается во всем — в тематике и проблемах, волновавших автора, в своеобразии его исторического мышления и образного видения мира, в жанровых и стилевых особенностях произведений. Сын своего времени, он любил писать о социальных катаклизмах и классовых битвах. Его поэзия — поэзия открытой любви и нескрываемой ненависти. Сюжеты его стихотворений и

[1] Цит. по: Поделков С. Павел Васильев (Биографическая справка).— В кн.: Васильев Павел. Стихотворения и поэмы. Л., 1968, с. 26. (Б-ка поэта. Большая серия.)

особенно поэм часто построены на резких социальных контрастах, конфликты героев остры и непримиримы.

Моя Республика, любимая страна,
Раскинутая у закатов,
Всего себя тебе отдам сполна,
Всего себя, ни капельки не спрятав.
Пусть жизнь глядит холодною порой,
Пусть жизнь глядит порой такою злою,
Огонь во мне, затепленный тобой,
Не затушу и от людей не скрою.
. . . .
Республика, я одного прошу:
Пусти меня в ряды простым солдатом.

Обостренное чувство социального долга всегда водило пером поэта, и он, действительно, никогда не скрывал этого.

Однако, ощущая себя солдатом революции, нередко публицистически остро и, как может показаться, даже прямолинейно утверждая свою любовь и ненависть, П. Васильев отнюдь не был поэтом однолинейным и ригористичным. Ему органически чужды были декларативность и социологическая назидательность. Его стихотворения и поэмы наполнены и даже порой переполнены сложными, противоречивыми борениями чувств и героев, и самого автора, а образная ткань стиха насыщена густой и пряной метафорической образностью. Даже собственно публицистические стихи поэта («Путь в страну», «Турксиб», «Товарищ Джурбай», «Повествование о реке Кульдже» и др.) несут в себе печать яркого образного мышления автора. Он был дерзок, свободен и человечен, решительно отказывался

«Петь по тезисам и по анкетам,
Петь от тезисов и от анкет».

Уже в первом своем крупном произведении — поэме «Песня о гибели казачьего войска» (1930) — П. Васильев проявил себя как смелый новатор в эпическом осмыслении революции. Поэма, которую по справедливости называют песней во славу Красной Армии, звучит и как реквием по напрасно загубленному белоказачьему войску. Герои поэмы наделены глубоко человеческими чертами сильных и умных, по-своему красивых людей, их предчувствия трагической развязки переданы многоголосно в форме народных обрядовых песен, заклинаний, плачей и проникнуты авторским соучастием, состраданием:

Торопи коней, путь далеч,
Видно вам, казаки, полечь.
Ой, хорунжий, идет беда.

У тебя жена молода,
На губах ее ягод сок,
В тонких жилах ее висок,
Сохранила ее рука
Запах теплого молока.

Такого изображения враждебных сил революции до П. Васильева в поэзии не было. Лирико-драматический пафос повествования о гибели казачьего войска при этом органично сочетается в поэме с лирико-патетическим рассказом о героизме революционных отрядов.

Социальная определенность и четкость («Мы прокляли тех, кто... в красные звезды, не целясь, стрелял») не мешали автору быть чутким и гуманным к человеческим драмам. В трагедийно звучащей поэме «Соляной бунт», с художественной добросовестностью и обстоятельностью рисующей и картины жизни жестокого, самодовольного «вершинного» казачества, и нищету и убогость забитых русских и казахов на соляных разработках, с большой поэтической силой воспроизведена драма казака Григория Босого, впервые осознавшего антинародность своих действий. Эта драма чем-то напоминает драму Григория Мелехова.

П. Васильев любил выписывать крепких, сильных (даже в своей жестокости) героев, особенно в исторических поэмах о семиреченском казачестве. Ему по душе были люди жизнеутверждающего, деятельного характера. Но одновременно он создавал многие стихотворения и поэмы, свидетельствующие об исключительно тонком лирическом мироощущении, о драматизме личных переживаний, о напряженных нравственно-философских исканиях. Это, пожалуй, более всего свойственно его автобиографическим поэмам «Лето», «Август», «Одна ночь», «Автобиографические главы», в которых господствует, если можно так сказать, есенинское начало.

Нам, как подарки, суждены
И смерти круговые чаши,
И первый проблеск седины,
И первые морщины наши.
Но посмотри на этот пруд —
Здесь будет лед, а он в купавах.
И яблони, когда цветут,
Не думают о листьях ржавых.

Неповторима и богата любовная лирика П. Васильева. Это прежде всего лирика напряженных человеческих страстей, радости земного бытия и одновременно непостижимая тайна влечения, рождающая драматические переживания, восторг, гнев и страдание одновременно, особенно когда физическая красота несовместима с нравственной. Таково, например, стихотворение «Анастасия», в котором любимая оказалась духовно пустой, неспособной понять

очистительные ветры времени, лишенной мечты и порывов к прекрасному. По существу герои враждебны друг другу, их «огоньки» навсегда «разметала вьюга». Но почему же так пронзительна боль разлуки? Почему герой по-прежнему горячо любит и даже боится силы своей любви?

Я нарочно взглядываю мимо,—
Я боюсь постичь твои черты!
Вдруг услышу отзвук нелюдимый,
Голос тихий, голос твой родимый —
Я страшусь, чтоб не запела ты!

Потому что в памяти как прежде
Ночи звездны, шали тяжелы,
Тих туман и сбивчивы надежды
Убежать от этой кабалы.

Полно драматизма и буйной радости, отчаяния, бунтарства и неизъяснимой нежности стихотворение «Расставанье»:

Ты уходила, русская! Неверно!
Ты навсегда уходишь? Навсегда!
Ты проходила медленно и мерно
К семье, наверно, к милому, наверно,
К своей заре, неведомо куда...

У пенных волн, на дальней переправе,
Все разрешив, дороги разошлись,—
Ты уходила в рыжине и славе,
Будь проклята — я возвратить не вправе,—
Будь проклята или назад вернись!

Но даже в стихотворениях о благополучном и светлом чувстве любви нет умиротворения, в них бушуют и клокочут те же благородные страсти («Стихи в честь Натальи», «Горожанка», «Послание к Наталии», «Вся ситцевая, летняя приснись...», «Дорогая, я к тебе приходил...» и др.).

Любовная лирика П. Васильева — своеобразный укор тем, кто любит бросать камни в поэзию 30-х годов, унижать ее нравственные и эстетические ценности.

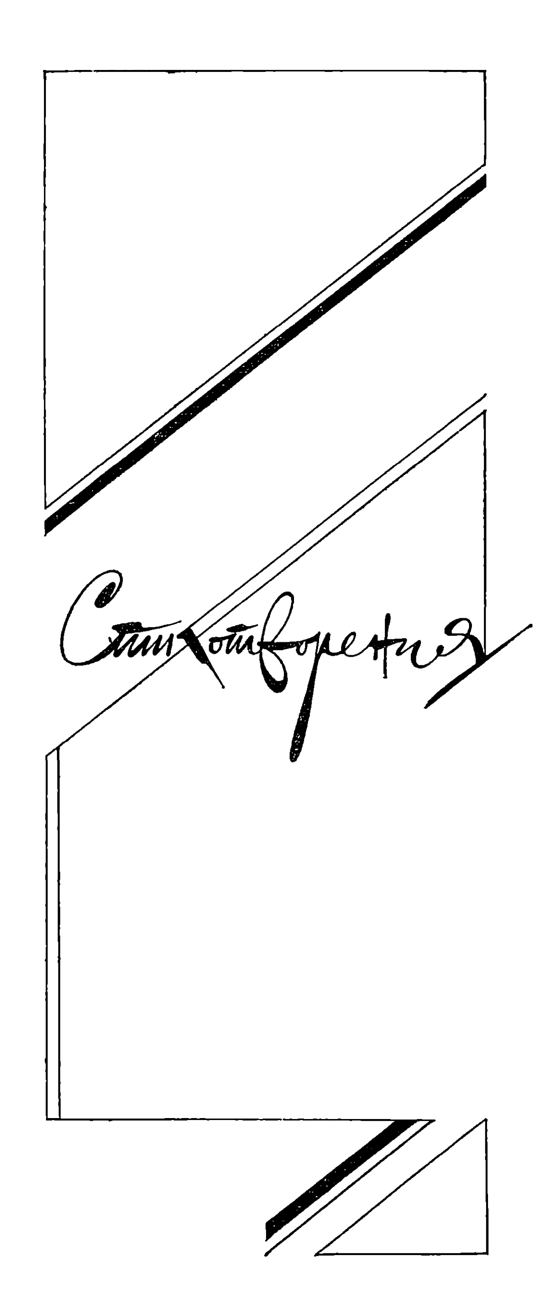
Много и напряженно размышлял П. Васильев об искусстве, о назначении поэта, о трудных путях к правде. В одних произведениях образ художника предстает эпически монументальным («Мню я быть мастером...», «Каменотес»), в других страстным бойцом («Все так же мирен листьев тихий шум...»), в третьих носителем народной правды («В защиту пастуха-поэта»), в поэмах «Автобиографические главы», «Одна ночь», «Христолюбовские ситцы» —

идущим, мучающимся, сомневающимся, противоречивым. Однако везде утверждается сила художества, рожденного жизненной потребностью людей, продиктованного высокими гражданскими идеалами.

Последние стихотворения, написанные в тюрьме («Прощание с друзьями», «Снегири взлетают красногруды...»), рисуют трагический образ поэта, несправедливо оклеветанного, но не сломленного, не потерявшего надежды.

Павел Васильев нашел яркое и точное слово о трудном рождении новой жизни, без П. Васильева мы бы навсегда, пожалуй, были лишены возможности поэтически ощутить тот неповторимый ушедший мир людей и событий, который кипел и бурлил в эпоху великих социальных перемен.

П. Выходцев

Стихотворения

«МОЯ РЕСПУБЛИКА, ЛЮБИМАЯ СТРАНА...»

ПЕСНЯ ОБ УБИТОМ

То было там, в моей стране далекой,
Где синим вечером осой звенит июль.
Хранит под сердцем тополь одинокий
Свинец давно уже остывших пуль.

Пыль на дороге с ветреным закатом
Прозрачна, золотиста и легка.
Вот здесь в последний путь когда-то
Расстреливать вели большевика.

Овраг глубок, зарос зеленым талом,
Ручей во мху шипучий, как вино...
Он подошел спокойный и усталый
И прислонился к тополю спиной.

И вот теперь в моей стране далекой,
Где синим вечером звенит июль,
Хранит под сердцем тополь одинокий
Свинец давно уже остывших пуль.

И в час, когда с любимою встречались
В последний раз под лунною листвой,
Я ей шепнул в узор широкой шали,
Я ей шепнул: «Любимая, постой!

Мне нежных слов сейчас не говори ты,
Сейчас куда пристойней помолчать.
Ты слышишь, тополь песню об убитом
Поет листвой под тихий звон ручья?

Ты видишь, — там — и медленно и туго
Свивает кольца голубые дым?
Давай же вместе с закадычным другом
И мы с тобой немного погрустим!»

Высокий полог в звезды пышно выткан,
Спокойно все над нитями дорог.
Любимую я проводил к калитке —
Свою печаль я проводить не мог.

1927

СИБИРЬ

Сибирь, настанет ли такое,
Придет ли день и год, когда
Вдруг зашумят, уставши от покоя,
В бетон наряженные города?

Я уж давно и навсегда бродяга.
Но верю крепко: повернется жизнь,
И средь тайги сибирские Чикаго
До облаков поднимут этажи.

Плывут и падают высокие закаты
И плавят краски на зеленом льду.
Трясет рогами вспуганный сохатый
И громко фыркает, почуявши беду.

Все дальше вглубь теперь уходят звери,
Но не уйти им от своей судьбы.
И старожилы больше уж не верят
В давно пропетую и каторжную быль.

Теперь иные подвиги и вкусы.
Моя страна, спеши сменить скорей
Те бусы
Из клыков зверей —
На электрические бусы!..

1928

ТОВАРИЩ ДЖУРБАЙ

Товарищ Джурбай!
Мы с тобою вдвоем.
Юрта наклонилась над нами.
Товарищ Джурбай,
Расскажи мне о том,
Как ты проносил под седым Учагом
Горячее шумное знамя,
Как свежею кровью горели снега
Под ветром, подкошенным вровень,
Как жгла, обезумев, шальная пурга
Твои непокорные брови.
Товарищ Джурбай!
Расскажи мне о том,
Как сабля чеканная пела,
Как вкось по степям,
Прогудев над врагом,
Косматая пика летела.

...На домбре спокойно застыла рука,
Костра задыхается пламя.
Над тихой юртой плывут облака
Пушистыми лебедями.

...По чашкам, урча, бушует кумыс.
Степною травою пьян,
К озеру Куль и к озеру Тыс
Плывет холодный туман.
Шатаясь, идет на Баян-Аул
Табунный тяжелый гул.
Шумит до самых горных границ

Буран золотых пшениц.
Багряным крылом спустился закат
На черный речной камыш,
И с отмелей рыжих цапли кричат
На весь широкий Иртыш.
Печален протяжный верблюжий всхлип.
Встань, друг, и острей взгляни,—
Это зажег над степями Турксиб
Сквозь ветер свои огни.
...Прохладен и нежен в чашках кумыс...
В высокой степной пыли
К озеру Куль и к озеру Тыс
Стальные пути легли...

Товарищ Джурбай!
Не заря ли видна
За этим пригнувшимся склоном?
Не нас ли с тобой
Вызывает страна
Опять — как в боях поименно?
Пусть домбра замолкнет!
Товарищ, постой!
Товарищ Джурбай, погляди-ка!
Знакомым призывом
Над нашей юртой
Склонилась косматая пика!

1930

ПУТЬ В СТРАНУ

Обожжены стремительною сталью,
Пески ложатся, кутаясь в туман,
Трубит весна над гулкой магистралью,
И в горизонты сомкнут Туркестан.

Горят огни в ауле недалеком,
Но наш состав взлетает на откос,
И ветви рельс перекипают соком —
Весенней кровью яблонь и берез.

Обледенев, сгибают горы кряжи
Последнею густою сединой...
Открыт простор.
И кто теперь развяжет
Тяжелый узел, связанный страной?

За наши дни, пропитанные потом,
Среди курганных выветренных трав
Отпразднуют победу декапоты,
В дороге до зари прогрохотав.

В безмолвном одиночестве просторов,
По-прежнему упорен и суров,
Почетными огнями семафоров
Отмечен путь составов и ветров.

Пусть под шатром полярного сиянья
Проходят Обью вздыбленные льды,—
К пустынному подножию Тянь-Шаня
Индустрии проложены следы.

Где камыши тигриного Балхаша
Качают зыбь под древней синевой,
Над пиками водонапорных башен
Турксиб звенит железом и листвой.

И на верблюжьих старых перевалах
Цветет урюк у синих чайхане,
Цветут огни поднявшихся вокзалов,
Салютуя разбуженной стране.

Здесь, на земле истоптанной границы,
Утверждены горячие века
Золотоносной вьюгою пшеницы
И облаками пышного хлопка!..

1930

К ПОРТРЕТУ СТЕПАНА РАДАЛОВА

Кузнец тебя выковал и пустил
По свету гулять таким,
И мы с удивленьем теперь тебе
В лицо рябое глядим.

Ты встал и, смеясь чуть-чуть, напролом
Сквозь тесный строй городьбы
Прошел стремительный, как топор
В руках плечистой судьбы.

Ты мчал командармом вьюг и побед,
Обласкан огнем и пургой,
Остались следы твоего коня
Под Омском и под Ургой.

И если глаза сощурить — взойдет
Туман дымовых завес,
Голодные роты идут, поют,
Со штыками наперевес.

И если глаза сощурить — опять
Полыни, тайга и лед,
И встанет закат, и Омск падет,
И Владивосток падет.

Ты вновь поднимаешь знамя, ты вновь
На взмыленном Воронке,
И звонкою кровью течет заря
На занесенном клинке.

Полтысячи острых, крутых копыт
Взлетают, преграды сбив,
Проносят кони твоих солдат
Косматые птицы грив.

И этот высокий, крепкий закал
Ты выдержал до конца,—
Сын трех революций, сын всей страны,
Сын прачки и кузнеца!

Едва ли, едва ли... Нет, никогда!
На прошлом поставлен крест.
Как раньше вел эскадроны — теперь
Ведешь в наступленье трест.

Смеются глаза. И твоей руки
Верней не бывало и нет.
И крепко знают солдаты твои
Тебя, командарм побед.

1931

ПОВЕСТВОВАНИЕ О РЕКЕ КУЛЬДЖЕ

Мы никогда не состаримся, никогда,
Мы молоды, как один.
О, как весела, молода вода,
Толпящаяся у плотин!

Мы никогда
Не состаримся,
Никогда —
Мы молоды до седин.
Над этой страной,
Над зарею встань
И взглядом пересеки
Песчаный шелк — дорогую ткань.
Сколько веков седел Тянь-Шань
И сколько веков пески?

Грохочут кибитки в седой пыли.
Куда ты ни кинешь взор —
Бычьим стадом камни легли
У синей стужи озер.

В песке и камне деревья растут,
Их листья острей ножа.
И, может быть, тысячу весен тут
Томилась река Кульджа.

В ее глубине сияла гроза
И, выкипев добела,
То рыжим закатом пела в глаза,
То яблонями цвела.

И голову каждой своей волны
Мозжила о ребра скал.
И, рдея из выстуженной глубины,
Летел ледяной обвал.

Когда ж на заре
Табуны коней,
Копыта в багульник врыв,
Трубили,
Кульджа рядилась сильней,
Как будто бы Азия вся на ней
Стелила свои ковры.

Но пороховой
Девятнадцатый год,
Он был суров, огнелиц!
Из батарей тяжелый полет
Тяжелокрылых птиц!

Тогда Кульджи багровела зыбь,
Глотала свинец она.
И в камыше трехдюймовая выпь
Протяжно пела: «В-в-ой-на!»

Был прогнан в пустыню шакал и волк.
И здесь сквозь песчаный шелк
Шел Пятой армии пятый полк
И двадцать четвертый полк.

Страны тяньшаньской каменный сад
От крови
И от знамен алел.
Пятнадцать месяцев в нем подряд
Октябрьский ветер гудел.

Он шел с штыками наперевес
Дорогою Аю-Кеш,
Он рвался чрез рукопожатья и чрез
Тревожный шепот депеш.

Он падал, расстрелян, у наших ног
В колючий ржавый бурьян,
Он нес махорки синий дымок
И запевал «Шарабан».

Походная кухня его, дребезжа,
Валилась в приречный ил.
Ты помнишь его дыханье, Кульджа,
И тех, кто его творил?

По-разному убегали года.
Верблюды — видела ты? —
Вдруг перекидывались в поезда
И, грохоча, летели туда,
Где перекидывались мосты.

Затем здесь
С штыками наперевес
Шли люди, валясь в траву,
Чтоб снова ты чудо из всех чудес
Увидела наяву.

Вновь прогнан в пустыню
Шакал и волк.
Песков разрывая шелк,
Пришел и пятый стрелковый полк,
И двадцать четвертый полк.

Удары штыка и кирки удар
Не равны ль? По пояс гол,
Ими
Руководит комиссар,
Который тогда их вел.

И ты узнаешь, Кульджа: «Они!»
Ты всплескиваешь в ладоши, и тут
Они разжигают кругом огни,
Смеются, песни поют.

И ты узнаешь, Кульджа,— вон тот,
Руками взмахнув, упал,
И ты узнаешь
Девятнадцатый год
И лучших его запевал!

И ты узнаешь
Девятнадцатый год!
Высоким солнцем нагрет,
Недаром Октябрьский ветер гудет,
Рокочет пятнадцать лет.

Над этой страной,
Над зарею встань
И взглядом пересеки
Песчаный шелк, дорогую ткань.
Сколько веков седел Тянь-Шань
И сколько веков пески?

Но не остынет слово мое,
И кирок не смолкнет звон.
Вздымается дамб крутое литье,
И взята Кульджа в бетон.

Мы никогда не состаримся, никогда,
Мы молоды до седин.
О, как весела, молода вода,
Толпящаяся у плотин!

Волна — острей стального ножа —
Форелью плещет у дамб —
Второю молодостью Кульджа
Грохочет по проводам.

В ауле Тыс огневее лис
Огни и огни видны,
Сияет в лампах аула Тыс
Гроза ее глубины.

1932

ЛАГЕРЬ

Под командирами на месте
Крутились лошади волчком,
И в глушь березовых предместий
Автомобиль прошел бочком.

Война гражданская в разгаре,
И в городе нежданный гам,—
Бьют пулеметы на базаре
По пестрым бабам и горшкам.

Красноармейцы меж домами
Бегут и целятся с колен;
Тяжелыми гудя крылами,
Сдалась большая пушка в плен.

Ее, как в ад, за рыло тянут,
Но пушка пятится назад,
А в это время листья вянут
В саду, похожем на закат.

На сеновале под тулупом
Харчевник с пулей в глотке спит,
В его харчевне пар над супом
Тяжелым облаком висит.

И вот солдаты с котелками
В харчевню валятся, как снег,
И пьют веселыми глотками
Похлебку эту у телег.

Войне гражданской не обуза —
И лошадь мертвая в траве,
И рыхлое мясцо арбуза,
И кровь на рваном рукаве.

И кто-то уж пошел шататься
По улицам и под хмельком,
Успела девка пошептаться
Под бричкой с рослым латышом.

И гармонист из сил последних
Поет во весь зубастый рот,
И двух в пальто в овраг соседний
Конвой расстреливать ведет.

1933

ПЕСНЬ О ХЛАДНОКРОВЬИ

Я помню шумные ноздри скачек
У жеребцов из-под Куянды,
Некованых,
Горевых
И горячих,
Глаза зажигавших
Кострами беды,
Прекрасных,
Июльскими травами сытых,
С витыми ручьями нечесаных грив...
Они танцевали
На задних копытах
И рвали губу, удила закусив.

Тогда, обольщенные магарычами,
Коням тем, не знавшим досель седока,
Объездчики обнимали ногами
Крутые, клокочущие бока.
И всадник
С застывшей для выстрела бровью,
И конь — на дыбах,
На дыбах,
На дыбах!
Не ты ль, азиатское хладнокровье,
Смиряло ослепшую ярость в степях?
Не ты ли,
Презревшее злобу и силу,
Крутилось меж волчьих
Разинутых ям,
Кругами гнало жеребца по степям

И после его в поводу приводило,
Одетого в мыло, к хозяйским ногам?

Я помню и то,
Как Британию славя,
Кэмширцы вели табуны голытьбы,
По-журавлиному ногу отставив,
Ловили на мушку их губы и лбы!
Кэмширцев на совесть, на деньги учили
Вести пулеметный сухой разговор,
Чтоб холодно в битвы кэмширцы ходили,
Как ходят штыки и ружейный затвор.
Тряслись от пожаров
И падали кровли,
Но зорок и холоден был караул,—
Тогда европейское хладнокровье
Глядело на нас
Из сощуренных дул.

Кругом по-вороньи засады расселись,
Вчера еще только
У злобы в плену,
Надвинулся враг,
Хладнокровно нацелясь
В окно сельсовета,
В победу,
В весну.
Он призван к оружью,
Он борется с нами,
Силен и прикидчив, лишившийся сил,
Он выучку получил у Краснова,
Он комиссаров! на козлах! пилил!
Он не жалел наших женщин,
Он вешал,
Рубил топорами и ждал своего,—
И вот он стоит
В припасенных одеждах
И просит, чтоб мы пощадили его:
Вот, мол, он нищ,
Он согласен, не прекословя,
С решеньем любым, ничего не тая...

Поучимся у врагов хладнокровью,
Пусть ходит любой,
Как затвор у ружья!

Сосчитаны время,
Движенье
И пули.
И многое спросится у сторожевых,
И каждый находится в карауле
У взрывчивых погребов
Пороховых.
Враг — под ружьем,
Он борется с нами,
Он хочет расправы любою ценой.
И, может быть, завтра
На шею Дмитрова
Наденут закрученный
Галстук пеньковый,
Намыленный сытой вонючей слюной.
— Ответят за казнь
Ваши шеи воловьи!
Ответных насчитано будет монет.
Да здравствует выдержка и хладнокровье,
Да здравствует солнце
И песни побед!

1933

«РОДИТЕЛЬНИЦА СТЕПЬ...»

ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ «ШАМАНЬЯ ПЛЯСКА»

Моя страна, мы встретились опять,
Хранишь ты прежнюю угрюмую дремучесть,
Но я давно уж начал понимать,
Что ждет тебя совсем иная участь.

Пускай летят в костер твоей зари
Твоей тайги смолистые поленья,
Пришельцам ты покорно подари
Пустынных рек холодное кипенье.

Шуми, шуми, угрюмый хвойный край!..
Ковер шафранный расстелила осень.
Смелее, ветер, песню начинай,
Перебирая струны сосен.

Чисты от туч, нависли небеса
Над одиночеством твоих селений...
Бегут на север синие леса,
Бегут на север дикие олени.

Но даже там, где лег спокойно лед,
Где ночь тиха, что коршун над добычей,
Крылатых нарт стремительный полет
Чего-то неустанно ищет.

И на брусничный ветреный закат
Тоскуют долго древние урманы...
В последний раз над головой подъят
Широкий бубен старого шамана!

1927

ГОЛУБИ

Было небо вдосталь черным,
Стало небо голубей,
Привезла весна на двор нам
Полный короб голубей.
Полный короб разнокрылый —
Детства, радостной родни,
Неразборчивой и милой
Полный короб воркотни.
Приложил я к прутьям ухо —
Весел стал, а был угрюм,
Моего коснулся слуха
Ожиданья душный шум.
Крышку прочь! Любовью тая,
Что наделала рука!
Облачком гудящим стая
Полетела в облака.

1927
Павлодар

ПО ИРТЫШУ

Ветрено. И мертвой качкой
Нас Иртыш попотчевать готов.
Круглобедрые казачки
Промелькнули взмахами платков.

А колеса биться не устали,
И клубится у бортов река,
И испуганной гусиной стаей
Убегают волны к тальникам.

Жизнь здесь тесто круто замесила,
На улогах солнечной земли,
На песчаном прибережном иле
Здесь рождались люди и росли.

Здесь под вечер говорливы птицы
Над притихшим, гулким Иртышом.
Вот простую девку из станицы
Полюбить мне было б хорошо.

Я б легко встречал ее улыбки
Под журчанье легкого весла,
Шею мне со смехом, гибко
Смуглою б рукою обняла.

На ночевки в голубые степи
Я гонял бы косяки коней,
На ночевках при июльском лете
Я грустил бы песнями о ней.

Только мне, я это твердо знаю,
Не пасти уже в степи коня,
И простая девушка такая
Не полюбит никогда меня.

Вновь расстанусь с этими местами,
Отшумит и отзвенит река.
Вспуганной гусиной стаей
Убегают волны к тальникам.

1927 (?)

ВОДНИК

Качают над водою сходни
Рубах цветные паруса,
Мой друг — угрюмый, старый водник —
Рукой проводит по усам.

И вижу я (хоть тень акаций
Совсем заволокла крыльцо) —
Легли двенадцать навигаций
Ему загаром на лицо.

Он скажет: «Пошатались прежде...
Я знаю этот водный путь...»
Просвечивает сквозь одежду
Татуированная грудь.

Пока огней он не потушит
В глуби своих зеленых глаз,
Я буду долго, чутко слушать
Уже знакомый мне рассказ.

И мимо нас с баржою длинной,
Волны разрезав сизый жир,
Пройдет сторонкою старинный,
Неповоротливый буксир.

1928

* * *

Глазами рыбьими поверья
Еще глядит страна моя,
Красны и свежи рыбьи перья,
Не гаснет рыбья чешуя.

И в гнущихся к воде ракитах
Ликует голос травяной —
То трубами полков разбитых,
То балалаечной струной.

Я верю — не безноги ели,
Дорога с облаком сошлась,
И живы чудища доселе —
И птица-гусь, и рыба-язь.

1928
Омск

РАССКАЗ О ДЕДЕ

Корнила Ильич, ты мне сказки баял,
Служивый да ладный — вон ты каков!
Кружилась за окнами ночь, рябая
От звезд, сирени и светляков.

Тогда как подкошенная с разлета
В окно ударялась летучая мышь,
Настоянной кровью взбухало болото,
Сопя и всасывая камыш.

В тяжелом ковше не тонул, а плавал
Расплавленных свеч заколдованный воск,
Тогда начиналась твоя забава —
Лягушачьи песни и переплеск.

Недобрым огнем разжигались поверья,
Под мох забиваясь, шипя под золой,
И песни летали, как белые перья,
Как пух одуванчиков над землей!

Корнила Ильич, бородатый дедко,
Я помню, как в пасмурные вечера
Лицо загудевшею синею сеткой
Тебе заволакивала мошкара.

Ножовый цвет бархата, незабудки,
Да в темную сырь смоляной запал,—
Ходил ты к реке и играл на дудке,
А я подсвистывал и подпевал,

Таким ты остался. Хмурый да ярый,
Еще неуступчивый в стык, на слом,
Рыжеголовый, с дудкою старой,
Весну проводящий сквозь бурелом.

Весна проходила речонки бродом,
За пестрым телком, распустив волоса.
И петухи по соседним зародам
Сверяли простуженные голоса.

Она проходила куда попало
По метам твоим. И наугад
Из рукава по воде пускала
Белых гусынь и желтых утят.

Вот так радость зверью и деду!
Корнила Ильич, здесь трава и плес,
Давай окончим нашу беседу
У мельничных вызелененных колес.

Я рядом с тобою в осоку лягу
В упор трясинному зыбуну.
Со дна водяным поднялась коряга,
И щука нацеливается на луну.

Теперь бы время сказкой потешить
Про злую любовь, про лесную жизнь.
Четыре дня, как четыре леших,
Сидят у берега, подпершись.

Корнила Ильич, по старой излуке
Круги расходятся от пузырей,
И я, распластав, словно крылья, руки,
Встречаю молодость на заре.

Я молодость слышу в птичьем крике,
В цветенье и гаме твоих болот,
В горячем броженье свежей брусники,
В сосне, зашатавшейся от непогод.

Крест не в крест, земля — не перина,
Как звезды, осыпались светляки,—
Из гроба не встанешь, и с глаз совиных
Не снимешь стертые пятаки.

И лучший удел — что в забытой яме,
Накрытой древнею синевой,
Отыщет тебя молодыми когтями
Обугленный дуб, шелестящий листвой.

Он череп развалит, он высосет соки,
Чтоб снова заставить их жить и петь.
Чтоб встать над тобою крутым и высоким,
Корой обрастать и ветвями звенеть!

1929

БАХЧА ПОД СЕМИПАЛАТИНСКОМ

Змеи щурят глаза на песке перегретом,
Тополя опадают. Но в травах густых
Тяжело поднимаются жарким рассветом
Перезревшие солнца обветренных тыкв.
В них накопленной силы таится обуза —
Плодородьем добротным покой нагружен,—
И изранено спелое сердце арбуза
Беспощадным и острым казацким ножом.
Здесь гортанная песня к закату нахлынет,
Чтоб смолкающей бабочкой биться в ушах,
И мешается запах последней полыни
С терпким запахом меда в горбатых ковшах.
Третий день беркута уплывают в туманы
И степные кибитки летят, грохоча.
Перехлестнута звонкою лентой бурьяна,
Первобытною силой взбухает бахча.
Соляною корою примяты равнины,
Но в подсолнухи вытканный пестрый ковер,
Засияв, расстелила в степях Украина
У глухих берегов пересохших озер!
Наклонись и прислушайся к дальним подковам,
Посмотри — как распластано небо пустынь...
Отогрета ладонь в шалаше камышовом
Золотою корою веснушчатых дынь.
Опускается вечер.
И видно отсюда,
Как у древних колодцев блестят валуны
И, глазами сверкая, вздымают верблюды
Одичавшие морды до самой луны.

1929

* * *

Затерян след в степи солончаковой,
Но приглядись — на шее скакуна
В тугой и тонкой кладнице шевровой
Старинные зашиты письмена.

Звенит печаль под острою подковой,
Резьба стремян узорна и темна...
Здесь над тобой в пыли многовековой
Поднимется курганная луна.

Просторен бег гнедого иноходца.
Прислушайся! Как мерно сердце бьется
Степной страны, раскинувшейся тут,

Как облака тяжелые плывут
Над пестрою юртою у колодца.
Кричит верблюд. И кони воду пьют.

1929

ЯРМАРКА В КУЯНДАХ

Над степями плывут орлы
От Тобола до Каркаралы,

И баранов пышны отары
Поворачивают к Атбасару.

Горький ветер трясет полынь,
И в полоне Долонь у дынь —

Их оранжевые тела
Накаляются добела,

И до самого дна нагруз
Сладким соком своим арбуз.

В этот день поет тяжелей
Лошадиный горячий пах,—
Полстраны, заседлав лошадей,
Скачет ярмаркой в Куяндах.

Сто тяжелых степных коней
Диким глазом в упор косят,
И бушует для них звончей
Золотая пурга овса.

Сто коней разметало дых —
Белой масти густой мороз,—
И на скрученных лбах у них
Сто широких буланых звезд.

Над раздольем трав и пшениц
Поднимается долгий рев —
Казаки из своих станиц
Гонят в степь табуны коров.

Горький ветер, жги и тумань,
У алтайских предгорий стынь!
Для казацких душистых бань
Шелестят березы листы.

В этот день поет тяжелей
Вороной лошадиный пах,—
Полстраны, заседлав лошадей,
Скачет ярмаркой в Куяндах!..

Пьет джигит из касэ,— вина! —
Азиатскую супит бровь,
На бедре его скакуна
Вырезное его тавро.

Пьет казак из Лебяжья,— вина! —
Сапоги блестят — до колен,
В пышной гриве его скакуна
Кумачовая вьюга лент.

А на седлах чекан-нарез,
И станишники смотрят — во!
И киргизы смеются — во!
И широкий крутой заезд
Низко стелется над травой.

Кто отстал на одном вершке,
Потерял — жалей не жалей —
Двадцать пять в холстяном мешке,
Серебром двадцать пять рублей....

Горький ветер трясет полынь,
И в полоне Долонь у дынь.

И баранов пышны отары
Поворачивают к Атбасару.

Над степями плывут орлы
От Тобола на Каркаралы.

1930

РАССКАЗ О СИБИРИ

Рассказ о стране начинается так:
Четыре упряжки голодных собак,
Им северный ветер взлетает навстречу,
И, к нартам пригнув онемелые плечи,
Их гонит наездник, укутанный в снег.
Четыре упряжки и человек.
Над срубами совы кричали ночами,
Поселок взбухал, обрастая в кусты,
Настоянным квасом и дымными щами,
И бабы вынашивали животы,
Когда по соседним зародам и гатям
Мужья проносили угрозу рогатин.
Рассказ продолжается. Ветер да камень.
Но взрыта земля глубоко рудниками.
Подвластны железным дорогам равнины,
И первые транспорты ценной пушнины
Отправлены там, где, укутанный в снег,
Четыре упряжки провел человек.
Рассказ продолжается. Слышат становья,
Как тают снега, перемытые кровью...
...И каждый наладил бердан да обрез,
И целый поселок улогами лез.
Аглицкие части застряли в болотах,
И лихорадят вовсю пулеметы...
Рассказ продолжается. Сивый рязанец,
Обвит пулеметною кожею лент,
Благословляет мужичий конвент,
Советы приветствуют партизаны.
И от Челябинска до Уймона
Проходят простреленные знамена.

И вот замолкает обозный скрип;
Сквозь ветер степей, через залежи леса,
Прислушавшись чутко к сиренам Тельбеса,
Огни над собой поднимает Турксиб.
Полярным сияньем и глыбами льда,
Пургой сожжены и застужены ночи,
Но все ж по дремучим снегам прогрохочут
На Фрунзе отправленные поезда.

1930

КИРГИЗИЯ

Замолкни и вслушайся в топот табунный,—
По стертым дорогам, по травам сырым
В разорванных шкурах
бездомные гунны
Степной саранчой пролетают на Рим!..

Тяжелое солнце
в огне и туманах,
Поднявшийся ветер упрям и суров.
Полыни горьки, как тоска полонянок,
Как песня аулов,
как крик беркутов.

Безводны просторы. Но к полдню прольется
Шафранного марева пряный обман,
И нас у пригнувшихся древних колодцев
Встречает гортанное слово — аман!

Отточены камни. Пустынен и страшен
На лицах у идолов отблеск души.
Мартыны и чайки
кричат над Балхашем,
И стадо кабанье грызет камыши.

К юрте от юрты, от базара к базару
Верблюжьей походкой размерены дни,
Но здесь, на дорогах ветров и пожаров,
Строительства нашего встанут огни!

Совхозы Киргизии!
Травы примяты.
Протяжен верблюжий поднявшийся всхлип.

Дуреет от яблонь весна в Алма-Ата,
И первые ветки
раскинул Турксиб.

Земля, набухая, гудит и томится
Несобранной силой косматых снопов,
Зеленые стрелы
взошедшей пшеницы
Проколют глазницы пустых черепов.

Так ждет и готовится степь к перемене.
В песках, залежавшись,
вскипает руда,
И слушают чутко Советы селений,
Как ржут у предгорий, сливаясь, стада.

1930

СЕСТРА

В луговинах по всей стране
Рыжим ветром шумят костры,
И, от голода осатанев,
Начинают петь комары.
На хребтах пронося траву,
Осетры проходят на юг,
И за ними следом плывут
Косяки тяжелых белуг.
Ярко-красный теряет пух
На твоем полотенце петух.
За твоим порогом — река,
Льнут к окну твоему облака,
И поскрипывает, чуть слышна,
Половицами тишина.
Ой, темно иртышское дно,—
Отвори, отвори окно!
Слушай, как водяная мышь
На поемах грызет камыш.
И спокойна вода, и вот
Молчаливая тень скользнет:
Это синие стрелы щук
Бороздят лопухи излук,
Это всходит вода ясней
Звонкой радугой окуней.
...Ночь тиха, и печаль остра,
Дай мне руки твои, сестра.
Твой родной постаревший дом
Пахнет медом и молоком.
Наступил нашей встречи срок,
Дай мне руки, я не остыл,

Синь махорки моей — дымок
Пусть взойдет, как тогда всходил.
Под резным глухим потолком
Пусть рассеется тонкий дым,
О далеком и дорогом
Мы с тобою поговорим.
Горячей шумит разговор,—
Вот в зеленых мхах и лугах
Юность мчится во весь опор
На крутых степных лошадях.
По траве, по корявым пням
Юность мчится навстречу нам,
Расплеснулись во все концы
С расписной дуги бубенцы!
Проплывает туман давно,
Отвори, отвори окно!
Слушай, как тальни́к, отсырев,
Набирает соки заре.
Закипевшей листвой пыля,
Шатаются пьяные тополя,
Всходит рыжею головой
Раньше солнца подсолнух твой.
Осыпая горячий пух,
С полотенца кричит петух...
Утро, утро, сестра, встречай,
Дай мне руки твои. Прощай!

1930

ДЖУТ

По свежим снегам — в тысячи голов —
На восток табуны идут.
Но вам, погонщики верблю́дов,
Холодно станет от этих слов —
В пустыне властвует джут.

Первые наездники алтайских предгорий
На пегих, на карих, на гнедых лошадях
Весть принесли, что Большое горе
Наледью синей легло в степях.
И сразу топот табунный стих,
Качнулся тяжелый рев —
Это, рога к земле опустив,
Мычали стада коров;
Это кочевала беда, беда
Из аула в другой аул:
— Джут шершавой корою льда
Серединную степь стянул.

А степь навстречу пургой, пургой:
— Ой, кайда барасен... ой-пур-мой!
А по степи навстречу белый туман:
Накерек, бельмейм — жаман, жаман.

Жмется к повозкам бараний гурт,
Собаки поднимают долгий вой.
Месяц высок. И хозяин юрт
Качает мудрою головой.
У него ладонь от ветра ряба,
К нему от предгорий спешат гонцы,

На повозках кричат его ястреба,
Иноходцы его трясут бубенцы.
По первой дороге свежих снегов
На восток табуны идут.
Но все меньше и меньше веселых слов
У погонщиков верблюдов,
И в пустыне властвует джут.
— Эй, хозяин высоких юрт,
Гибнет, гибнет бараний гурт.
—Эй, хозяин, беда, беда,
Погибают твои стада.
Настигает смерть, аксакал,
Лучший твой жеребец упал.

Это старый и хитрый джут,
Он по пальцам считает дни.
Хохоча, сумасшедший джут
Зажигает волчьи огни.
— Сжалься, старый, безумный джут,
Не бери всех коней и коров,
Отдаем тебе, старый джут,
Самых жирных баранов кровь,
Убери, убери, хитрый джут,
Тонкий лед и белый туман,
Для тебя на кострах, старый джут,
Спляшет самый лучший шаман.—
Но, от голода одичав,
Кони мчат последний разбег,
И верблюды тревожно кричат,
Зарываясь ноздрями в снег.
Ветер прям и снега чисты.
— Ой-пур-мой, ой-пур-мой, кайда? —
Голубые снега пустынь
Опускаются на стада.

— Эй, хозяин, склони сильней
Ястребиные крылья скул,
По старинным путям степей
Ты спешишь на Баян-Аул.

У копыт поземки бегут,
За спиною хохочет джут.

И хоть ровен путь и хорош,
Все равно никуда не уйдешь.

Черный куст, тонкий куст — можжевель,
Лижет стремя твое метель.

Все равно не уйдешь далеко
От седых ее языков.
Пропадешь средь голых степей.
—Эй, хозяин! Хозяин, и-ей!..

1930

КОНЬ

Топтал павлодарские травы недаром,
От Гробны до Тыса ходил по базарам.

Играл на обман средь приезжих людей
За полные горсти кудлатых трефей.

И поднимали кругом карусели
Веселые ситцевые метели.

Пришли табуны по сожженным степям,
Я в зубы смотрел приведенным коням.

Залетное счастье настигло меня —
Я выбрал себе на базаре коня.

В дорогах моих на таком не пропасть —
Чиста вороная, атласная масть.

Горячая пена на бедрах остыла,
Под тонкою кожей — тяжелые жилы.

Взглянул я в глаза — высоки и остры,
Навстречу рванулись степные костры.

Папаху о землю! Любуйся да стой!
Не грива, а коршун на шее крутой.

Неделю с хозяином пили и ели,
Шумели цветных каруселей метели.

Прощай же, хозяин! Навстречу нахлынет
Поднявшейся горечью ветер полыни.

Навстречу нахлынут по гривам песков
Горячие вьюги побед и боев.

От Гробны до Тыса по логам и склонам
Распахнут закат полотни́щем червонным.

Над Первой над Конной издалека
На нас лебедями летят облака.

1930

ПЕСНЯ

Марии Рогатиной — совхознице

Листвой тополиной и пухом лебяжьим,
Гортанными криками
Вспугнутых птиц
По мшистым низинам,
По склонам овражьим
Рассыпана ночь прииртышских станиц.

Но сквозь новолунную мглу понизовья,
Дорогою облачных
Стынущих мет,
Голубизной и вскипающей кровью
По небу ударил горячий рассвет.

И, горизонт перевернутый сдвинув,
Снегами сияя издалека,
На крыши домов
Натыкаясь, как льдины,
Сплошным половодьем пошли облака.

В цветенье и росте вставало Поречье,
В лугах кочевал
Нарастающий гам,
Навстречу работе
И солнцу навстречу
Черлакский совхоз высыпал к берегам.

Недаром, повисший пустынно и утло,
Здесь месяц с серьгою казацкою схож.
Мария! Я вижу:
Ты в раннее утро
С поднявшейся улицей вместе плывешь.

Ты выросла здесь и налажена крепко.
Ты крепко проверена. Я узнаю

Твой рыжий бушлат
И ушатую кепку,
Прямую, как ветер, походку твою.

Ты славно прошла сквозь крещенье железом,
Огнем и работой. Пусть нежен и тих,
Твой голос не стих
Под кулацким обрезом,
Под самым высоким заданьем не стих.

В засыпанной снегом кержацкой деревне
Враг стлался,
И поднимался,
И мстил.
В придушенной злобе,
Тяжелый и древний,
Он вел на тебя наступление вил.

Беспутные зимы и весны сырые
Топтались в безвыходных очередях.
Но ты пронесла их с улыбкой, Мария,
На крепких своих, на мужицких плечах.

Но ты пронесла их, Мария. И снова,
Не веря пробившейся седине,
Работу стремительную и слово
Отдать, не задумываясь, готова
Под солнцем индустрии вставшей стране.

Гляди ж, горизонт перевернутый сдвинув,
Снегами сияя издалека,
На крыши домов
Натыкаясь, как льдины,
Сплошным половодьем идут облака
И солнце.

Гудков переветренный голос,
Совхоза поля — за развалами верб.
Здесь просится каждый набухнувший колос
В социалистический герб.

За длинные зимы, за весны сырые,
За солнце, добытое
В долгом бою,
Позволь на рассвете, товарищ Мария,
Приветствовать песней работу твою.

1930

ГЛАФИРА

Багровою сиренью набухал
Купецкий город, город ястребиный,
Курганный ветер шел по Иртышу,
Он выветрил амбары и лабазы,
Он гнал гусей теченью вопреки
От Урлютюпа к Усть-Каменогору...
Припомни же рябиновый закат,
Туман в ночи и шелест тополиный,
И старый дом, в котором ты звалась
Купеческою дочерью — Глафирой.

Припоминай же, как поголубев,
Рассветом ранним окна леденели
И вразнобой кричали петухи
В глухих сенях, что пьяные бояре,
Как день вставал сквозною кисеей,
Иконами и самоварным солнцем,
Горячей медью тлели сундуки
И под ногами пели половицы...

Я знаю, молодость нам дорога
Воспоминаньем терпким и тяжелым,
Я сам сейчас почувствовал ее
Звериное дыханье за собою.

Ну что ж, пойдем по выжженным следам,
Ведь прошлое как старое кладбище.
Скажи же мне, который раз трава
Зеленой пеной здесь перекипала?

На древних плитах стерты письмена
Пургой, огнем, июньскими дождями,
И воткнут клен, как старомодный зонт,
У дорогой, у сгорбленной могилы!

А над Поречьем те же журавли,
Как двадцать лет назад, и то же небо,
И я, твой сын, и молод и суров
Веселой верой в новое бессмертье!

Пускай прижмется теплою щекой
К моим рукам твое воспоминанье,
Забытая и узнанная мать,—
Горька тоска... Горьки в полях полыни...

Но в тесных ульях зреет новый мед,
И такова извечная жестокость —
Все то, что было дорого тебе,
Я на пути своем уничтожаю.

Мне так легко измять твою сирень,
Твой пыльный рай с расстроенной гитарой,
Мне так легко поверить, что живет
Грохочущее сердце мотоцикла!

Я не хочу у прошлого гостить —
Мне в путь пора. Пусть перелески мчатся
И синим льдом блистает магистраль,
Проложенная нами по курганам,—

Как ветер, прям наш непокорный путь.
Узнай же, мать поднявшегося сына,—
Ему дано восстать и победить.

1930(?)

ПЕСНИ КИРГИЗ-КАЗАХОВ[1]

ПЕСНЯ О ЛЕНИНЕ

Если все обжорство волков
Соединить,
Если всю хитрость лисиц
Соединить,
Если всю злобу змей
Соединить, —
Все же не получится
Обжорства,
Хитрости не получится,
Злобы не получится,
Какими обладают
Баи и муллы.

Баи ели жирных овец,
А нам — кости!
Баи пили айрам и кумыс,
Нам — опивки!
Муллы грязными ладонями
Закрывали нам глаза.
Мешали нам увидеть
Правду муллы.

Если всю горечь степей
Соединить,
Если всю озерную соль
Соединить,
То и все же не получится
Горечи,
Которую испытали
Батраки.

---

[1] Цикл создан по мотивам казахского фольклора. (Примеч. составителя. — *П. В.*)

Но пришел
К казахскому народу
Ленин,
Отец наш и учитель
Ленин.
Он сказал:
«Все работающие — братья,
Их враги — только баи и муллы».

И мы увидели солнце!

Если всю мудрость
Мудрейших соединить
И на число звезд это умножить,
То и все же
Не получится мудрости
Великого Ленина!

Он сказал слова
Простые, как солнце,
Сияющее в небе.

Лучше б отняли
У каждого
Правую руку,
Лучше б у каждой
Матери
Умер первый сын,
Лучше б вовсе он не родился,
Чем услышать
Такую страшную весть!

Лучше б все песни
Вдруг замолчали
И больше никогда
Не начинались,
Лучше б чума пришла,
Чем узнать,
Что умер великий Ленин!

Нет, этого быть не может,
Это просто выдумки
Лживых баев и мулл —
Не может умереть
Наш Ленин.

Разве он решился бы
Уйти и оставить
Одинокими народы?

Нет, жив Ленин,
И еще бессчетное
Множество раз — жив!

А если даже
И правда,
Что опустили его
В каменную могилу,
Все равно
Хорошо нам
Слышно отсюда,
Как бьется его
Большое сердце.

Мы сплетем
Наши руки тружеников,
Мы сплетем
Наши пастушеские руки
И пронесем
Бессмертного Ленина
Туда, где
Не оскудевает свет...

РЫЖАЯ ГОЛОВА

В луне, наверно, будет сто пудов
Самого чистого серебра,
А все-таки летит над степью луна
Легче пуха от губ возлюбленной.

Сколько нежности в моем сердце,
Сколько тяжести в моей песне,
А все-таки песня летит легко,
Легче пуха от губ возлюбленной.

Я хочу спеть о том, что было...
Русские казаки ели жирных гусей
И нюхали цветы в своих садочках,

А нам было тяжело,
А мне было тяжело,
Как верблюду, несущему соль в рогоже.

Чьи озера у Павлодара? — Осипова [1].
Чьи друзья в городах? — Осипова.
Кто торгует крупой и ситцем? — Осипов.
Рыжий Осипов овладел нами.

Чьи озера у Павлодара? — Осипова.
Чьи друзья в городах? — Осипова.
Кто торгует крупой и ситцем? — Осипов,
А нам осталась одна песня.
Но листья опадали, как наши надежды,
Чтоб снова зазеленеть, опадали листья.
И скакали джигиты до Каркаралов,
И скакали джигиты до Акмолов,
До самого города Семипалатинска.
Поднятыми вверх нагайками
Приветствовали мы красных.
Женщины выходили в лучших чувлуках
И протягивали им пищу.

Осипову отрубили голову
И бросили в Иртыш.
Плыви, плыви, рыжая голова,
Мимо Павлодара,
Мимо Чернолучья,
К самому Омску!
Так будет лучше...
Радуемся мы.

Как же не петь нам и не радоваться?
Пастухи и бедняки едут с разных сторон,
В колхозе все едят печеный хлеб
И работают дружно!

---

[1] Павлодарский купец-миллионер, владелец всех соляных озер к востоку от Павлодара.

ПОДНЯВШЕЕСЯ СОЛНЦЕ

Хорошо, рассказывают, старики пели,—
Почему бы им плохо петь, в самом деле?
Только в Баян-Ауле,
Только в Кара-Джайтаках,
Только в Каркаралах —
В каждом месте у певцов разный был обычай:
У одного жеребячий голос, у другого бычий,
А третий поет, как на душу мулла положит,
И лживою молитвою песню тревожит.

Хорошо, рассказывают, старики пели,—
Почему бы им плохо петь, в самом деле?
Для них баевы кызы молоко доили,
Много они ели, а еще больше пили.
Родится у бая жеребенок —
Золотой жеребенок!
Ребенок родится — золото, а не ребенок!
Были они у бая самые первые гости,
Веселее побитого волка,
Жирнее высохшей кости.
Ай да певцы!
Ну и певцы!
Куда как старик распелся,—
«Азрак тратур!».
Но будем иметь к старшим больше почтенья,
Признаем за лучшее в степи их пенье.

Хорошо, рассказывают, аксакалы пели,—
Почему бы им плохо петь, в самом деле?
Домбра моя запечалилась, пора нам признаться:
Тебе, Амре, за беззубыми не угнаться.
Дед твой у бая батраком работал,
И тебе, Амре,
сгибать спину пришлось бы, поди-ка,
Да подоспели красные пики,
Да подоспели красные, горячие флаги,
Полные доблести и отваги!
Споем же песню, насколько уменье позволит,
А кто слушать не хочет — не будем неволить.
Вижу: поднимаются и уходят баи —
Отворите им двери, будьте вежливы!
Вижу: плюются и уходят баи —
До свиданья, кош, еще встретимся!.

До свиданья, Амильжан,
Посчитай последний раз своих баранов.
До свиданья, Джурабай,
Не забудь почитать перед сном Коран.
Слышу: хлопают мне товарищи,
В смуглые ладони ударяют товарищи,
В привычные к работе ладони гремят товарищи.
Красное солнце над степью —
ветреной быть заре,
Для вас, товарищи, песню поет байгуш Амре!..
А-а-а-а-а-а-а-ы-ы!

Если ехать отсюда степью — доедешь не скоро
До места, откуда увидишь синие горы,
Качающиеся в туманах холодною тенью,
Как в озере качается твое изображенье.
Роясь в травах ноздрями,
проходят бараньи гурты,
На пастбищах предгорья
мы круглые ставим юрты.
Здесь солончак не разбили конские копыта,
Целителен предгорий воздух,
от болезней защита.
Приезжали к казахам приказчики, говорили слово:
«Мы к вам посланы
от большого купца Жезлова.
Обнаружен в горах золотой песок —
добывать его надо...
Нанимайтесь, джигиты,—
хорошая будет награда!..»
И подкуплен мулла, и русскими бай запуган,
Остальные стоят,
переглядываются друг с другом.
А приказчики сахар показывают,
развернули ситцы:
«Это все для того, кто гор не боится».
А баи говорят: «Надо ехать!»
А мулла говорит: «Укрепим храбрейших!»
Сотни нагаек набрали приказчики —
прощай, родной аул!
Холодный ветер, нехороший ветер,
темный ветер в горы потянул.
У купца Жезлова высокие сапоги,
на затылке волосы,
Охраняют нанятых строго «красные полосы»,

Работают нанятые, передохнуть не смея,
Половину деньгами получают,
половину — в зубы да в шею.
Какой щедрый купец Жезлов!
Не отступится он от своих слов.
Он заботится о работнике,
чтоб работник не сдох.
Хорошо помогли ему мулла, баи и сам бог.
Но еще хитрее, чем баи, купец и мулла.
Болезнь, которая средь казахов и пошла.
Ни одного из работающих
не осталось в живых.

Желтая болезнь,
Огненная болезнь,
Страшная болезнь сожрала их!

Вот какое печальное происшествие было на свете,
Но не грустите, собравшиеся,
не печальтесь этим!
Здравствуй, утренняя степь,
свежая, как мое детство!
Солнце поднявшееся, домбра моя, приветствуй!
Поднимается новое солнце над степью,—
Хлопайте, хлопайте, товарищи, в ладоши!
Гниет в степи простреленная башка Жезлова,—
Веселее, товарищи,
веселее хлопайте в ладоши!
Не удалось баям и купцу обмануть правду.
Крепче, крепче ударьте, товарищи, в ладоши!
Отнимем у кулаков все,
передадим в колхозы,—
Гремите, ладони трудящихся!..
Здравствуй, утренняя степь,
свежая, как мое детство!
Солнце поднявшееся, домбра моя, приветствуй!

Мы прокладываем стальную дорогу к Туркестану,
И приветствовать гостя стального я тоже стану.
Так закончим же получше эту песню:
Да здравствует свободная
Казахская республика.

УЛЬКУН-ВОШЬ

(Веселая застольная песня)

Если только хозяин позволит,
Если только сыновья его позволят,
Если только гости его позволят,
Я могу об этом спеть.
Если только хозяин не разгневается,
Если только сыновья его меня не выгонят,
Если только гости его
Не помогут меня бить,
Я буду петь хорошо.
Пусть же у хозяина будет много сыновей
И еще больше будет гостей,
А верблюдов будет больше,
Чем гостей и сыновей вместе.
Что еще ему могу я пожелать?
Если то, что я пою,— неправда,
Пусть у меня отвалится третья рука,
Пусть у моей невесты выпадет борода,
Пусть оживет тот баран, которого мы съели.
Да если бы это и неправда была,
Кто меня в этом сможет уличить?
То, что делается на одном конце степи,
На другом конце степи знают понаслышке.
А то, что совсем там не делается,
Знают наверняка.

Хотела погубить казахский народ
Улькун-вошь.
Заползала в юрты
Улькун-вошь,
Кусалась больно
Улькун-вошь,
Ой-ой, как больно кусалась
Улькун-вошь!
По степи бежала Улькун-вошь,
как серый конь.
Кто побожится, что у нее не было копыт?
Кто утверждает, что она не съела овцу?
Кто вызовется вышибить ей зубы?
От нее терпел казахский народ беду,
От нее хирели самые жирные женщины,
Ее не принимал мулла в подарок,

Кто вызовется сломать ей рога?
Кто осмелится плюнуть ей в глаза?
Кто ее погладит против шерсти?
У кого она не сидит за пазухой?
Но вот нашелся такой джигит,
Превысивший свою собственную силу,
Перехитривший свою собственную хитрость.
Потерявший свой собственный малахай.
Он решил убить Улькун-вошь,
Он решил спасти от нее
Казахский народ.
Он решил заслужить себе благодарность
От всех испытывающих зуд.

Поддержим мудрое решенье!
Укрепим храбрейшего!
Будем спокойны.
Послушаем, что случится дальше.
А теперь угостите певца.
Петь тяжелее, чем слушать,
Слушать тяжелее, чем спать.
А вы до сих пор еще не уснули?
Я не буду пить кумыса —
Дайте выпью!
Я не буду есть мяса —
Дайте мяса!
Я не буду пробовать баурсаков —
Положите на ладонь!
Я не буду продолжать песню —
Слушайте дальше!
Поймал джигит на аркан
Улькун-вошь,
Повел джигит на аркане к озеру
Улькун-вошь,
К самому берегу повел
Улькун-вошь,
Начал в озере топить
Улькун-вошь,
Начала просить его Улькун-вошь:
«Оставь меня нюхать травы,
Я буду жевать одну полынь,
Я буду обходить юрты кругом!»
Начал джигит толкать ее сапогом,
Сбрасывать ее с высокого берега,
Связывать ее поясом,

Хлестать ее плеткой.
Тогда рассердилась
Улькун-вошь:
«Как ты смеешь заставлять меня
Прыгать в воду,
Как ты смеешь толкать меня в воду,
Когда сам
Не умывался еще ни разу?!»

* * *

Не говори, что верблюд некрасив,—
Погляди ему в глаза.
Не говори, что девушка нехороша,—
Загляни ей в душу.

* * *

Лучше иметь полный колодец воды,
Чем полный колодец рублей.
Но лучше иметь совсем пустой колодец,
Чем пустое сердце.

* * *

В том и заключается мудрость
мудрейшего —
Не смущаться ничем,
Целую зиму спокойно ожидать
Наступления лета.

ОХОТА С БЕРКУТАМИ

Ветер скачет по стране, и пыль
Вылетает из-под копыт.
Ветер скачет по степи, и никому
За быстроногим не уследить.

Но, как шибко он ни скакал бы,
Все равно ему ни за что
Степь до края не перескакать,
Всю пустыню не пересечь.

Если он пройдет Павлодар
И в полынях здесь не запутается,
Если он взволнует Балхаш
И в рябой воде не утонет,
Если даже море Арал
Ему глаз камышом не выколет,—
Все равно завязнут его копыта
В седых песках Кзыл-Куум! Ое-й!

Если в Иртыше человек утонет,
То его оплакивать остается.
Солнце ж множество множеств дней
Каждый день неизменно тонет,
Для того чтоб опять подняться
И сиять над нашею степью,
И сиять над каждой юртой
И над всем существующим сразу,
И сиять над нашей охотой!

Начинаем мы нашу охоту
Под рябым и широким небом,
Начинаем мы наш промысел
На степи, никем не измеренной.
Начинаем мы нашу погоню
Под высоким, как песня, солнцем,
Пусть сопутствуют нашей охоте
Ветер и удача совместно,
Пусть сопутствуют нашему промыслу
Еще раз удача и ветер,
Пусть помогут нашей погоне
Ветер, дующий на нас, и удача!

Так смотри же, молодой беркутенок,
Как нахохлился старый беркут,
Так смотрите, беркуты наши, зорко —
Вы охотники и мужчины!
Оба вы в цветных малахаях,
Остры ваши синие клювы,
Крепки ваши шумные крылья,
И хватаетесь вы когтями
За тяжелую плеть хозяина.

Так смотрите, беркуты наши, зорко —
Над полынями кружит коршун.
Вы не будьте ему подобны:
Не охотник он, а разбойник;
Лысый хан прожорливых сусликов
Беркутам нашим не товарищ!

Вон взметнулась наша добыча,
Длинная старая лисица,
Чернохребетная, огневая
И кривая на поворотах.
Вон, как огонь, она мчится быстро,
Не давайте огню потухнуть!
Горячите коней, охотники!
Окружайте ее, охотники!
Выпускайте беркутов в небо!

Мы забыли, где Каркаралы,
Мы забыли, где наш аул,
Мы забыли, где Павлодар.
Не четыре конца у степи, а восемь,
И не восемь, а сорок восемь,
И не столько, во много больше.
И летит молодой беркутенок
Малахаем, сброшенным с неба;
И проносится старый беркут,
Как кусок веселого дыма;
И проносимся все мы сразу —
Ветер, птицы, удача, всадники —
По курганам за рыжим пламенем.

Мы настигли свою добычу,
Мы поймали ее; лисица
Мчится с беркутом на загривке,
Мчится двадцать аршин и падает,
И ноздрями нюхает землю.

Ой, хорош молодой беркутенок!
Научил его старый беркут.
Эй, хорош ты, дующий ветер!
Ты помог нам выследить зверя.

И привязывают охотники
К поясу пламя рыжее.

ПЕСНЯ

О ТОРГОВЦАХ ЗВЕЗДАМИ И ДЖУРАБАЕ

Слушайте, слушайте песню эту,
Люди, сидящие на крышах!
Спешьтесь, всадники, если вы
Нас послушать остановились!
Слушай, слушай, заезжий гость,
Наш приятель из Упсырзага!

Бросьте, юноши, улыбаться.
Крепкие, белые ваши зубы
Девушкам лучше вы покажите,
Нечего, право, тут гордиться,
Если работаете в Павлодаре,

Если имеете бумажные деньги
И сапоги из хрустящей кожи,
И кошелек из душистой кожи,
И часы на длинной цепочке.

Нет, я не буду у вас выпрашивать
Ни бумажные ваши деньги,
Ни сапоги из хрустящей кожи,
Ни кошелек из кожи душистой.
Нет, и часов мне ваших не надо.
Я прошу одного вниманья
К песне этой — она вам подарок.
Есть такие соседние страны,
За Кзыл-Кумом — большие страны,
Где сады, как облако, белые
Оттого, что цветут там яблони;
Где растет шерсть не на баранах,
А на травах и на растеньях,
Очень тонкая шерсть и белая,
Очень ценная шерсть и мягкая;
Где ковры красят
Кровью сердца
И в черный чувлук закутываются.

Там жили недавно хитрые
Купцы-узбеки, далеко известные
Хитростью своей и торговлей.
И хитры они были настолько,

Что всего лишь и состояли:
Из глаз
Жадных, быстрых и шарящих,
Из рук с проворными пальцами
И кошелька в кармане.

Но и с хитрыми бывает несчастье,
И лиса в капкан попадает,
И мулла в дураках бывает,
И у бая не все в порядке,
Если шлет Павлодар декреты.

И случилось такое дело:
Приезжали в Кзыл-Кум персы,
Купцы-персы, на птиц похожие,
Только с синими бородами.
Персы узбеков перехитрили,
Обманул
Купец — купца, шельма — шельму.
Персы дали узбекам в руки
Рваную шаль,
Персы дали им в руки
Пеструю шаль
И в придачу к ней восемь звезд.
И пока узбеки в небо смотрели,
Выбирали получше звезды,
Персы вытащили из кармана
У прославленных кошелек.
Были узбеки
Пристыжены этим,
Закричали купцам персидским:
«Вы собрали большую жатву,
Но еще мы к ней даже прибавим,
Если вы на восход уйдете.
Там есть город Семипалатинск,
Там есть город Каменногорский,
И живут там простые люди,
Называемые казахами.
Там торговле должны быть рады,
Только б звезд на небе хватило!»
Персы узбеков послушались быстро,
Приезжают в Семипалатинск,
А оттуда и по аулам
Торговать поехали персы.

Видят камни сначала персы,
После видят и кости персы.
И следы видят возле полыней,
А потом увидели сразу
На коне чернохвостом джигита.
Поравнялись персы с джигитом,
Говорят ему вежливо: «Здравствуй!
Как тебя называть прикажешь?
И куда ты дорогу держишь,
Нашим не будешь ли покупателем?»
Отвечает джигит им вежливо:
«Джурабаем звать меня, повстречавшиеся.
Ремесло у меня почетное:
Я преследователь кашкыров,
Золотопогонных и ненавистных.
Ремесло у меня похвальное:
Я ловец мохнатых тарантулов
С черным ядом и белым именем.
Еду я теперь в Семипалатинск,
Может, там теперь Джурабаю
Ремесло другое найдется.
А еще мне знать интересно,
Как мне вас называть прикажете?
И куда вы дорогу держите?
Чем торгуете в этой местности?»
Тут купцы ему заулыбались:
«Мы приехали, торговцы звездами,
Мы из Персии в степи прибыли.
Мы не будем цены запрашивать,
Не желаешь ли товара нашего?»
Джурабай рассмеялся весело,
И вся степь рассмеялась весело:
«Нет, не буду я покупателем,
Я и сам себе звезд достану!»
Он пришпорил коня чернохвостого,
Прыгнул в самое небо скакун его,
Чуть луну не разбил копытами.
И когда вновь купцы персидские
Джурабая в степи увидели,
На рукаве его была красная
Звезда была пятиконечная.
И с тех пор Джурабай комиссаром.

САМОКЛАДКИ КАЗАХОВ СЕМИГЕ

1

ПАРОХОД

Вот идет пароход по Иртышу.
В первый раз вижу такого гуся,
Краснолапого гуся.
Вот идет пароход по Иртышу,
Толстый, как купец на ярмарке,
Вот какой толстый.
Эй, если б мог полететь он,
Если б дать ему
Белые широкие крылья!
Он пролетел бы над степью,
Ни разу не опустившись.
Посмотрели бы мы на него
Из-под ладони.
Но никогда не полетит плавучий,
Хоть он и белый,
Хоть он и гусь.
А все ж его, когда надо,
Удерживают на канатах.

2

ТЕЛЕГРАФ

К Семиге идут столбы,
Один за другим.
К Семиге шагают столбы,
Связанные железом.
Нет, не зазеленеют круглые бревна!
Мы едем в Павлодар,
А они шагают навстречу
В голой степи,
На ровном месте.
Почему они необходимы?
Может быть, затем,
Чтобы птицам было легче,
Чтобы птицы на них садились?
Но едва ли люди так жалостливы!
Может быть, затем
Они необходимы,

Чтобы не сбиться с дороги?
Но едва ли люди так вежливы!
Джок, джок,
Хитрая это штука
И придумана не напрасно.

3

ВЕДРА

На телеге везу я ведра,
Ведра железные и пустые.
Ой, какие они болтливые!
На телеге возил я
Мешки с мукой,
Толстые мешки и тяжелые —
Вот те были молчаливы.

4

МЕЛЬНИЦЫ

Деревянная мельница вертится —
Ничего в ней нет удивительного.
Крылья вертятся,
Чтобы камень вертелся
И пшеницу растирал,
Как ладонями.
А вот каменная мельница —
Дело другое:
В ней один шайтан разберется!

5

МИЛИЦИОНЕР

Если уж такой он нарядный,
Значит — ответственный.
Если оружие на ремне носит,
Значит — советская власть
. . . .
Ему доверяет.

Если так возвысился,
Значит — человек умный.
Пусть идет свататься —
Отдам дочку.

6

САБЛЯ

Я видел — она на стене висела
Острее всякого языка.
Ну, и выдумали ее напрасно:
Головы рубить — не заслуга.
Раз человека она губит,
Значит, она ему не подруга.
А он ее держит всегда в порядке,
Да еще как за женой ухаживает.

НАХОДКА НА БУХТАРМЕ

В песке и грязи речонки,
Далеко известной речонки Бухтармы,
Тяжелые кости,
Рыжие кости,
Длинные кости находили мы.

Из Актюбы приехал
На Бухтарму дуана
И сказал собравшимся:
«Видите, какова у костей длина!
Кто встречал другие,
Подобные им?
Каждую кость,
Любую кость
Не унести двоим!»

Продолжал говорить
Дуана из Актюбы:
«Я разгадку костей,
Этих ржавых костей, добыл.
Священные кости это —

Молиться надо!
Знаменитые кости —
Почитать их надо!
Кости великанов,
Но добрых, не злых,
Спляшем мы священную
Пляску на них».

И съезжались аулы
Смотреть на кости,
К первым богатырям
Приезжали гости.
Известие шло от Павлодара
До Баян-Аула,—
А потом и дальше
Известие повернуло.
И к воде бухтарминской,
К бухтарминской тине
Съезжались все,
И костры горели в долине.

Но вот из Омска
Прибыла экспедиция.
Говорит начальник экспедиции:
«Не молиться мы приехали —
Совсем за другим.
Из вязкой тины,
Глубокой тины
Добудем мы кости
И сохраним!
Приниматься за дело
Нужно скорей.
Это кости не богатырские,
А кости
Невиданных здесь зверей,
Дорогостоящие кости зверей,
Редкие кости зверей!»

Не уверены в правде начальника,
Казахи говорят: «Едва ли.
Мы подобных зверей
В степях не встречали,
Да, не встречали
Подобных зверей мы
На берегах речонки,

Далеко известной
Речонки Бухтармы».

Отвечает начальник:
«Теперь их нет,
Они перевелись уже
Множество множеств лет.
Ни один из них
Теперь не живет,
Их истребил
Лед,
Лед,
Лед!
Лед, сверкающий
На вершинах Алтая,
Здесь лежал, блестя
И не тая».

И аулы узнали,
Что не было богатырей,
Услыхали аулы
Про дорогостоящих,
Невиданных,
Редких зверей.
Уваженьем прониклись
К начальнику экспедиции
И перестали молиться.

А дуана, испугавшись,
Чтоб с ним не случилось беды,
Вновь в Актюбы
Проложил следы,
И в сотый раз опозорена его седина:
Наврал, наврал седой дуана.
Так и выходит:
Наврал дуана,
Вот тебе и на!

Мы слыхали, что
Утешился он,
Сказки детям
Рассказывает он:
Будто бы уцелевшие
От льда,

Льда,
Льда
По ночам пробегают
Огромных зверей стада,
И под их
Косматыми лапами
Степь дрожит,
И наутро
Звездами,
Звездами,
Звездами солончак разбит.

Да и много еще чего
Рассказывает дуана —
Всем известна
Его языка длина.
Ну и пусть он детям
Сказки рассказывает!..

ПЕСНЯ О СЕРКЕ

Была девушка
Белая, как гусь,
Плавная, как гусь на воде.
Была девушка
С глазами, как ночь,
Нежными, как небо
Перед зарей;
С бровями тоньше,
Чем стрела,
Догоняющая зверя;
С пальцами легче,
Чем первый снег,
Трогающий лицо.
Была девушка
С нравом тарантула,
Старого, мохнатого,
Жалящего ни за что.
А джигит Серке
Только что и имел:
Сердце, стучащее нараспев,
Пояс, украшенный серебром,

Длинную дудку,
Готовую запеть,
Да еще большую любовь.
Вот и все,
Что имел Серке.
А разве этого мало?

К девушке гордой
Пришел Серке,
Говорит ей:
«Будь женой моей, ладно?»
А она отвечает: «Нет,
Не буду твоей женой,
Не ладно.
Ты достань мне,
Серке, два камня
В уши продеть,
Два камня
Желтых, как глаза у кошки,
Чтоб и ночью они горели.
Тогда в юрту к тебе пойду я,
Тогда буду женой твоей.
Тогда — ладно».

Повернулся Серке, заплакал,
Пошел от нее, шатаясь,
Пошел от нее, согнувшись,
Со змеею за шиворотом.
Целый день шел Серке,
Не останавливался.
И второй день шел,
Не останавливался.
А на третьей заре
Блестит вода,
Широкая вода,
Светлая вода —
Аю-Куль.
Сел Серке на камень
У озера,
У широкого камышового
Озера,
И слезы капают на песок.
Сердце Серке бьется нараспев,
Согреваемое любовью.
Вынул Серке длинную дудку

Из-за пояса серебряного,
Заиграл Серке на дудке.
И когда Серке кончил,
Позади кто-то мяукнул.

Повернулся джигит —
Позади его старая,
Позади его дикая,
Круглоглазая кошка сидит.
Стал Серке понятен
Кошачий язык.
Дикая кошка ему говорит:
«Что ты так плачешь,
Певец известнейший?..»
Ей свою беду Серке
Рассказывает
И к сказанному прибавляет:
«Я напрасно теряю время.
Дикая, исхудавшая кошка,
Облезлая, черная кошка,
Ты мне не поможешь...
Мне камней,
Светящихся ночью,
Не достать, осмеянному!»
Тихо кошка
К Серке приблизилась,
И потерлась дикая кошка
О пайпаки мордой розовой,
Промяукав: «Кош, ай-налайн»,—
В камышах колючих скрылась.

А джигит под ноги глядит —
Не верит:
Перед ним два глаза кошачьих
Светлых, два желтых камня,
Негаснущих, ярких.
Закричал Серке:
«Эй, кошка,
Дикая кошка, откликнись!
Ты погибнешь здесь, слепая,—
Как ты будешь
На мышей охотиться?»
Но молчало озеро,
Камыши молчали,
Как молчали они вначале.

Еще раз закричал Серке:
«Эй, кошка,
Ласковая кошка, довольно,
Прыгни сюда! Мне страшно,—
Глаза твои жгут мне ладони!»
Но молчало озеро,
А камыши стали
Еще тише,
Чем были они вначале.

И пошел Серке обратно
Каменной твердой дорогой.
Кружились над ним коршуны,
Лисицы по степи бегали,
Но он шел успокоенный,
Потому что знал, что делать.
Девушке
Белой, как гусь,
Плавной, как гусь на воде,
С нравом как у тарантула,
Прицепил он
На уши камни —
Кошачьи глаза,
Которые смотрят.
Он сказал:
«Они не погаснут,
Не бойся, и днем и ночью
Будут эти камни светиться,
Никуда ты с ними не скроешься!..»

Если ты, приятель, ночью встретил
Бегущие по степи огни,
Значит, видел ты безумную,
Укрывающуюся от людей.
А Серке казахи встречали
И рассказывают, что прямо,
Не оглядываясь, он проходит
И поет последнюю песню,
На плече у него
Сидит кошка,
Старая, дикая кошка,
Безглазая...

ПАВЛОДАРСКИЕ САМОКЛАДКИ

1

АВТОМОБИЛИ

Спрашивала
Меня девочка:
«Правда ли,
Что возле Омска-города
На колесах
Звери бегают?»
Отвечал я
С усмешкой девочке,
Потому что
Все понимаю:
«Нет, это не звери,
Это автомобили.
Они проносятся,
Словно птицы,
С людьми на загривке,
Даже мы с тобой
Можем покататься...»

2

МАГАЗИН ДЕРОВА

Еду я на бочке с водой,
Вода в бочке булькает,
Как у человека
В брюхе.
Проезжаю я мимо
Магазина Дерова,
Знаменитейшего
Купца Дерова.
Видишь, как все
Переменилось.
Теперь в магазине Дерова
Интересную
На стене историю
Показывают,
Световую историю
Показывают
О «Броненосце «Потемкине».

3

ЦЕРКОВЬ

Посредине площади,
Круглой, как тарелка,
Которую вылизали,
Церковь
Купцы построили.
Ну, и что ж получилось?
Кресты с церкви
Спорхнули,
Железо с нее
Содрали,
Каменный клуб
Сделали.
Шайтан с нею,
С церковью!
Хорошо, что красные
Висят на стенах
Плакаты.

4

БУМАГА С ПЕЧАТЯМИ

Эй, дайте мне сегодня дорогу,
Сделайте услугу!
Ничего не могу я
От радости
Разобрать.
Лежит у меня
За пазухой бумажка
С круглыми печатями,
Которая предписывает
Меня грамоте
Обучать.

ОБИДА

Я — сначала — к подруге пришел
И сказал ей:
«Все хорошо,
Я люблю лишь одну тебя,
Остальное все — чепуха».

Отвечала подруга:
«Нет,
Я люблю сразу двух, и трех,
И тебя могу полюбить,
Если хочешь четвертым быть».
Я сказал тогда:
«Хорошо,
Я прощаю тебе всех трех,
И еще пятнадцать прощу,
Если первым меня возьмешь».
Рассмеялась подруга:
«Нет,
Слишком жадны твои глаза,
Научись сначала, мой друг,
По-собачьи за мной ходить».
Я ответил ей:
«Хорошо,
Я согласен собакой быть,
Но позволь, подруга, тогда
По-собачьи тебя любить».
Отвернулась подруга:
«Нет,
Слишком ты тороплив, мой друг,
Ты сначала вой на луну,
Чтобы было приятно мне!»
— «Привередница,— хорошо!»
Я ушел от нее в слезах,
И любил
Девок двух, и трех,
А потом пятнадцать еще.
И пришла подруга ко мне,
И сказала:
«Все хорошо,
Я люблю одного тебя,
Остальные же — чепуха...»
Грустно сделалось
Мне тогда.
Нет, подумал я, никогда,—
Чтоб могла
От обидных слов
По-собачьи завыть душа!

ПЫЛЬ

Я, Амре Айтаков, весел был,
Шел с верблюдом я в Караганды.
Шел с верблюдом я в Караганды,
Повстречался ветер мне в степи.
Я его не видел —
Только пыль,
Я его не слышал —
Только пыль
Прыгала безглазая в траве.
И подумал я, что умирать
С криком бесполезно. Все равно
После смерти будет
Только пыль.
Ничего,—
Одна лишь только пыль
Будет прыгать, белая, в траве.
Спрятал ноздри рваные верблюд,
Лег на землю.
«Старый мой верблюд,
Слушай, слушай!
Это только пыль,
Ничего,—
Одна лишь только пыль
Прыгает по спутанной траве».
Стал я громко хохотать:
«Ну что ж?..»
Стал смеяться дерзко я:
«Постой,
Ты смешна,
Крутящаяся пыль,
Не страшна ты,
Бешеная пыль,
Прыгающая в траве».
Пусть засыпан буду я песком,
Пусть один погибну я в песках,
Не страшна ты и безвредна, пыль.
Ничего
Ты не изменишь, пыль,
Задохнешься
Ты сама в траве!
Человек бессмертен столько раз,
Сколько раз
Он смерть свою встречал.

Сквозь тебя
Пройду я мертвым, пыль,
Я пройду в Караганды сквозь пыль,
Весело ступая по траве.
И, свою подругу там обняв,
Я шепну ей на ухо смеясь:
«Дорогая,
Мне встречалась пыль,
Старая,
Невидящая пыль,
Прыгающая смешно».

ВСАДНИКИ

Белые, рыжие и гнедые
Вьюги кружатся по степи,
Самые знатные скакуны
На сабантуе
Грызут удила.
Всадники, приготовьтесь!
Состязаются Куянды,
Павлодар и Каркаралы.
У собравшихся
На сабантуй
Рты разинуты и глаза.
Всадники, приготовьтесь!
Мы увидим сейчас,
Сейчас узнаем мы,
Кто останется
Победителем.
Припасен мешок с серебром.
Всадники, приготовьтесь!
Вот вы уже начали,
Кони, словно нагайки,
Вытянулись на бегу.
Всадники, побеждайте!

САМОКЛАДКИ КАЗАХОВ КЗЫЛ-ОРДЫ

1

БАЗАР

В Кзыл-Орде базар начинается:
О ноже тоскуют длинные дыни,
О зубах тоскуют круглые арбузы,
Продаются здесь и малахаи,
Подбитые лисою малахаи.
Толпятся кругом ишаки и верблюды,
Громко люди рядятся,
Словно жизнь выторговывают,
А безглазые нищие
Поют и качаются,
Поют и качаются,
Вытягивая шеи.

2

ЛОДКИ НА АРАЛЕ

Вот и море Арал известное,
Синее,
Как порох на ладони.
Кайда барасен,
Кайда барасен?
Куда поехали,
Крылатые лодки?
Знаю, знаю,
Обратно вы возвратитесь
Полные добычи,
Попавшейся в сети.
С такими лодками еще бы
Не выловить
Из Арала рыбу!
Ишь, какую пену
Они поднимают!

3

БАСМАЧИ

Какие они воины!
Просто разбойники,
Просто сильные волки,
За которыми
Охотиться надо.
Труженикам, труженикам
Горло они
Перегрызают.
Это ли не волчья привычка?
Вот я по Аралу еду,
А путь небезопасен,
Рабочая книжка
За пазухой
У меня спрятана,
Но для волков
Кзыл-Кума
Я ее уничтожаю.
Погодите, кашкыры,
Погодите, разбойники,
Мы вас окружим,
Свяжем,—
Будете вы за решеткой
Видеть кусок неба.

4

ПЛОВ

Рис и баранье сало —
Вот это кушанье!
Рис и баранье сало —
А изволь их есть вилкой.
Рис и баранье сало —
Как тут
Не схватить руками?
Рис и баранье сало,
Да к ним фруктовую воду!

ЛИХОРАДКА

Мы на пастбищах
Близ Семиге стояли
И ночами
Не кутались
В одеяла —
Травы были высоки.
Мы сидели
Ночами:
Мы стада пасли,
Погоняли бичами.
Курт и баурсаки —
Вот все, что имели.
А рядом
На тонких дудках
Комариные стаи пели.
Под Семиге
Овец пасли мы
В долине.
Но во рту
Стало холодно,
Как от чарджуйской дыни.
Стали руки наши
Ленивы,
Стали пахнуть медом
Лошадиные гривы.
А потом
Еще холоднее стало.
Нет ни кошмы у нас,
Ни одеяла.
Показалось небо нам
Снеговым и белым.
Мы сидели
На корточках
И тряслись всем телом.
А потом
И дышать
Нам стало нечем.
Как у коршунов,
Согнуты
Наши плечи.
Жарко, жарко,
Жарко нам стало.
Не надо

Ни войлока, ни одеяла.
Забыли следить мы
За табунами.
Так лихорадка
Забавлялась нами.
Да, забыли мы думать
Об одеяле!
Горькую полынь
Зубами жевали —
Тощими, бледными стали:
Стыдно
Подойти к людям.
Никогда мы
Долины под Семиге
Не забудем!
Никогда не забудем
Лихорадку,
Грохочущую в ушах!

1929—1931

ПУТИННАЯ ВЕСНА

Так, взрывая вздыбленные льды,
Начиналась ты.
И по низовью,
Что дурной, нахлынувшею кровью,
Захлебнулась теменью воды.

Так ревела ты, захолодев,
Глоткой перерезанною бычьей,
Нарастал подкошенный припев —
Ветер твой, твой парусный обычай!

Твой обычай парусный! Твой крик!
За собой пустыни расстилая,
Ты гремела,
Талая и злая,
Ледяными глыбами вериг.

Не твои ли взбухнувшие ливни
Разрывали зимнее рядно?
Осетры, тяжелые, как бивни,
Плещутся
И падают на дно.

Чайки,
          снег
                 и звезды над разливом,
Астрахань,
                 просторы, промысла...,

Ты теченьем черным и пугливым
Оперенье пены понесла!..

Смяв и сжав
Глухие расстоянья,
Поднималась ты — проста, ясна.
Так в права вошли: соревнованье,
Темпы, половодье и весна.

1931

ПАВЛОДАР

Сердечный мой,
Мне говор твой знаком.
Я о тебе припомнил, как о брате,
Вспоенный полносочным молоком
Твоих коров, мычащих на закате.
Я вижу их,— они идут, пыля,
Склонив рога, раскачивая вымя.
И кланяются низко тополя,
Калитки раскрывая перед ними.
И улицы!
Все в листьях, все в пыли.
Прислушайся, припомни — не вчера ли
По Троицкой мы с песнями прошли
И в прятки на Потанинской играли?
Не здесь ли, раздвигая камыши,
Почуяв одичавшую свободу,
Ныряли, как тяжелые ковши,
Рябые утки в утреннюю воду?
Так ветренен был облак надо мной,
И дни летели, ветреные сами.
Играло детство с легкою волной,
Вперясь в нее пытливыми глазами.
Я вырос парнем с медью в волосах.
И вот настало время для элегий:
Я уезжал. И прыгали в овсах
Костистые и хриплые телеги.
Да, мне тогда хотелось сгоряча
(Я по-другому жить
И думать мог ли?),
Чтоб жерди разлетелись, грохоча,

Колеса — в кат, и лошади издохли!
И вот я вновь
Нашел в тебе приют,
Мой Павлодар, мой город ястребиный.
Зажмурь глаза — по сердцу пробегут
Июльский гул и лепет сентябриный.
Амбары, палисадник, старый дом
В черемухе,
Приречных ветров шалость,—
Как ни стараюсь высмотреть — кругом
Как будто все по-прежнему осталось.
Цветет герань
В расхлопнутом окне,
И даль маячит старой колокольней,
Но не дает остановиться мне
Пшеницын Юрий, мой товарищ школьный
Мы вызубрили дружбу с ним давно,
Мы спаяны большим воспоминаньем,
Похожим на безумье и вино...
Мы думать никогда не перестанем,
Что лучшая
Давно прошла пора,
Когда собаку мы с ним чли за тигра,
Ведя вдвоем средь скотного двора
Веселые охотницкие игры.
Что прошлое!
Его уж нет в живых.
Мы возмужали, выросли под бурей
Гражданских войн.
Пусть этот вечер тих,—
Строительство окраин городских
Мне с важностью
Показывает Юрий.
Он говорит: «Внимательней взгляни,
Иная жизнь грохочет перед нами,
Ведь раньше здесь
Лишь мельницы одни
Махали деревянными руками.
Но мельники все прокляли завод,
Советское, антихристово чудо.
Через неделю первых в этот год
Стальных коней
Мы выпустим отсюда!»
...С лугов приречных
Льется ветр звеня,

И в сердце вновь
Чувств песенная за́мять...
А, это теплой
Мордою коня
Меня опять
В плечо толкает память!
Так для нее я приготовил кнут —
Хлещи ее по морде домоседской,
По отроческой, юношеской, детской!
Бей, бей ее, как непокорных бьют!
Пусть взорван шорох прежней тишины
И далеки приятельские лица,—
С промышленными нуждами страны
Поэзия должна теперь сдружиться.
И я смотрю,
Как в пламени зари,
Под облачною высотою,
Полынные родные пустыри
Завод одел железною листвою.

1931

ВЕРБЛЮД

Виктору Уфимцеву

Захлебнувшись пеной слюдяной,
Он слушает, кочевничий и вьюжий,
Тревожный свист осатаневшей стужи,
И азиатский, туркестанский зной
Отяжелел в глазах его верблюжьих.

Солончаковой степью осужден
Таскать горбы и беспокойных жен,
И впитывать костров полынный запах,
И стлать следов запутанную нить,
И бубенцы пустяшные носить
На осторожных и косматых лапах.

Но приглядись — в глазах его туман
Раздумья и величья долгих странствий...
Что ищет он в раскинутом пространстве,
Состарившийся, хмурый богдыхан?

О чем он думает, надбровья сдвинув туже?
Какие мекки, древний, посетил?
Цветет бурьян. И одиноко кружат
Четыре коршуна над плитами могил.

На лицах медь чеканного загара,
Ковром пустынь разостлана трава,
И солнцем выжжена мятежная Хива,
И шелестят бухарские базары...

Хитра рука, сурова мудрость мулл,—
И вот опять над городом блеснул
Ущербный полумесяц минаретов
Сквозь решето огней, теней и светов.

Немеркнущая, ветреная синь
Глухих озер. И пряный холод дынь,
И щит владык, и гром ударов мерных
Гаремным пляскам, смерти, песне в такт,
И высоко подъяты на шестах
Отрубленные головы неверных!

Проказа шла по воспаленным лбам,
Шла кавалерия
Сквозь серый цвет пехоты,—
На всем скаку хлестали по горбам
Отстегнутые ленты пулемета.

Бессонна жадность деспотов Хивы,
Прошелестят бухарские базары...
Но на буграх лохматой головы
Тяжелые ладони комиссара.

Приказ. Поход. И пулемет, стуча
На бездорожье сбившихся разведок,
В цветном песке воинственного бреда
Отыскивает шашку басмача.

Луна. Палатки. Выстрелы. И снова
Медлительные крики часового.

Шли, падали и снова шли вперед,
Подняв штыки, в чехлы укрыв знамена,
Бессонницей красноармейских рот
И краснозвездной песней батальонов.

...Так он, скосив тяжелые глаза,
Глядит на мир, торжественный и строгий,
Распутывая старые дороги,
Которые когда-то завязал.

1931

СЕМИПАЛАТИНСК

Полдня июльского тяжеловесней,
Ветра легче — припоминай,—
Шли за стадами аулов песни
Мертвой дорогой на Кустанай.

Зноем взятый и сжатый стужей,
В камне, песках и воде рябой,
Семипалатинск, город верблюжий,
Коршуны плавают над тобой.

Здесь, на грани твоей пустыни,
Нежна полынь, синева чиста.
Упала в иртышскую зыбь и стынет
Верблюжья тень твоего моста.

И той же шерстью, верблюжьей, грубой,
Вьется трава у конских копыт.
— Скажи мне, приятель розовогубый,
На счастье ли мной солончак разбит?

Висит казахстанское небо прочно,
И только Алтай покрыт сединой.
— На счастье ль, все карты спутав нарочно,
Судьба наугад козыряет мной?

Нам путь преграждают ржавые груды
Камней. И хотя бы один листок!
И снова, снова идут верблюды
На север, на запад и на восток.

Горьки озера! Навстречу зною
Тяжелой кошмой развернута мгла,
Но соль ледовитою белизною
Нам сердце высушила и сожгла.

— Скажи, не могло ль все это присниться?
Кто кочевал по этим местам?
Приятель, скажи мне, какие птицы
С добычей в клюве взлетают там?

Круги коршунья смыкаются туже,
Камень гремит под взмахом подков.
Семипалатинск, город верблюжий,
Ты поднимаешься из песков!

Горячие песни за табунами
Идут по барханам на Ай-Булак,
И здорово жизнь козыряет нами,
Ребятами крепкими, как свежак.

И здорово жизнь ударяет метко,—
Семипалатинск,— лучше ответь!
Мы первую железнодорожную ветку
Дарим тебе, как зеленую ветвь.

Здесь долго ждали улыбок наших,—
Прямая дорога всегда права.
Мы пьем кумыс из широких чашек
И помним: так пахла в степях трава.

Кочевники с нами поют под навесом,
И в меру закат спокоен и ал,
Меж тем как под первым червонным
экспрессом
Мост первою радостью затрепетал.

Меж тем как с длинным, верблюжьим ревом
Город оглядывается назад...
Но мы тебя сделаем трижды новым,
Старый город Семи Палат!

1931

ГОРОД СЕРАФИМА ДАГАЕВА

Старый горбатый город — щебень и синева,
Свернута у подсолнуха рыжая голова,
Свесилась у подсолнуха мертвая голова,
Улица Павлодарская, дом номер сорок два.
С пестрой дуги сорвется колоколец, бренча,
Красный кирпич базара, церковь и каланча,
Красен кирпич базара, цапля — не каланча,
Лошади на пароме слушают свист бича.
Пес на крыльце парадном, ласковый и косой,
Верочка Иванова, вежливая, с косой,
Девушка-горожанка с нерасплетенной косой,
Над Иртышом зеленым чаек полет косой.
Верочка Иванова с туфлями на каблуках,
И педагог-словесник с удочками в руках.
Тих педагог-словесник с удилищем в руках,
Небо в гусиных стаях, в медленных облаках.
Дыни в глухом и жарком обмороке лежат,
Каждая дыня копит золото и аромат,
Каждая дыня цедит золото и аромат,
Каждый арбуз покладист, сладок и полосат.
Это ли наша родина, молодость, отчий кров,—
Улица Павлодарская — восемьдесят дворов?
Улица Павлодарская — восемьдесят дворов,
Сонные водовозы, утренний мык коров.
В каждом окне соседском тусклый зрачок огня.
Что ж, Серафим Дагаев, слышишь ли ты меня?
Что ж, Серафим Дагаев, слушай теперь меня:
Остановились руки ярмарочных менял.
И, засияв крестами в синей, как ночь, пыли,
Восемь церквей купеческих сдвинулись и пошли,

Восемь церквей, шатаясь, сдвинулись и пошли —
В бурю, в грозу, в распутицу, в золото, в ковыли.
Пики остры у конников, память пики острей:
В старый, горбатый город грохнули из батарей.
Гулко ворвался в город круглый гром батарей,
Баржи и пароходы сорваны с якорей.
Посередине площади, не повернув назад,
Кони встают как памятники,
Рушатся и хрипят!
Кони встают как памятники,
С пулей в боку хрипят.
С ясного неба сыплется крупный свинцовый град.
Вот она, наша молодость — ветер и штык седой,
И над веселой бровью шлем с широкой звездой,
Шлем над веселой бровью с красноармейской
звездой,
Списки военкомата и снежок молодой.
Рыжий буран пожара, пепел пустив, потух,
С гаубицы разбитой зори кричит петух.
Громко кричит над миром, крылья раскрыв, петух,
Клювом впиваясь в небо и рассыпая пух.
То, что раньше теряли,— с песнями возвратим,
Песни поют товарищи, слышишь ли, Серафим?
Громко поют товарищи, слушай же, Серафим,—
Воздух вдохни — железом пахнет сегодня дым.
Вот она, наша молодость,— поднята до утра,
Улица Пятой Армии, солнце. Гудок. Пора!
Поднято до рассвета солнце. Гудок. Пора!
И на местах инженеры, техники, мастера.
Зданья встают как памятники, не повернув назад.
Выжженный белозубый смех ударных бригад,
Крепкий и белозубый смех ударных бригад,—
Транспорт хлопка и шерсти послан на Ленинград.
Вот она, наша родина, с ветреной синевой,
Древние раны площади стянуты мостовой,
В камень одеты площади, рельсы на мостовой.
Статен, плечист и светел утренний город твой!

1931

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Ты, конечно, знаешь, что сохранилась страна одна:
В камне, в песке, в озерах, в травах лежит страна.
И тяжелые ветры в травах ее живут,
Волнуют ее озера, камень точат, песок метут.

Все в городах остались, в постелях своих, лишь мы
Ищем ее молчанье, ищем соленой тьмы.
Возле костра высокого, забыв про горе свое,
Снимаем штиблеты, моем ноги водой ее.

Да, они устали, пешеходов ноги, они
Шагали, не переставая, не зная, что есть огни,
Не зная, что сохранилась каменная страна,
Где ждут озера, солью пропитанные до дна,
Где можно строить жилища для жен своих и детей,
Где можно небо увидеть, потерянное меж ветвей.

Нет, нас вели не разум, не любовь, и нет, не война,—
Мы шли к тебе словно в гости, каменная страна.
Мы, мужчины, с глазами, повернутыми на восток,
Ничего под собой не слышали, кроме идущих ног.

Нас на больших дорогах мира снегами жгло;
Там, за белым морем, оставлено ты, тепло,
Хранящееся в овчинах, в тулупах, в душных печах
И в драгоценных шкурах у девушек на плечах.

Остались еще дороги для нас на нашей земле,
Сладка походная пища, хохочет она в котле,—
В котлах ослепшие рыбы ныряют, пена блестит,
Наш сон полынным полымем, белой палаткой крыт.

Руками хватая заступ, хватая без лишних слов,
Мы приходим на смену строителям броневиков,
И переходники видят, что мы одни сохраним
Железо, и электричество, и трав полуденный дым.

И золотое тело, стремящееся к воде,
И древнюю человечью любовь к соседней звезде...
Да, мы до нее достигнем, мы крепче вас и сильней,
И пусть нам старый Бетховен сыграет бурю на ней!

1931

ВОСПОМИНАНИЯ ПУТЕЙЦА

Коршун, коршун —
Ржавый самострел,
Рыжим снегом падаешь и таешь!
Расскажи мне,
Что ты подсмотрел
На земле,
Покудова летел?
Где ты падаешь, или еще не знаешь?
Пыль, как пламя и змея, гремит.
Кто,
Когда,
Какой тяжелой силой
Стер печаль с позеленевших плит?
Плосколиц
И остроскул гранит
Над татарской сгорбленной могилой.

Здесь осталась мудрая арыбь,
Буквы— словно перстни и подковы,
Их сожгла кочующая зыбь
Глохнущих песков.
Но даже выпь
Поняла бы надписи с полслова,
Не отыщешь влаги —
Воздух пей!
Сух и желт солончаковый глянец.
Здесь,
Среди неведомых степей,
Идолы —
Подобие людей,

Потерявших песню и румянец.
Вот они на корточках сидят.
Синие тарантулы под ними
Копят яд
И расточают яд,
Жаля птиц не целясь,
Наугад,
Становясь от радости седыми.
Седина!
Я знаю — ты живешь
В каменной могильной колыбели,
И твоя испытанная дрожь
Пробегает, как по горлу нож,—
Даже горы
За ночь поседели!
Есть такие ночи!

Пел огонь.
Развалясь на жирном одеяле,
Кашевар
Протягивал ладонь
Над огнем,
Смеялся:
«Только тронь!»
А котлы до пены хохотали.
И покамест тананчинский бог
Комаров просеивал сквозь сито,
Мастера грохочущих дорог
Раздробили на степной чертог
Самые прекраснейшие плиты.

...Шибко коршун по ветру плывет,
Будто улетает в неизвестность.
Рельсы
Тронув пальцами,— как лед,—
Говорит начальник:
«Наперед
Мы, товарищ, знали эту местность.
Вся она обведена каймой
Соляных озер
И гор белками,
Шастать невозможно стороной,
У дороги будет путь прямой.
Мы не коршуны,
Чтоб плыть кругами».

А в палатках белых до зари
На руках веселых поднимали
Песню
К самым звездам:
«На, бери!»
Улыбались меж собой:
«Кури, кури
За здоровье нашей магистрали!»

Мы пришли
К невидимой стране
Сквозь туннели,
По мостам горбатым,
При большой, как озеро, луне,
В солнце,
В буре,
В пляшущем огне,
Счастье вверив песне и лопатам.
И когда, рыча,
Рванулся скреп,
По виску нацелившись соседу,
Рухнул мертвым тот,
Но не ослеп,
Отразив в глазах своих победу.
Смутное,
Как омут янтаря,
Пело небо над огнем привала.
Остывал товарищ,
Как заря
В сумеречном небе остывала.

Коршун, коршун —
Ржавый самострел,
Рыжим снегом падаешь и таешь.
Эту смерть
Не ты ли подсмотрел,
Ты, который по небу летел?
Падай!
Падай!
Или ты не знаешь?
Лжет твоя могильная арыбь,
Перстни лгут, и лгут ее подковы.
Не страшна
Нам медленная зыбь
Всех пустынь,

Всех снов!
И даже выпь,
Нос уткнувши, плачет бестолково.
Мертвая,
И все ж рука крепка.
Смерть его
Почетна и легка.
Пусть века свернут арыби свиток.
Он унес в глазах своих раскрытых
Холод рельс,
Пески
И облака.

1932

ПУТЬ НА СЕМИГЕ

Мы строили дорогу к Семиге
На пастбищах казахских табунов,
Вблизи озер иссякших. Лихорадка
Сначала просто пела в тростнике
На длинных дудках комариных стай,
Потом почувствовался холодок,
Почти сочувственный, почти смешной, почти
Похожий на ломоть чарджуйской дыни,
И мы решили: воздух сладковат
И пахнут медом гривы лошадей.
Но звезды удалялись все. Вокруг,
Подобная верблюжьей шерсти, тьма
Развертывалась. Сердце тяжелело,
А комары висели высоко
На тонких нитках писка. И тогда
Мы понимали — холод возрастал
Медлительно, и все ж наверняка,
В безветрии, и все-таки прибоем
Он шел на нас, шатаясь, как верблюд.
Ломило кости. Бред гудел. И вот
Вдруг небо, повернувшись, тяжелело,
Обрушивалось. И кричали мы
В больших ладонях светлого озноба,
В глазах плясал огонь, огонь, огонь —
Сухой и лисий. Поднимался зной.
И мы жевали горькую полынь,
Пропахшую костровым дымом, и
Заря блестела, кровенясь на рельсах...
Тогда краснопутиловец Краснов
Брал в руки лом и песню запевал.

А по аулам слух летел, что мы
Мертвы давно, что будто вместо нас
Достраивают призраки дорогу.
Но всем пескам, всему наперекор
Бригады снова строили и шли.
Пусть возникали города вдали
И рушились, не к древней синеве
Полдневных марев, не к садам пустыни —
По насыпям, по вздрогнувшим мостам
Ложились шпал бездушные тела.
А по ночам, неслышные во тьме,
Тарантулы сбегались на огонь,
Безумные, рыдали глухо выпи.
Казалось нам: на океанском дне
Средь водорослей зажжены костры.
Когда же синь и розов стал туман
И журавлиным узким косяком
Крылатых мельниц протянулась стая,
Мы подняли лопаты, грохоча
Железом светлым, как вода ручьев.
Простоволосые, посторонились мы,
Чтоб первым въехал мертвый бригадир
В березовые улицы предместья,
Шагнув через победу, зубы сжав.

. . . .

Так был проложен путь на Семиге.

1932

КОНЬ

Замело станицу снегом — белым-бело.
Путался протяжливый волчий во́лок,
И ворон откуда-то нанесло,
Неприютливых да невеселых.

Так они и осыпались у крыльца,
Сидят раскорячившись, у хозяина просят:
«Вынеси нам обутки,
Дай нам мясца, винца...
Оскудела сытая
В зобах у нас осень».

А у хозяина беды да тревоги,
Прячется пес под лавку —
Боится, что пнут ногой,
И детеныш, холстяной, розовоногий,
Не играет материнскою серьгой.

Ходит павлин павлином
В печке огонь,
Собирает угли клювом горячим.
А хозяин башку стопудовую
Положил на ладонь —
Кудерь подрагивает, плечи плачут.

Соль и навар полынный
Слижет с губ,
Грохнется на месте,
Что топором расколот,

Подымется, накинет буланый тулуп
И выносит горе свое
На уличный холод.

Расшатывает горе дубовый пригон.
Бычьи его кости
Мороз ломает.
В каждом бревне нетесаном
Хрип да стон:
«Что ж это, голубчики,
Конь пропадает!
Что ж это — конь пропадает. Родные!» —
Растопырил руки хозяин, сутул.
А у коня глаза темные, ледяные.
Жалуется. Голову повернул.
В самые брови хозяину —
Теплом дышит,
Теплым ветром затрагивает волоса:
«Принеси на вилах сена с крыши».
Губы протянул:
«Дай мне овса».

«Да откуда ж? Милый! Сердце мужичье!
Заместо стойла
Зубами сгрызи меня...»
По свежим полям,
По луговинам
По-птичьи
Гриву свою рыжую
Уносил в зеленя!

Петухами, бабами в травах смятых
Пестрая станица зашумела со сна,
О цветах, о звонких пегих жеребятах
Где-то далеко-о затосковала весна.

Далеко весна, далеко,—
Не доехать станичным телегам.
Пело струнное кобылье молоко,
Пахло полынью и сладким снегом.

А потом в татарской узде,
Вздыбившись под объездчиком сытым,

Захлебнувшись
В голубой небесной воде,
Небо зачерпывал копытом.

От копыт приплясывал дом,
Окна у него сияли счастливей,
Пролетали свадебным,
Веселым дождем
Бубенцы над лентами в гриве!..

...Замело станицу снегом — белым-бело.
Спелой бы соломки — жисти дороже!
И ворон откуда-то нанесло,
Неприветливых да непригожих.

Голосят глаза коньи:
«Хозяин, ги-ибель,
Пропадаю, Алексеич!»
А хозяин его
По-цыгански, с оглядкой,
На улку вывел
И по-ворованному
Зашептал в глаза:
«Ничего...
Ничего, обойдется, рыжий.
Ишь каки снега, дорога-то, а!»
Опускалась у хозяина ниже и ниже
И на морозе седела голова.

«Ничего, обойдется...
Сено-от близко...»
Оба, однако, из этих мест.
А топор нашаривал
В поленьях, чисто
Как середь ночи ищут крест.

Да-по прекрасным глазам,
По карим
С размаху — тем топором...
И когда по целованной
Белой звезде ударил,
Встал на колени конь
И не поднимался потом.

Пошли по снегу розы крупные, мятые,
Напитался ими снег докрасна.
А где-то далеко заржали жеребята,
Обрадовалась, заулыбалась весна.

А хозяин с головою белой
Светлел глазами, светлел,
И небо над ним тоже светлело,
А бубенец зазвякал
Да заледенел...

1932

* * *

Сначала пробежал осинник,
Потом дубы прошли, потом,
Закутавшись в овчинах синих,
С размаху в бубны грянул гром.

Плясал огонь в глазах саженных,
А тучи стали на привал,
И дождь на травах обожженных
Копытами затанцевал.

Стал странен под раскрытым небом
Деревьев пригнутый разбег,
И все равно как будто не был,
И если был — под этим небом
С землей сровнялся человек.

1932

ПРОГУЛКА

Зашатались деревья. Им сытая осень дала
По стаканчику водки и за бесценок
Их одежду скупила. Пакгауз осенний!
Где дубленые шубы листвы и стволы
На картонной подметке, и красный околыш
Набок сбитой фуражки, и лохмы папах,
Деревянные седла и ржавые пики.

Да, похоже на то, что, окончив войну,
Здесь полки оставляли свое снаряженье,
И кровавую марлю, и боевые знамена,
И разбитые пушки!
А, ворон упал!
Не взорвать тишины.
Проходи по хрустящим дорожкам,
Пей печальнейший, сладостный воздух поры
Расставания с летом. Как вянет трава —
Ряд за рядом! — Молчи и ступай осторожно,
Бойся тронуть плакучую медь тишины.
Сколько мертвого света и теплых дыханий живет
В этом сборище листьев и прелых рогатин!
Вот пахнуло зверинцем. Мальчишка навстречу бежит...

1932

ТРОЙКА

Вновь на снегах, от бурь покатых,
В колючих бусах из репья,
Ты на ногах своих лохматых
Переступаешь вдаль, храпя,
И кажешь морды в пенных розах,—
Кто смог, сбираясь в дальний путь,
К саням — на тесаных березах
Такую силу притянуть?
Но даже стрекот сбруй сорочий
Закован в обруч ледяной.
Ты медлишь, вдаль вперяя очи,
Дыша соломой и слюной.
И коренник, как баня, дышит,
Щекою к поводам припав.
Он ухом водит, будто слышит,
Как рядом в горне бьют хозяв;
Стальными блещет каблуками
И белозубый скалит рот,
И харя с красными белками,
Цыганская, от злобы ржет.
В его глазах костры косые,
В нем зверья стать и зверья прыть,
К такому можно пол-России
Тачанкой гиблой прицепить!
И пристяжные! Отступая,
Одна стоит на месте вскачь,
Другая, рыжая и злая,
Вся в красный согнута калач.
Одна — из меченых и рыжих,
Другая — краденая знать —
Татарская княжна да б....., —

Кто выдумал хмельных лошажьих
Разгульных девок запрягать?
Ресниц декабрьское сиянье
И бабий запах пьяных кож,
Ведро серебряного ржанья —
Подставишь к мордам — наберешь.
Но вот сундук в обивке медной
На сани ставят. Веселей!
И чьи-то руки в миг последний
С цепей спускают кобелей.
И коренник, во всю кобенясь,
Под тенью длинного бича,
Выходит в поле, подбоченясь,
Приплясывая и хохоча.
Рванулись. И — деревня сбита,
Пристяжка мечет, а вожак,
Вонзая в быстроту копыта,
Полмира тащит на вожжах!

1933

ДОРОГА

Лохматые тучи
Клубились над нами,
Березы кружились
И падали, и,
Сбежав с косогора,
Текли табунами,
И шли, словно волны,
Курганы в степи.

Там к рекам спешила
Овечья Россия
И к мутной воде
Припадала губой,
А тучи несметные
И дождевые
Сбирались,
Дымились
И шли на убой.

Нам было известно —
На этой равнине,
За тысячи верст
От равнинной луны,
Лепечут котлы
И бушуют полыни,
И возле болотца
Стоят в котловине
На гнутых ногах
Над огнем таганы.

Оттуда неслись к нам
Глухие припевы
Далекой и с детства
Родной высоты,
И на стоянках
Скуластые девы
Для нас приносили
Оттуда цветы.

У этих цветов
Был неслыханный запах,
Они на губах
Оставляли следы,
Цветы эти, верно,
Стояли на лапах
У черной,
Наполненной страхом воды.

А поезд в смятенье
Все рвал без оглядок
Застегнутый наглухо
Ворот степей,
И ветер у окон
Крутился и прядал,
Как будто бы кто
Выпускал голубей.

У спутниц бессонница,
Спутанный волос,
Им шеи закат золотит,
И давно
В их пестрых глазах
Полстраны раскололось,—
Зачем они смотрят,
Тоскуя, в окно?

Но вот по соседству,
Стуча каблуками,
С глазами ослепшими,
Весел и пьян,
Гармонь обнимает
Кривыми руками
Далекой

Японской войны ветеран:
«Не радуйся, парень,
Мы сами с усами,
Настрой гармониста
На праздничный лад...»
...Мы ехали долго
Полями-лесами,
Встречая киргиз
И раскосых бурят...

А поезд все рвет
Через зарево дыма,
Обросший простором и ветром,
В дыму,
И мир полосатый
Проносится мимо —
Остаться не страшно
Ему одному.

Затеряны избы,
Постели и печи.
Там бабы
Угрюмо теребят кудель,
Пускает до облак
Гусей Семиречье
И ходит под бубны
В пыли карусель.

Огни загораются
Реже и реже,
Черны поселенья,
Березы белы,
Стоит мирозданье.
Стоят побережья,
И жвачку в загонах
Роняют волы.

И только на лавке
Вояка бывалый,
Летя вместе с поездом
В темень, поет:
«...Родимая мать,
Ты меня целовала
И крест мне дала,
Отправляя в поход...»

Кого же ты, ночь,
И за что обессудишь?
Кого же прославишь
И пестуешь ты?
А там, где заря зачинается,
Люди
Коряги ворочают,
Строят мосты.

Тревожно гудят
Провода об отваге,
Протяжные звуки
Мы слышим во мгле.
Развеяны по ветру
Красные флаги,
Весна утвердилась
На талой земле.

1933

ИРТЫШ

Камыш высок, осока высока,
Тоской набух тугой сосок волчицы,
Слетает птица с дикого песка,
Крылами бьет и на волну садится.

Река просторной родины моей,
Просторная,
Иди под непогодой,
Теки, Иртыш, выплескивай язей —
Князь рыб и птиц, беглец зеленоводый.

Светла твоя подводная гроза,
Быстры волны шатучие качели,
И в глубине раскрытые глаза
У плавуна, как звезды, порыжели.

И в погребах песчаных в глубине,
С косой до пят, румяными устами,
У сундуков незапертых на дне
Лежат красавки с щучьими хвостами.

Сверкни, Иртыш, их перстнем золотым!
Сон не идет, заботы их не точат,
Течением относит груди им
И раки пальцы нежные щекочут.

Маши турецкой кистью камыша,
Теки, Иртыш! Любуюсь, не дыша,
Одним тобой, красавец остроскулый.
Оставив целым меду полковша,
Роскошествуя, лето потонуло.

Мы встретились. Я чалки не отдам,
Я сердца вновь вручу тебе удары...
По гребням пенистым, по лебедям
Ударили колеса «Товар-пара».

Он шел, одетый в золото и медь,
Грудастый шел. Наряженные в ситцы,
Ладонь к бровям, сбегались поглядеть
Досужие приречные станицы.

Как медлит он, теченье поборов,
Покачиваясь на волнах дородных...
Над неоглядной далью островов
Приветственный погуливает рев —
Бродячий сын компаний пароходных.

Катайте бочки, сыпьте в трюмы хлеб,
Ссыпайте соль, которою богаты.
Мне б горсть большого урожая, мне б
Большой воды грудные перекаты.

Я б с милой тоже повстречаться рад —
Вновь распознать, забытые в разлуке,
Из-под ресниц позолоченный взгляд,
Ее волос могучий перекат
И зноем зацелованные руки.

Чтоб про других шепнула: «Не вини...»
Чтоб губ от губ моих не отрывала,
Чтоб свадебные горькие огни
Ночь на баржах печально зажигала.

Чтобы Иртыш, меж рек иных скиталец,
Смыл тяжкий груз накопленной вины,
Чтоб вместо слез на лицах оставались
Лишь яростные брызги от волны!

1934

* * *

Родительница степь, прими мою,
Окрашенную сердца жаркой кровью,
Степную песнь! Склонившись к изголовью
Всех трав твоих, одну тебя пою!
К певучему я обращаюсь звуку,
Его не потускнеет серебро,
Так вкладывай, о степь, в сыновью руку
Кривое ястребиное перо.

6 апреля 1935

ДОРОГОМУ НИКОЛАЮ ИВАНОВИЧУ АНОВУ

Ты предлагаешь нам странствовать
С запада багряного на синий восток.
Но не лягут дальние пространства
Покорными у наших ног.

Как в лихорадке кинематографических кадров,
Мы не закружимся в вихре минут.
Признайся, ведь мы не похожи на конквистадоров,
Завоевывающих страну.

Ночь в сумерках — словно дама в котиках —
Придет. И, исчерпанные до дна,
Мы, наверно, нашу экзотику
Перекрасим в другие тона.

С детства мило нам все голубое
И пшеничных просторов звень...
Мы смешными покажемся — ковбои
Из сибирских глухих деревень.

Всем нам дорог сердец огонь,
Но не будет ли все по-старому,
Если сменим мы нашу гармонь
На мексиканскую гитару?..

Ты сулишь нам просторы Атлантики,
Ну, а мы в дыму папирос
Будем думать о старой романтике
Золотых на ветру берез.

И разве буйство зашумит по-иному,
Если россов затянут в притон
И дадут по бутылке рому,
А не чашками самогон?

И когда, проплывая мимо,
Ночь поднимет Южный Крест,
Мы загрустим вдруг о наших любимых
Из родных оставленных мест.

Вот тогда и будет похоже,
Что, оторванные от земли,
С журавлями летим мы и тоже
Курлыкаем, как журавли.

И в июньское утро рано
Мы постучим у твоих дверей,
Закричим: «Николай Иванович Анов,
Принимай дорогих гостей!»

29 августа 1928

НА ПОСЕЩЕНИЕ НОВО-ДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ

Скажи, громкоголос ли, нем ли
Зеленый этот вертоград?
Камнями вдавленные в землю,
Без просыпа здесь люди спят.
Блестит над судьбами России
Литой шишак монастыря,
И на кресты его косые
Продрогшая летит заря.
Заря боярская, холопья,
Она хранит крученый дым,
Колодезную темь и хлопья
От яростных кремлевских зим.
Прими признание простое,—
Я б ни за что сменить не смог
Твоей руки тепло большое
На плит могильный холодок!
Нам жизнь любых могил дороже,
И не поймем ни я, ни ты,
За что же мертвецам, за что же
Приносят песни и цветы?
И все ж выспрашивают наши
Глаза, пытая из-под век,
Здесь средь камней, поднявший чаши,
Какой теперь пирует век?
К скуластым от тоски иконам
Поводырем ведет тропа,
И чаши сходятся со звоном —
То черепа о черепа,

То трепетных дыханий вьюга
Уходит в логово свое.
Со смертью чокнемся, подруга,
Нам не в чем упрекать ее!
Блестит, не знавший лет преклонных,
Монастыря литой шишак,
Как страж страстей неутоленных
И равенства печальный знак.

1932

АКРОСТИХ

Ответь мне, почему давно
С тоской иртышской мы в разлуке?
Ты видишь мутное окно,
Рассвет в него не льет вино,
Он не протянет нам и руки.
Вино, которое века
Орлам перо и пух багрило...
Мы одиноки, как тоска
У тростникового аула.

1936

«ВСЯ СИТЦЕВАЯ, ЛЕТНЯЯ ПРИСНИСЬ...»

ПАЛИСАД

Я вздыхаю глубоко и редко —
Воздух здесь ядреней и вольней.
Кареглазая моя соседка
В поводу ведет поить коней.

Уговаривать меня не надо:
Задевая ветки тополей,
Тороплюся я из палисада
Пробежать по улице за ней.

Лошадиные спокойны спины,
И за ними не видна она.
У поваленной гнилой лесины
Возле яра я ее догнал.

Берегов приподнятые плечи
Не сгорбатили еще года,
У копыт колышется и плещет
Розовая, сонная вода...

Я сказал: «Здесь чудная погода
И закаты ярче и пышней».
Я спросил: «Ты выйдешь за ворота,
Как поставишь к яслям лошадей?»

Говорил о свежести улыбок,
О родном и близком Иртыше,
Слышно было, как большие рыбы
Громко плавились у камышей.

Резвый ветер маленьким котенком
У ворот в траве попрыгать рад.
Проводил соседку я тихонько
В мой густой зеленый палисад.

Быстро ночи катятся в июле,
Затерялися в листве слова.
Над песками опустелых улиц,
Расползаясь, тает синева.

Близость тонких загорелых пальцев,
Теплота порозовевших щек!
...На траву отброшенным остался
Позабытый ситцевый платок.

15 июля 1927

АЗИАТ

Ты смотришь здесь совсем чужим,
Недаром бровь тугую супишь.
Ни за какой большой калым
Ты этой женщины не купишь.
Хоть волос русый у меня,
Но мы с тобой во многом схожи:
Во весь опор пустив коня,
Схватить земли смогу я тоже.
Я рос среди твоих степей,
И я, как ты, такой же гибкий.
Но не для нас цветут у ней
В губах подкрашенных улыбки.
Вот погоди,— другой придет,
Он знает разные манеры
И вместе с нею осмеет
Степных, угрюмых кавалеров.
И этот узел кос тугой
Сегодня ж, может быть, под вечер
Не ты, не я, а тот, другой
Распустит бережно на плечи.
Встаешь, глазами засверкав,
Дрожа от близости добычи.
И вижу я, как свой аркан
У пояса напрасно ищешь.
Здесь люди чтут иной закон
И счастье ловят не арканом!

. . . .

По гривам ветреных песков
Пройдут на север караваны.
Над пестрою кошмой степей

Заря поднимет бубен алый.
Где ветер плещет гибким телом,
Мы оседлаем лошадей.
Дорога гулко зазвенит,
Горячий воздух в ноздри хлынет,
Спокойно лягут у копыт
Пахучие поля полыни.
И там, в предгории Алтая,
Мы будем гости в самый раз.
Степная девушка простая
В родном ауле встретит нас.
И в час, когда падут туманы
Ширококрылой стаей вниз,
Мы будем пить густой и пьяный
В мешках бушующий кумыс.

1928

* * *

Гале Анучиной

Так мы идем с тобой и балагурим,
Любимая! Легка твоя рука!
С покатых крыш церквей, казарм и тюрем
Слетают голуби и облака.
Они теперь шумят над каждым домом,
И воздух весь черемухой пропах.
Вновь старый Омск нам кажется знакомым,
Как старый друг, оставленный в степях.
Сквозь свет и свежесть улиц этих длинных
Былого стертых не ищи следов,—
Нас встретит благовестью листьев тополиных
Окраинная троица садов.
Закат плывет в повечеревших водах,
И самой лучшей из моих находок
Не ты ль была? Тебя ли я нашел,
Как звонкую подкову на дороге,
Поруку счастья? Грохотали дроги,
Устали звезды говорить о боге,
И девушки играли в волейбол.

13 декабря 1930

* * *

И имя твое, словно старая песня,
Приходит ко мне. Кто ее запретит?
Кто ее перескажет? Мне скучно и тесно
В этом мире уютном, где тщетно горит
В керосиновых лампах огонь Прометея —
Опаленными перьями фитилей...
Подойди же ко мне. Наклонись. Пожалей!
У меня ли на сердце пустая затея,
У меня ли на сердце полынь да песок,
Да охрипшие ветры!
Послушай, подруга,
Полюби хоть на выогу, на этот часок,
Я к тебе приближаюсь. Ты, может быть, с юга,
Выпускай же на волю своих лебедей,—
Красно солнышко падает в синее море
И —
за пазухой прячется ножик-злодей,
И —
голодной собакой шатается горе...
Если все как раскрытые карты, я сам
На сегодня поверю — сквозь вихри разбега,
Рассыпаясь, летят по твоим волосам
Вифлеемские звезды российского снега.

Ноябрь 1931

ПЕСНЯ

В черном небе волчья проседь,
И пошел буран в бега,
Будто кто с размаху косит
И в стога гребет снега.

На косых путях мороза
Ни огней, ни дыму нет,
Только там, где шла береза,
Остывает тонкий след.

Шла береза льда напиться,
Гнула белое плечо.
У тебя ж огонь еще:
В темном золоте светлица,
Синий свет в сенях толпится,
Дышат шубы горячо.

Отвори пошире двери,
Синий свет впусти к себе,
Чтобы он павлиньи перья
Расстелил по всей избе,

Чтобы был тот свет угарен,
Чтоб в окно, скуласт и смел,
В иглах сосен вместо стрел,
Волчий месяц, как татарин,
Губы вытянув, смотрел.

Сквозь казацкое ненастье
Я брожу в твоих местах.
Почему постель в цветах,

Белый лебедь в головах?
Почему ты снишься, Настя,
В лентах, в серьгах, в кружевах?

Неужель пропащей ночью
Ждешь, что снова у ворот
Потихоньку захохочут
Бубенцы и конь заржет?

Ты свои глаза открой-ка —
Друга видишь неужель?
Заворачивает тройки
От твоих ворот метель.

Ты спознай, что твой соколик
Сбился где-нибудь с пути.
Не ему во тьме собольей
Губы теплые найти!

Не ему по вехам старым
Отыскать заветный путь,
В хуторах под Павлодаром
Колдовским дышать угаром
И в твоих глазах тонуть!

1932

СТИХИ МУХАНА БАШМЕТОВА [1]

1

ГАДАНЬЕ

Я видел — в зарослях карагача
Ты с ним, моя подруга, целовалась.
И шаль твоя, упавшая с плеча,
За ветви невеселые цеплялась.

Так я цепляюсь за твою любовь.
Забыть хочу — не позабуду скоро.
О сердце, стой! Молчи, не прекословь,
Пусть нож мой разрешит все эти споры.

Я загадал — глаза зажмурив вдруг,
Вниз острием его бросать я буду,—
Когда он камень встретит, милый друг,
Тебя вовек тогда я не забуду.

Но если в землю мягкую войдет —
Прощай навек. Я радуюсь решенью...
Куда ни брось — назад или вперед —
Все нет земли, кругом одни каменья.

Как с камнем перемешана земля,
Так я с тобой... Тоску свою измерю —
Любовь не знает мер — и, целый свет кляня,
Вдруг взоры обращаю к суеверью.

1932

---

[1] Стихи Мухана Башметова (№ 1—3) — своеобразная литературная мистификация: П. Васильев написал их от имени некоего казахского поэта Мухана Башметова, выдав себя за переводчика. (Примеч. составителя.— *П. В.*)

2

РАССТАВАНЬЕ

Ты уходила, русская! Неверно!
Ты навсегда уходишь? Навсегда!
Ты проходила медленно и мерно
К семье, наверно, к милому, наверно,
К своей заре, неведомо куда...

У пенных волн, на дальней переправе,
Все разрешив, дороги разошлись,—
Ты уходила в рыжине и славе,
Будь проклята — я возвратить не вправе,—
Будь проклята или назад вернись!

Конь от такой обиды отступает,
Ему рыдать мешают удила,
Он ждет, что в гриве лента запылает,
Которую на память ты вплела.

Что делать мне, как поступить? Не знаю!
Великая над степью тишина.
Да, тихо так, что даже тень косая
От коршуна скользящего слышна.

Он мне сосед единственный... Не верю!
Убить его? Но он не виноват,—
Достанет пуля кровь его и перья —
Твоих волос не возвратив назад.

Убить себя? Все разрешить сомненья?
Раз! Дуло в рот. Два — кончен! Но, убив,
Добуду я себе успокоенье,
Твоих ладоней все ж не возвратив.

Силен я, крепок,— проклята будь сила!
Я прям в седле,— будь проклято седло!
Я знаю, что с собой ты уносила
И что тебя отсюда увело.

Но отопрись, попробуй, попытай-ка,
Я за тебя сгораю со стыда:
Ты пахнешь, как казацкая нагайка,
Как меж племен раздоры и вражда.

Ты оттого на запад повернула,
Подставила другому ветру грудь...
Но я бы стер глаза свои и скулы
Лишь для того, чтобы тебя вернуть!

О, я гордец! Я думал, что средь многих
Один стою. Что превосходен был,
Когда быков мордастых, круторогих
На праздниках с копыт долой валил.

Тогда свое показывал старанье
Средь превращенных в недругов друзей,
На скачущих набегах козлодранья
К ногам старейших сбрасывал трофей.

О, я гордец! В письме набивший руку,
Слагавший устно песни о любви,
Я не постиг прекрасную науку,
Как возвратить объятия твои.

Я слышал жеребцов горячих ржанье
И кобылиц. Я различал ясней
Их глупый пыл любовного старанья,
Не слыша, как сулили расставанье
Мне крики отлетавших журавлей.

Их узкий клин меж нами вбит навеки,
Они теперь мне кажутся судьбой...
Я жалуюсь, я закрываю веки...
Мухан, Мухан, что сделалось с тобой!

Да, ты была сходна с любви напевом,
Вся нараспев, стройна и высока,
Я помню жилку тонкую на левом
Виске твоем, сияющем нагревом,
И перестук у правого виска.

Кольцо твое, надетое на палец,
В нем, в золотом, мир выгорал дотла,—
Скажи мне, чьи на нем изображались
Веселые сплетенные тела?

Я помню все! Я вспоминать не в силе!
Одним воспоминанием живу!
Твои глаза немножечко косили,—
Нет, нет! — меня косили как траву.

На сердце снег... Родное мне селенье,
Остановлюсь пред рубежом твоим.
Как примешь ты Мухана возвращенье?
Мне сердце съест твой одинокий дым.

Вот девушка с водою пробежала.
«День добрый», — говорит. Она права,
Но я не знал, что обретают жало
И ласковые дружества слова.

Вот секретарь аульного совета,—
Он мудр, украшен орденом и стар,
Он тоже песни сочиняет: «Где ты
Так долго задержался, джалдастар?»

И вдруг меня в упор остановило
Над юртой знамя красное... И ты!
Какая мощь в развернутом и сила,
И сколько в нем могучей красоты!

Под ним мы добывали жизнь и славу
И, в пулеметный вслушиваясь стук,
По палачам стреляли. И по праву
Оно умней и крепче наших рук.

И как я смел сердечную заботу
Поставить рядом со страной своей?
Довольно ныть! Пора мне на работу,—
Что ж, секретарь, заседлывай коней.

Мир старый жив. Еще не все сравнялось.
Что нового? Вновь строит козни бий?
Заседлывай коней, забудь про жалость —
Во имя счастья, песни и любви.

1932

3

Я, Мухан Башметов, выпиваю чашку кумыса
И утверждаю, что тебя совсем не было.
Целый день шустрая в траве резвилась коса —
И высокой травы как будто не было.

Я, Мухан Башметов, выпиваю чашку кумыса
И утверждаю, что ты совсем безобразна,
А если и были красивыми твои рыжие волоса,
То они острижены тобой совсем безобразно,

И если я косые глаза твои целовал,
То это было лишь только в шутку,
Но когда я целовал их, то не знал,
Что все это было лишь только в шутку.

Я оставил в городе тебя, в душной пыли,
На шестом этаже с кинорежиссером,
Я очень счастлив, если вы смогли
Стать счастливыми с кинорежиссером.

Я больше не буду под утро к тебе прибегать
И тревожить твоего горбатого соседа,
Я уже начинаю позабывать, как тебя звать
И как твоего горбатого соседа.

Я, Мухан Башметов, выпиваю чашку кумыса,—
Единственный человек, которому жалко,
Что пропадает твоя удивительная краса
И никому ее в пыльном городе не жалко!

1932

* * *

Далеко лебяжий город твой —
За поветями и лебедою,
Ходит там кругами волчий вой,
Месяц плещет черною водою.
Далеко лебяжий город твой!

Расскажи, какой ты вести ждешь
И о чем сегодня загрустила?
Сколько весен замужем живешь,
Где твой смех и земляная сила?
Отчего ты прячешь в шалях дрожь —
Или о проезжем загрустила?

Далеко лебяжий город твой,
Далеко на речке быстрой — Лене.
Я на печь хочу к себе домой,
На печи сидеть, поджав колени.

Чтобы пели люди под гармонь,
Пели дрожжи в бочках и корытах.
Я хочу вернуть себе огонь
У кота в глазах полуоткрытых.

Я хочу вернуть мою родню,
Тараканий гул и веник банный.
Я во всем тебя теперь виню,
Да ни в чем не покажу желаний.

1932

* * *

Я боюсь, чтобы ты мне чужою не стала,
Дай мне руку, а я поцелую ее.
Ой, да как бы из рук дорогих не упало
Домотканое счастье твое!

Я тебя забывал столько раз, дорогая,
Забывал на минуту, на лето, на век,—
Задыхаясь, ко мне приходила другая,
И с волос ее падали гребни и снег.

В это время в дому, что соседям на зависть,
На лебяжьих, на брачных перинах тепла,
Неподвижно в зеленую темень уставясь,
Ты, наверно, меня понапрасну ждала.

И когда я душил ее руки, как шеи
Двух больших лебедей, ты шептала: «А я?»
Может быть, потому я и хмурился злее
С каждым разом, что слышал, как билась твоя

Одинокая кровь под сорочкой нагретой,
Как молчала обида в глазах у тебя.
Ничего, дорогая! Я баловал с этой,
Ни на каплю, нисколько ее не любя.

1932

* * *

Не добраться к тебе! На чужом берегу
Я останусь один, чтобы песня окрепла,
Все равно в этом гиблом, пропащем снегу
Я тебя дорисую хоть дымом, хоть пеплом.

Я над теплой губой обозначу пушок,
Горсти снега оставлю в прическе — и все же —
Ты похожею будешь на дальний дымок,
На старинные песни, на счастье похожа!

Но вернуть я тебя ни за что не хочу,
Потому что подвластен дремучему краю,
Мне другие забавы и сны по плечу,
Я на Север дорогу себе выбираю!

Деревянная щука, карась жестяной
И резное окно в ожерелье стерляжьем,
Царство рыбы и птицы! Ты будешь со мной,
Мы любви не споем и признаний не скажем.

Звонким пухом и синим огнем селезней,
Чешуей, чешуей обрастай по колено,
Чтоб глазок петушиный казался красней
И над рыбьими перьями ширилась пена.

Позабыть до того, чтобы голос грудной,
Твой любимейший голос — не доносило,
Чтоб огнями и тьмою, и рыжей волной
Позади, за кормой убегала Россия.

1932

* * *

Вся ситцевая, летняя приснись,
Твое позабываемое имя
Отыщется одно между другими.
Таится в нем немеркнущая жизнь:
Тень ветра в поле, запахи листвы,
Предутренняя свежесть побережий,
Предзорный отсвет, медленный и свежий,
И долгий посвист птичьей тетивы,
И темный хмель волос твоих еще.
Глаза в дыму. И, если сон приснится,
Я поцелую тяжкие ресницы,
Как голубь пьет — легко и горячо.
И, может быть, покажется мне снова,
Что ты опять ко мне попалась в плен,
И, как тогда, все будет бестолково —
Веселый зной загара золотого,
Пушок у губ и юбка до колен.

1932

* * *

Я завидовал зверю в лесной норе,
Я завидовал птицам, летящим в ряд:
Чуять шерстью врага иль плескаясь в заре,
Улетать и кричать, что вернешься назад!

1932

К ПОРТРЕТУ

Рыжий волос, весь перевитой,
Пестрые глаза и юбок ситцы,
Красный волос, наскоро литой,
Юбок ситцы и глаза волчицы.
Ты сейчас уйдешь. Огни, огни!
Снег летит. Ты возвратишься, Анна.
Ну, хотя бы гребень оброни,
Шаль забудь на креслах, хоть взгляни
Перед расставанием обманно!

1932

* * *

Я тебя, моя забава,
Полюбил,— не прекословь.
У меня — дурная слава,
У тебя — дурная кровь.
Медь в моих кудрях и пепел,
Ты черна, черна, черна.
Я еще ни разу не пил
Глаз таких, глухих до дна,
Не встречал нигде такого
Полнолунного огня.
Там, у берега родного,
Ждет меня моя родня:
На болотной кочке филин,
Три совенка, две сестры,
Конь — горячим ветром взмылен,
На кукане осетры,
Яблоновый день со смехом,
Разрумяненный, и брат,
И в подбитой лисьим мехом
Красной шапке конокрад.

Край мой ветренен и светел.
Может быть, желаешь ты
Над собой услышать ветер
Ярости и простоты?
Берегись, ведь ты не дома
И не в дружеском кругу.
Тропы все мне здесь знакомы:
Заведу и убегу.

Есть в округе непутевой
Свой обман и свой обвес.
Только здесь затейник новый —
Не ручной ученый бес.
Не ясны ль мои побудки?
Есть ли толк в моей родне?
Вся округа дует в дудки,
Помогает в ловле мне.

1932

* * *

Дорогая, я к тебе приходил.
Губы твои запрокидывал, долго пил.
Что я знал и слышал? Слышал — ключ,
Знал, что волос твой черен и шипуч.
От дверей твоих потеряны все ключи,
Губы твои прощальные горячи.
Красными цветами вопит твой ковер
О том, что я был здесь ночью, вор,
О том, что я унес отсюда тепло...
Как меня, дорогая, в дороге жгло!
Как мне припомнилось твое вино,
Как мне привиделось твое окно!
Снова я, дорогая, к тебе приходил,
Губы твои запрокидывал, долго пил.

1932

* * *

Когда-нибудь сощуришь глаз,
Наполненный теплынью ясной,
Меня увидишь без прикрас,
Не испугавшись в этот раз
Моей угрозы неопасной.
Оправишь волосы, и вот
Тебе покажутся смешными
И хитрости мои, и имя,
И улыбающийся рот.
Припомнит пусть твоя ладонь,
Как по лицу меня ласкала.
Да, я придумывал огонь,
Когда его кругом так мало.
Мы, рукотворцы тьмы, огня,
Тоски угадываем зрелость.
Свидетельствую — ты меня
Опутала, как мне хотелось.
Опутала, как вьюн в цвету
Опутывает тело дуба.
Вот почему, должно быть, чту
И голос твой, и простоту,
И чуть задумчивые губы.
И тот огонь случайный чту,
Когда его кругом так мало,
И не хочу, чтоб, вьюн в цвету,
Ты на груди моей завяла.
Все утечет, пройдет, и вот
Тебе покажутся смешными
И хитрости мои, и имя,
И улыбающийся рот,
Но ты припомнишь меж другими
Меня, как птичий перелет.

1932

* * *

Не знаю, близко ль, далеко ль, не знаю,
В какой стране и при луне какой,
Веселая, забытая, родная,
Звучала ты, как песня за рекой.
Мед вечеров — он горестней отравы,
Глаза твои — в них пролетает дым,
Что бабы в церкви — кланяются травы
Перед тобой поклоном поясным.
Не мной ли на слова твои простые
Отыскан будет отзвук дорогой?
Так в сказках наших в воды колдовские
Ныряет гусь за золотой серьгой.
Мой голос чист, он по тебе томится
И для тебя окидывает высь.
Взмахни руками, обернись синицей
И щучьим повелением явись!

1932

* * *

Я сегодня спокоен,
ты меня не тревожь,
Легким, веселым шагом
ходит по саду дождь,
Он обрывает листья
в горницах сентября.
Ветер за синим морем,
и далеко заря.
Надо забыть о том,
что нам с тобой тяжело,
Надо услышать птичье
вздрогнувшее крыло,
Надо зари дождаться,
ночь одну переждать,
Фет еще не проснулся,
не пробудилась мать.
Легким, веселым шагом
ходит по саду дождь,
Утренняя по телу
перебегает дрожь,
Утренняя прохлада
плещется у ресниц,
Вот оно утро — шепот
сердца и стоны птиц.

1932

* * *

У тебя ль глазищи сини,
Шитый пояс и серьга,
Для тебя ль, лесной княгини,
Даже жизнь не дорога?
У тебя ли под окошком
Морок синь и розов снег,
У тебя ли по дорожкам
Горевым искать ночлег?
Но ветра не постояльцы,
Ночь глядит в окно к тебе,
И в четыре свищет пальца
Лысый черт в печной трубе.
И не здесь ли, без обмана,
При огне, в тиши, в глуши,
Спиртоносы-гулеваны
Делят ночью барыши?
Меньше, чем на нитке бусин,
По любви пролито слез.
Пей из чашки мед Марусин,
Коль башку от пуль унес.
Пей, табашный, хмель из чарок —
Не товар, а есть цена.
Принеси ты ей в подарок
Башмачки из Харбина.
Принеси, когда таков ты,
Шелк, что снился ей во сне,
Чтоб она носила кофты
Синевой под цвет весне.
Рупь так рупь, чтоб падал зво́нок
И крутился в честь так в честь,

Берегись ее, совенок,
У нее волчата есть!
У нее в малине губы,
А глаза темны, темны,
Тяжелы собачьи шубы,
Вместо серег две луны.
Не к тебе ль, моя награда,
Горюны, ни дать ни взять,
Парни из погранотряда
Заезжают ночевать?
То ли правда, то ль прибаска —
Приезжают, напролет
Целу ночь по дому пляска
На кривых ногах идет.
Как тебя такой прославишь?
Виноваты мы кругом:
Одного себе оставишь
И забудешь о другом.
До пяты распустишь косы
И вперишь глаза во тьму,
И далекие покосы
Вдруг припомнятся ему.
И когда к губам губами
Ты прильнешь, смеясь, губя,
Он любыми именами
Назовет в ответ тебя.

1932

* * *

Какой ты стала позабытой, строгой
И позабывшей обо мне навек.
Не смейся же! И рук моих не трогай!
Не шли мне взглядов длинных из-под век,
Не шли вестей! Неужто ты иная?
Я знаю всю, я проклял всю тебя.
Далекая, проклятая, родная,
Люби меня хотя бы не любя!

1932

* * *

Скоро будет сын из сыновей,
Будешь нянчить в ситцевом подоле.
Не хотела вызнать, кто правей,—
Вызнай и изведай поневоле.
Скоро будет сын из сыновей!

Ой, под сердцем сын из сыновей!
Вызолотит волос солнце сыну.
Не моих он, не моих кровей —
Как тоску я от себя отрину?

Я пришла, проклятая, к тебе
От полатей тяжких, от заслонок.
Сын родится в каменной избе
Да в соски вопьется мне, волчонок...

Над рожденьем радостным вразлад —
Сквозь века и горести глухие —
Паровые молоты стучат
И кукует темная Россия.

1932

ЕГОРУШКЕ КЛЫЧКОВУ

Темноглазый, коновой
Да темноволосенький,
Подрастай, детеныш мой,
Золотою сосенкой.

Лето нянчило тебя
На руках задумчивых,
Ветер шалый, зной губя,
Пеленал, закручивал.

Он на длинных веслах гнал
Струги свои ярые,
То лебедкой проплывал,
То летел гагарою.

Он у мамы на груди
Спал с тобой без просыпа,
Он и волосы твои
Бережно расчесывал.

Так не будь душою лют
И живи без тяготы.
Пусть улыбку сберегут
Губы твои — ягоды.

Ты расти с дубами в лад,
Вымни травы сорные,
Пусть глаза твои звенят,
Как вода озерная.

Подрастай, ядрен и смел,
Ладный да проказливый,
Чтобы соколом глядел,
Атаманил Разиным.

С моря ранний пал туман
У окошек створчатых.
Лето шьет тебе жупан
Из ветвей игольчатых.

Сине небо пьют глаза —
Чтоб вовсю напиться им!
«Шла с бубенчиком коза,
Била ос копытцами».

Темноглазый, коновой,
Чем тебя обрадовать?
Подрастет Егорка мой —
Станут девки взглядывать;

Целовать тебя взасос
Не одна потянется,
Будут спрашивать всерьез —
Как любви названьице.

Ну, а ты, им на беду,
Не куражась, простенько
Отвечай: растет в саду
Золотая сосенка.

Под метелью голубой
Жди дождя веселого:
Ведь мудрили над тобой
Золотые головы.

Взглянь лукаво из-под век,
Мир шумит поклонами.
Крестный твой отец весь век
Обрастал иконами.

Сказки спрятаны в ларьки,
Сединою повиты,
Ты сорвешь с ларей замки,
Сказки пустишь по ветру.

И, чумея без чумы
И себя жалеючи,
Просим милостыни мы
У Егор Сергеича.

Подари ты, сокол, нам
Хоть одну улыбочку,
Отпусти ты по волнам
Золотую рыбочку.

1932

ЛЮБИМОЙ

Елене

Слава богу,
Я пока собственность имею:
Квартиру, ботинки,
Горсть табака.
Я пока владею
Рукою твоею,
Любовью твоей
Владею пока.
И пускай попробует
Покуситься
На тебя
Мой недруг, друг
Иль сосед,—
Легче ему выкрасть
Волчат у волчицы,
Чем тебя у меня,
Мой свет, мой свет!
Ты — мое имущество,
Мое поместье,
Здесь я рассадил
Свои тополя.
Крепче всех затворов
И жестче жести
Кровью обозначено:
«Она — моя».
Жизнь моя виною,
Сердце виною,
В нем пока ведется
Все, как раньше велось,
И пускай попробуют

Идти войною
На светлую тень
Твоих волос!
Я еще нигде
Никому не говорил,
Что расстаюсь
С проклятым правом
Пить одному
Из последних сил
Губ твоих
Беспамятство
И отраву.

Спи, я рядом,
Собственная, живая,
Даже во сне мне
Не прекословь.
Собственности крылом
Тебя прикрывая,
Я оберегаю нашу любовь.
А завтра,
Когда рассвет в награду
Даст огня
И еще огня,
Мы встанем,
Скованные, грешные,
Рядом —
И пусть он сожжет
Тебя
И сожжет меня.

1932

* * *

В степях немятый снег дымится,
Но мне в метелях не пропасть,—
Одену руку в рукавицу
Горячую, как волчья пасть,

Плечистую надену шубу
И вспомяну любовь свою,
И чарку поцелуем в губы
С размаху насмерть загублю.

А там за крепкими сенями
Людей попутных сговор глух.
В последний раз печное пламя
Осыплет петушиный пух.

Я дверь раскрою, и потянет
Угаром банным, дымной тьмой...
О чем глаз на глаз нынче станет
Кума беседовать со мной?

Луну покажет из-под спуда,
Иль полыньей растопит лед,
Или синиц замерзших груду
Из рукава мне натрясет?

1933

* * *

По́ снегу сквозь темень пробежали
И от встречи нашей за версту,
Где огни неясные сияли,
За руку простились на мосту.

Шла за мной, не плача и не споря,
По́д небом стояла как в избе.
Теплую, тяжелую от горя,
Золотую притянул к себе.

Одарить бы на прощанье — нечем,
И в последний раз блеснули и,
Развязавшись, поползли на плечи
Крашеные волосы твои.

Звезды Семиречья шли над нами,
Ты стояла долго, может быть,
Девушка со строгими бровями,
Навсегда готовая простить.

И смотрела долго, и следила
Папиросы наглый огонек.
Не видал. Как только проводила,
Может быть, и повалилась с ног.

А в вагоне тряско, дорогая,
И шумят. И рядятся за жизнь.
И на полках, сонные, ругаясь,
Бабы, будто шубы, разлеглись.

Синий дым и рыжие овчины,
Крашенные горечью холсты,
И летят за окнами равнины,
Полустанки жизни и кусты.

Выдаст, выдаст этот дом шатучий!
Скоро ли рассвет? Заснул народ,
Только рядом долго и тягуче
Кто-то тихим голосом поет.

Он поет, чуть прикрывая веки,
О метелях, сбившихся с пути,
О друзьях, оставленных навеки,
Тех, которых больше не найти.

И еще он тихо запевает,
Холод расставанья не тая,
О тебе, печальная, живая,
Полная разлук и встреч, земля!

1933

АНАСТАСИЯ

Почему ты снишься, Настя,
В лентах, в серьгах, в кружевах?

(Из старого стихотворения)

1

Не смущайся месяцем раскосым,
Пусть глядит через оконный лед.
Ты надень ботинки с острым носом,
Шаль, которая тебе идет.

Шаль твоя с тяжелыми кистями —
Злая кашемирская княжна,
Вытканная вялыми шелками,
Убранная черными цветами,—
В ней ты засидишься дотемна.

Нелегко наедине с судьбою.
Ты молчишь. Закрыта крепко дверь.
Но о чем нам горевать с тобою?
И о чем припоминать теперь?

Не были богатыми, покаюсь,
Жизнь моя и молодость твоя.
Мы с тобою свалены покамест
В короба земного бытия.

Позади пустынное пространство,
Тыщи верст — все звезды да трава.
Как твое тяжелое убранство,
Я сберег поверья и слова.

Раздарить налево и направо?
Сбросить перья эти? Может быть,
Ты сама придумаешь, забава,
Как теперь их в дело обратить?

Никогда и ни с каким прибасом
Наши песни не ходили вспять,—
Не хочу резным иконостасом
По кулацким горницам стоять!

Нелегко наедине с судьбою.
Ты молчишь. Закрыта крепко дверь.
Но о чем нам горевать с тобою?
И о чем припоминать теперь?

Наши деды с вилами дружили,
Наши бабки черный плат носили,
Ладили с овчинами отцы.
Что мы помним? Разговор сорочий,
Легкие при новолунье ночи,
Тяжкие лампады, бубенцы...

Что нам светит? Половодье разве,
Пена листьев диких и гроза,
Пьяного попа благообразье,
В золоченых ризах образа?

Или свет лукавый глаз кошачьих,
Иль пожатье дружеской руки,
Иль страна, где, хохоча и плача,
Скудные, скупые, наудачу
Вьюга разметала огоньки?

2

Не смущаясь месяцем раскосым,
Смотришь ты далеко, далеко...
На тебе ботинки с острым носом,
Те, которым век не будет сноса,
Шаль и серьги, вдетые в ушко.

С темными спокойными бровями,
Ты стройна, улыбчива, бела,
И недаром белыми руками
Ты мне крепко шею обняла.

В девку переряженное Лихо,
Ты не будешь спорить невпопад —

Под локоть возьмешь меня и тихо
За собою поведешь назад.

Я нарочно взглядываю мимо,—
Я боюсь постичь твои черты!
Вдруг услышу отзвук нелюдимый,
Голос тихий, голос твой родимый —
Я страшусь, чтоб не запела ты!

Потому что в памяти, как прежде,
Ночи звездны, шали тяжелы,
Тих туман, и сбивчивы надежды
Убежать от этой кабалы.

И напрасно, обратясь к тебе, я
Все отдать, все вымолить готов,—
Смотришь, лоб нахмуря и робея
И моих не понимая слов.

И бежит в глазах твоих Россия,
Прадедов беспутная страна.
Настя, Настенька, Анастасия,
Почему душа твоя темна?

3

Лучше было б пригубить затяжку
Той махры, которой больше нет,
Пленному красногвардейцу вслед!
Выстоять и умереть не тяжко
За страну мечтаний и побед.

Ведь пока мы ссоримся и ладим,
Громко прославляя тишь и гладь,
Счастья ради, будущего ради
Выйдут завтра люди умирать.

И, гремя в пространствах огрубелых,
Мимо твоего идут крыльца
Ветры те, которым нет предела,
Ветры те, которым нет конца!

Вслушайся. Полки текут, и вроде
Трубная твой голос глушит медь,
Неужели при такой погоде
Грызть орехи, на печи сидеть?

Наши имена припоминая,
Нас забудут в новых временах...
Но молчишь ты...

Девка расписная,
Дура в лентах, серьгах и шелках!

1933

РАССТАВАНЬЕ С МИЛОЙ

Чайки мечутся в испуге,
Я отъезду рад, не рад,—
Мир огромен,
И подруги
Молча вдоль него стоят.

Что нам делать? Воротиться?
День пробыть — опять проститься —
Только сердце растравить!
Течь недолго слезы будут,
Все равно нас позабудут,
Не успеет след простыть.

Ниже волны, берег выше,—
Как знаком мне этот вид!
Капитан на мостик вышел,
В белом кителе стоит.

На одну судьбу в надежде,
Пошатнулась, чуть жива.
Ты прощай, левобережье —
Зеленые острова.

Волны кинулись в погоню,
Заблестел огонь вдали,—
Не с гитарой, не с гармонью,
А с баяном парни шли —
Звонким тысячным баяном,
Золотым, обыгранным,
По улицам, по полянам,
По зеленым выгонам.

Ты прощай, прощай, любезный,
Непутевый город Омск,
Через реку мост железный,
На горе высокий дом.
Ждет на севере другая,
Да не знаю только, та ль?
И не знаю, дорогая,
Почему тебя мне жаль.
Я в печали бесполезной
Буду помнить город Омск,
Через реку мост железный,
На горе высокий дом.
Там тебе я сердце отдал...

Впереди густой туман.
«Полным ходом-пароходом!» —
В рупор крикнул капитан.
И в машинном отделении
В печь прибавили угля.
Так печально в отдалении
Мимо нас бегут поля.
Загорелись без причины
Бакены на Иртыше...
Разводи пары, машина,—
Легше будет на душе!..

1933(?)

* * *

Опять вдвоем,
Но неужели,
Чужих речей вином пьяна,
Ты любишь взрытые постели,
Моя монгольская княжна!

Напрасно, очень может статься...
Я не дружу с такой судьбой.
Я целый век готов скитаться
По шатким лесенкам с тобой.

И слушать —
Как ты жарко дышишь,
Забыв скрипучую кровать,
И руки, чуть локтей повыше,
Во тьме кромешной целовать.

Февраль 1934

ШУТКА

Негритянский танец твой хорош,
И идет тебе берет пунцовый,
И едва ль на улице Садовой
Равную тебе найдешь.

Есть своя повадка у фокстрота,
Хоть ему до русских, наших,— где ж!.,
Но когда стоишь вполоборота,
Забываю, что ты де-ла-ешь.

И покуда рядом нет Клычкова,
Изменю фольклору — каково!
Румба, значит. Оченно толково.
Крой впристучку. Можно. Ничего.

Стой, стой, стой, прохаживайся мимо.
Ишь, как изучила лисью рысь.
Признаю все, что тобой любимо,
Радуйся, Наталья, веселись!

Только не забудь, что рядом с нами,
Разбивая острыми носами
Влаги застоялый изумруд,
По «Москве» под злыми парусами
Струги деда твоего плывут.

1934

СТИХИ В ЧЕСТЬ НАТАЛЬИ

В наши окна, щурясь, смотрит лето,
Только жалко — занавесок нету,
Ветреных, веселых, кружевных.
Как бы они весело летали
В окнах приоткрытых у Натальи,
В окнах незатворенных твоих!

И еще прошеньем прибалую —
Сшей ты, ради бога, продувную
Кофту с рукавом по локоток,
Чтобы твое яростное тело
С ядрами грудей позолотело,
Чтобы наглядеться я не мог.

Я люблю телесный твой избыток,
От бровей широких и сердитых
До ступни, до ноготков люблю,
За ночь обескрылевшие плечи,
Взор, и рассудительные речи,

И походку важную твою.
А улыбка — ведь какая малость! —
Но хочу, чтоб вечно улыбалась —
До чего тогда ты хороша!
До чего доступна, недотрога,
Губ углы приподняты немного:
Вот где помещается душа.

Прогуляться ль выйдешь, дорогая,
Все в тебе ценя и прославляя,
Смотрит долго умный наш народ,
Называет «прелестью» и «павой»
И шумит вослед за величавой:
«По стране красавица идет».

Так идет, что ветви зеленеют,
Так идет, что соловьи чумеют,
Так идет, что облака стоят.
Так идет, пшеничная от света,
Больше всех любовью разогрета,
В солнце вся от макушки до пят.

Так идет, земли едва касаясь,
И дают дорогу, расступаясь,
Шлюхи из фокстротных табунов,
У которых кудлы пахнут псиной,
Бедра крыты кожею гусиной,
На ногах мозоли от обнов.

Лето пьет в глазах ее из брашен,
Нам пока Вертинский ваш не страшен —
Чертова рогулька, волчья сыть.
Мы еще Некрасова знавали,
Мы еще «Калинушку» певали,
Мы еще не начинали жить.

И в июне в первые недели,
По стране веселое веселье,
И стране нет дела до трухи.
Слышишь, звон прекрасный возникает?
Это петь невеста начинает,
Пробуют гитары женихи.

А гитары под вечер речисты,
Чем не парни наши трактористы?
Мыты, бриты, кепки набекрень.
Слава, слава счастью, жизни слава.
Ты кольцо из рук моих, забава,
Вместо обручального одень.

Восславляю светлую Наталью,
Славлю жизнь с улыбкой и печалью,
Убегаю от сомнений прочь,
Славлю все цветы на одеяле,
Долгий стон, короткий сон Натальи,
Восславляю свадебную ночь.

1934

ГОРОЖАНКА

Горожанка, маков цвет Наталья,
Я в тебя, прекрасная, влюблен.
Ты не бойся, чтоб нас увидали,
Ты отвесь знакомым на вокзале
Пригородном вежливый поклон.

Пусть смекнут про остальное сами.
Нечего скрывать тебе — почто ж!
С кем теперь гуляешь вечерами,
Рядом с кем московскими садами
На высоких каблуках идешь?

Ну и юбки! До чего летучи!
Ситцевый буран свиреп и лют...

Высоко над нами реют тучи,
В распрях грома, в молниях могучих,
В чревах душных дождь они несут.

И, темня у тополей вершины,
На передней туче, вижу я,
Восседает, засучив штанины,
Свесив ноги босые, Илья.

Ты смеешься, бороду пророка
Ветром и весельем теребя...
Ты в Илью не веришь? Ты жестока!
Эту прелесть водяного тока
Я сравню с чем хочешь для тебя,

Мы с тобою в городе как дома.
Дождь идет. Смеешься ты. Я рад.
Смех знаком, и улица знакома,
Грузные витрины Моссельпрома,
Как столы на пиршестве, стоят.

Голову закинув, смейся! В смехе,
В громе струй, в ветвях затрепетав,
Вижу город твой, его утехи,
В небеса закинутые вехи
Неудач, побед его и слав.

Из стекла и камня вижу стены,
Парками теснясь, идет народ.
Вслед смеюсь и славлю вдохновенно
Ход подземный метрополитена
И высоких бомбовозов ход.

Дождь идет. Недолгий, крупный, ранний.
Благодать! Противиться нет сил!
Вот он вырос, город всех мечтаний,
Вот он встал, ребенок всех восстаний,—
Сердце навсегда мое прельстил!

Ощущаю плоть его большую,
Ощущаю эти этажи,—
Как же я, Наталья, расскажи,
Как же, расскажи, мой друг, прошу я,
Раньше мог не верить в чертежи?

Дай мне руку. Ты ль не знаменита
В песне этой? Дай в глаза взглянуть.
Мы с тобой идем. Не лыком шиты —
Горожане, а не кто-нибудь.

1934

ПЕСЕНКА ДЛЯ КИНО

Выйди, выйди в утреннее море
И закинь на счастье невода.
Не с того ль под самою кормою
Разрыдалась синяя вода.

Позабыл, со мною не простился,
Не с того ль, ты видишь, милый, сам,
Расходился Каспий, рассердился,
Гонит Каспий волны к берегам.

Не укутать тонкой шалью плечи,
Не хочу, чтоб шторм не уставал,
Погляди, идет ко мне навстречу,
Запевает самый старый вал.

Я тебя не позабуду скоро,
Ты меня забудешь, может быть...
Выйди в море,— самая погода
Золотую рыбицу ловить.

1934

ПОСЛАНИЕ К НАТАЛИИ

Струей грохочущей, привольной
Течет кумыс из бурдюка.
Я проживаю здесь довольный,
Мой друг, и сча́стливый пока.

Судьбы свинчаткою не сбитый,
Столичный гость и рыболов,
Вдыхаю воздух знаменитый
Крутых иртышских берегов.

На скулах свет от радуг красных,
У самых скул шумит трава —
Я понимаю, сколь прекрасны
Твои, Наталия, слова.

Ты, если вспомнить, говорила,
Что время сердцу отдых дать,
Чтобы моя крутая сила
Твоей красе была под стать.

Вот почему под небом низким
Пью в честь широких глаз твоих
Кумыс из чашек круговых
В краю родимом и киргизском,
На кошмах сидя расписных!

Блестит трава на крутоярах...
В кустах гармони! Не боюсь!
В кругу былин, собак поджарых,
В кругу быков и песен старых
Я щурюсь, зрячий, и смеюсь,

И лишь твои припомню губы,
Под кожей яблоновый сок —
Мир станет весел и легок:
Так грудь целует после шубы
Московский майский ветерок.

Пусть яростней ревут гармони,
Пусть над обрывом пляшут кони,
Пусть в сотах пьяный зреет мед,
Пусть шелк у парня на рубахе
Горит, и молкнет у девахи
Закрытый поцелуем рот.

Чтоб лета дальние трущобы
Любови посетила власть,
Чтоб ты, мне верная до гроба,
Моя медынь, моя зазноба,
Над миром песней поднялась.

Чтобы людей полмиллиона
Смотрело, головы задрав,
Над морем слав, над морем трав
И подтвердило мне стозвонно,
Тебя выслеживая: прав.

Я шлю приветы издалека,
Я пожеланья шлю... Ну, что ж?
Будь здоро́ва и краснощека,
Ходи стройней, гляди высоко,
Как та страна, где ты живешь.

1934

ПОСВЯЩЕНИЕ Н. Г.

То легким, дутым золотом браслета,
То гребнями, то шелком разогретым,
То взглядом недоступным и косым
Меня зовешь и щуришься — знать, нечем
Тебе платить годам широкоплечим,
Как только горьким именем моим.

Ты колдовство и папорот Купала
На жемчуга дешевые сменяла —
Тебе вериг тяжеле не найти.
На поводу у нитки-душегубца
Иди, спеши. Еще пути найдутся,
А к прежнему затеряны пути.

1935

* * *

Чтоб долго почтальоны не искали,
Им сообщу с предсумрачной тоской:
Москва, в Москве *4-я Тверская*,
Та самая, что названа *Ямской*.
На ней найди *дом номер 26*,
В нем, горестном, *квартира 10* есть.
О почтальон, я, преклонив колени,
Молю тебя, найди сие жилье
И, улыбнувшись *Вяловой Елене*,
Вручи письмо печальное мое.

1935

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХИ

1

Весны возвращаются! И снова,
На кистях черемухи горя,
Губ твоих коснется несурово
Красный, окаянный свет былого —
Летняя высокая заря.

Весны возвращаются! Весенний
Сад цветет —
В нем правит тишина.
Над багровым заревом сирени,
На сто верст отбрасывая тени,
Пьяно закачается луна —

Русая, широкая, косая,
Тихой ночи бабья голова...
И тогда,
Лучом груди касаясь,
В сердце мне войдут твои слова.

И в густых ресниц твоих границе,
Не во сне,
Не в песне — наяву
Нежною июньскою зарницей
Взгляд твой черно-синий
Заискрится,—
Дай мне верить в эту синеву!

Я клянусь,
Что средь ночей мгновенных,
Всем метелям пагубным назло,
Сохраню я —

Молодых, бесценных,
Дрогнувших,
Как дружба неизменных,
Губ твоих июньское тепло!..

2

Какая неизвестность взволновала
Непрочный воздух, облако души?
Тот аромат,
Что от меня скрывала?
Тот нежный цвет?
Ответь мне, поспеши!

Почто, с тобой идущий наугад,
Я нежностью такою не богат!

И расскажи,
Открой: какая сила,
Какой порой весенней, для кого
Взяла б
И враз навеки растопила
Суровый камень сердца твоего?

Почто, в тебя влюбленный наугад,
Жестокостью такою не богат!

В твои глаза,
В их глубину дневную
Смотрю — не вижу выше красоты,
К тебе самой
Теперь тебя ревную —
О, почему я не такой, как ты!

Я чувствам этим вспыхнувшим не рад,
Я — за тобой идущий наугад.

Восторгами, любовью и обидой
Давно душа моя населена.
Возьми ее и с головою выдай,
Когда тебе не по душе она.

И разберись сама теперь, что́ в ней —
Обида, страсть или любовь — сильней!

1936

* * *

Подруге моей Елене

Снегири взлетают красногруды...
Скоро ль, скоро ль на беду мою
Я увижу волчьи изумруды
В нелюдимом, северном краю.

Будем мы печальпы, одиноки
И пахучи, словно дикий мед.
Незаметно все приблизит сроки,
Седина нам кудри обовьет.

Я скажу тогда тебе, подруга:
«Дни летят, как по ветру листье,
Хорошо, что мы нашли друг друга,
В прежней жизни потерявши все...»

Февраль 1937

«МНЮ Я БЫТЬ МАСТЕРОМ...»

* * *

Все так же мирен листьев тихий шум,
И так же вечер голубой беспечен,
Но я сегодня полон новых дум,
Да, новых дум я полон в этот вечер.

И в сумраке слова мои звенят —
К покою мне уж не вернуться скоро.
И окровавленным упал закат
В цветном дыму вечернего простора.

Моя Республика, любимая страна,
Раскинутая у закатов,
Всего себя тебе отдам сполна,
Всего себя, ни капельки не спрятав.

Пусть жизнь глядит холодною порой,
Пусть жизнь глядит порой такою злою,
Огонь во мне, затепленный тобой,
Не затушу и от людей не скрою.

И не пройду я отвернувшись, нет,
Вот этих лет волнующихся — мимо.
Мне электрический веселый свет
Любезнее очей любимой.

Я не хочу и не могу молчать.
Я не хочу остаться постояльцем.
Когда к Республике протягивают пальцы,
Чтоб их на горле повернее сжать,

Республика, я одного прошу:
Пусти меня в ряды простым солдатом,
...Замолк деревьев переливный шум,
Утих разлив багряного заката.

Но нет вокруг спокойствия и сна.
Угрюмо небо надо мной темнеет,
Все настороженнее тишина,
И цепи туч очерчены яснее.

1927

ПИСЬМО

Месяц чайкой острокрылой кружит,
И река, зажатая песком,
Все темнее, медленней и у́же
Отливает старым серебром.

Лодка тихо въехала в протоку
Мимо умолкающих осин,—
Здесь камыш, набухший и высокий,
Ловит нити лунных паутин.

На ресницы той же паутиной
Лунное сияние легло.
Ты смеешься, высоко закинув
Руку с легким, блещущим веслом.

Вспомнить то, что я давно утратил,
Почему-то захотелось вдруг...
Что́ теперь поешь ты на закате,
Мой далекий темноглазый друг?

Расскажи хорошими словами
(Я люблю знакомый, тихий звук),
Ну, кому ты даришь вечерами
Всю задумчивость и нежность рук?

Те часы, что провела со мною,
Дорогая, позабыть спеши.
Знаю, снова лодка под луною
В ночь с другим увозит в камыши.

И другому в волосы нежнее
Заплетаешь ласки ты, любя...
Дорогая, хочешь, чтоб тебе я
Рассказал сегодня про себя?

Здесь живу я вовсе не случайно —
Эта жизнь для сердца дорога...
Я уж больше не вздыхаю тайно
О родных зеленых берегах.

Я давно пропел свое прощанье,
И обратно не вернуться мне,
Лишь порой летят воспоминанья
В дальний край, как гуси по весне.

И хоть я бываю здесь обижен,
Хоть и сердце бьется невпопад,
Мне не жаль, что больше не увижу
Дряхлый дом и тихий палисад.

В нашем старом палисаде тесно,
И тесна ссутуленная клеть.
Суждено мне неуемной песней
В этом мире новом прозвенеть...

Только часто здесь за лживым словом
Сторожит припрятанный удар,
Только много их, что жизнь готовы
Переделать на сплошной базар.

По указке петь не буду сроду,—
Лучше уж навеки замолчать.
Не хочу, чтобы какой-то Родов
Мне указывал, про что писать.

Чудаки! Заставить ли поэта,
Если он — действительно поэт,
Петь по тезисам и по анкетам,
Петь от тезисов и от анкет.

Чудаки! Поэтов разве учат,—
Пусть свободней будет бег пера!..
...Дорогая, я тебе наскучил?
Я кончаю. Ухожу. Пора.

Голубеют степи на закате,
А в воде брусничный плещет цвет,
И восток, девчонкой в синем платье,
Рассыпает пригоршни монет.

Вижу: мной любимая когда-то,
Может быть, любимая сейчас,
Вся в лучах упавшего заката,
На обрыв песчаный забралась.

Хорошо с подъятыми руками
Вдруг остановиться, не дыша,
Над одетыми в туман песками,
Над теченьем быстрым Иртыша.

1927

ПУШКИН

Предупреждение? Судьба? Ошибка?
— Вздор!
Но недовольство тонко смыла мгла.
...Приспущенные флаги штор
И взмах копыт во тьму из-за угла.

И острый полоз взрезал спелый снег,
Закат упал сквозь роспись ярких дуг,
Поспешливо придумать сквозь разбег,
Что где-то ждет далекий нежный друг...

Вот здесь встречал, в толпе других, не раз...
И вдруг его в упор остановил
Простой вопрос, должно быть, темных глаз
И кисть руки у выгнутых перил.

Конечно, так! Он нежность не увез!
И санки вдруг на крыльях глубины,
И в голубом церемониале звезд —
Насмешливый полупоклон луны.

И санки вкось. А запад ярко хмур.
Сквозь тихий смех: — Какой невольный час...
Даль зеркала и пестрый праздник дур
И дураков. Не правда ли, Данзас?

Усталый снег разрезан мерзлой веткой,
Пар от коней.
— Нельзя ли поскорей...—
И ветер развевает метко
Трефовый локон сумрачных кудрей,

Туман плывет седеющий и серый,
Поляна поднята в кустарнике как щит,
И на отмеренные барьеры
Отброшены небрежные плащи.

Рука живет в тугих тисках перчатки,
Но мертвой костью простучало:
Нет!
И жжет ладонь горячей рукояткой
С наивным клювом длинный пистолет.

Последний знак...
Судьба? Ошибка? — Вздор!
Раздумья нет. Пусть набегает мгла.
Вдруг подойти и выстрелить в упор
В граненый звон зеленого стекла.

И темный миг знакомых юных глаз,
Который вдруг его остановил...
— Вы приготовились?
...И дорогая...
— Раз!

У тонких и изогнутых перил.
Ведь перепутались вдруг, вспомнившись, слова,
Которые он вспомнил и забыл.
— Вы приготовились?..
...То нежность, что ли?
— Два!

У стынущих, причудливых перил —
Вот в эту тьму багровую смотри!
Ты в этом мире чувствовал и жил.
...Бег санок легких, прозвеневших...
— Три!
У ускользающих, остынувших перил.

Пустынна ночь. И лунно вьется снег.
Нем горизонт. (В глуби своей укрой!)
Усталых санок ровно сдержан бег,
А сквозь бинты накрапывает кровь.

1928

СОНЕТ

«Суровый Дант не презирал сонета,
В нем жар любви Петрарка изливал...»
А я брожу с сонетами по свету,
И мой ночлег — случайный сеновал.

На сеновале — травяное лето,
Луны печальной розовый овал.
Ботинки я в скитаньях истоптал,
Они лежат под головой поэта.

Привет тебе, гостеприимный кров,
Где тихий хруст и чавканье коров
И неожидан окрик петушиный...

Зане я здесь устроился, как граф!
И лишь боюсь, что на заре, прогнав,
Меня хозяин взбрызнет матерщиной.

1929

К МУЗЕ

Ты строй мне дом, но с окнами на запад,
Чтоб видно было море-океан,
Чтоб доносило ветром дальний запах
Матросских трубок, песни поморян.

Ты строй мне дом, но с окнами на запад,
Чтоб под окно к нам Индия пришла
В павлиньих перьях, на слоновых лапах,
Ее товары — золотая мгла.

Граненные веками зеркала...
Потребуй же, чтоб шла она на запад
И встретиться с варягами могла.
Гори светлей! Ты молода и в силе,
Возле тебя мне дышится легко.

Построй мне дом, чтоб окна запад пили,
Чтоб в нем играл заморский гость Садко
На гуслях мачт коммерческих флотилий!

1930

СЕРДЦЕ

Мне нравится деревьев стать,
Июльских листьев злая пена.
Весь мир в них тонет по колено.
В них нашу молодость и стать
Мы узнавали постепенно.

Мы узнавали постепенно,
И чувствовали мы опять,
Что тяжко зеленью дышать,
Что сердце, падкое к изменам,
Не хочет больше изменять.

Ах, сердце человечье, ты ли
Моей доверилось руке?
Тебя как клоуна учили,
Как попугая на шестке.

Тебя учили так и этак,
Забывши радости твои,
Чтоб в костяных трущобах клеток
Ты лживо пело о любви.

Сгибалась человечья выя,
И стороною шла гроза.
Друг другу лгали площадные
Чистосердечные глаза.

Но я смотрел на все без страха,—
Я знал, что в дебрях темноты
О кости черствые с размаху
Припадками дробилось ты.

Я знал, что синий мир не страшен,
Я сладостно мечтал о дне,
Когда не по твоей вине
С тобой глаза и души наши
Останутся наедине.

Тогда в согласье с целым светом
Ты будешь лучше и нежней.
Вот почему я в мире этом
Без памяти люблю людей!

Вот почему в рассветах алых
Я чтил учителей твоих
И смело в губы целовал их,
Не замечая злобы их!

Я утром встал, я слышал пенье
Веселых девушек вдали,
Я видел — в золотой пыли
У юношей глаза цвели
И снова закрывались тенью.

Не скрыть мне то, что в черном дыме
Бежали юноши. Сквозь дым!
И песни пели. И другим
Сулили смерть. И в черном дыме
Рубили саблями слепыми
Глаза фиалковые им.

Мело пороховой порошей,
Большая жатва собрана.
Я счастлив, сердце,— допьяна,
Что мы живем в стране хорошей,
Где зреет труд, а не война.

Война! Она готова сворой
Рвануться на страны жилье.
Вот слово верное мое:
Будь проклят тот певец, который
Поднялся прославлять ее!

Мир тяжким ожиданьем связан.
Но если пушек табуны
Придут топтать поля страны —

Пусть будут те истреблены,
Кто поджигает волчьим глазом
Пороховую тьму войны.

Я призываю вас — пора нам,
Пора, я повторяю, нам
Считать успехи не по ранам —
По веснам, небу и цветам.

Родятся дети постепенно
В прибое. В них иная стать,
И нам нельзя позабывать,
Что сердце, падкое к изменам,
Не может больше изменять.

Я вглядываюсь в мир без страха,
Недаром в нем растут цветы.
Готовое пойти на плаху,
О кости черствые с размаху
Бьет сердце — пленник темноты.

1932

* * *

Мню я быть мастером, затосковав о трудной работе,
Чтоб останавливать мрамора гиблый разбег и крушенье,
Лить жеребцов из бронзы гудящей, с ноздрями как розы,
И быков, у которых вздыхают острые ребра.

Веки тяжелые каменных женщин не дают мне покоя,
Губы у женщин тех молчаливы, задумчивы
и ничего не расскажут,
Дай мне больше недуга этого, жизнь,—
я не хочу утоленья,
Жажды мне дай и уменья в искусной этой работе.

Вот я вижу, лежит молодая, в длинных одеждах,
опершись о локоть,—
Ваятель теплого, ясного сна вкруг нее
пол-аршина оставил,
Мальчик над ней наклоняется, чуть улыбаясь, крылатый...
Дай мне, жизнь, усыплять их так крепко —
каменных женщин.

1932

* * *

Ничего, родная, не грусти,
Не напрасно мы с бедою дружим.
Я затем оттачиваю стих,
Чтоб всегда располагать оружьем.

1932

КАМЕНОТЕС

Пора мне бросить труд неблагодарный —
В тростинку дуть и ударять по струнам;
Скудельное мне тяжко ремесло.
Не вызовусь увеселять народ!
Народ равнинный пестовал меня
Для краснобайства, голубиных гульбищ,
Сзывать дожди и прославлять зерно.

Я вспоминаю отческие пашни,
Луну в озерах и цветы на юбках
У наших женщин, первого коня,
Которого я разукрасил в мыло.
Он яблоки катал под красной кожей,
Свирепый, ржал, откапывал клубы
Песка и ветра. А меня учили
Беспутный хмель, ременная коса,
Сплетенная отцовскими руками.

И гармонист, перекрутив рукав,
С рязанской птахой пестрою в ладонях
Пошатывался, гибнул на ладах,
Летел верхом на бочке, пьяным падал
И просыпался с милою в овсах!..

Пора мне бросить труд неблагодарный...
Я, полоненный, схваченный, мальчишкой
Стал здесь учен и к камню привыкал.
Барышникам я приносил удачу.
Здесь горожанки эти узкогруды,
Им нравится, что я скуласт и желт.

В тростинку дуть и ударять по струнам?
Скудельное мне тяжко ремесло.

Нет, я окреп, чтоб стать каменотесом,
Искусником и мастером вдвойне.
Еще хочу я превзойти себя,
Чтоб в камне снова просыпались души,
Которые кричали в нем тогда,
Когда я был и свеж и простодушен.

Теперь, увы, я падок до хвалы,
Сам у себя я молодость ворую.
Дареная — она бы возвратилась,
Но проданная — нет! Я получу
Барыш презренный — это ли награда?
Скудельное мне тяжко ремесло.
Заброшу скоро труд неблагодарный —
Опаснейший я выберу, и пусть
Погибну незаконно — за работой.

И, может быть, я берег отыщу,
Где привыкал к веселью и разгулу,
Где первый раз увидел облака.
Тогда сурово я, каменотес,
Отцу могильный вытешу подарок:
Коня, копытом вставшего на бочку,
С могучей шеей, глазом наливным.

Но кто владеет этою рукой,
Кто приказал мне жизнь увековечить,
Прекраснейшую, выспренною, мною
Не виданной, наверно, никогда?

Ты тяжела, судьба каменотеса.

1933

ДРУГУ-ПОЭТУ

Здравствуй в расставанье, брат Василий!
Август в нашу честь золотобров,
В нашу честь травы здесь накосили,
В нашу честь просторно настелили
Золотых с разводами ковров.

Наши песни нынче подобрели —
Им и кров и прибасень готов.
Что же ты, Василий, в самом деле
Замолчал в расцвет своих годов?

Мало сотоварищей мне, мало,
На ладах, вишь, не хватает струн.
Али тебе воздуху не стало,
Золотой башкирский говорун?

Али тебя ранняя перина
Исколола стрелами пера?
Как здоровье дочери и сына,
Как живет жена Екатерина,
Князя песни русския сестра?

Знаю, что живешь ты небогато,
Мой башкирец русский, но могли
Пировать мы все-таки когда-то —
Высоко над грохотом Арбата,
В зелени московской и пыли!

По наследству перешло богатство
Древних песен, сон и бубенцы,
Звон частушек, что в сенях толпятся...
Будем же, Василий, похваляться,
Захмелев наследством тем, певцы.

Ну-ка спой, Василий, друг сердечный,
Разожги мне на сердце костры.
Мы народ не робкий и не здешний,
По степям далеким безутешный,
Мы, башкиры, скулами остры.

Как волна, бывалая прибаска
Жемчугами выстелит пути —
Справа ходит быль, а слева — сказка,
Сами знаем, где теперь идти.

Нам пути веселые найдутся,
Не резон нам отвращаться их,
Здесь, в краю берез и революций,
В облаках, в знаменах боевых!

1934

В ЗАЩИТУ ПАСТУХА-ПОЭТА

Вот уж к двадцати шести
Путь мой близится годам,
А мне не с кем отвести
Душу, милая мадам.

Лукавоглаз, широкорот, тяжел,
Кося от страха, весь в лучах отваги,
Он в комнату и в круг сердец вошел
И сел средь нас, оглядывая пол,
Держа под мышкой пестрые бумаги.

О, эти свертки, трубы неудач,
Свиная кожа доблестной работы,
Где искренность, притворный смех и плач,
Чернила, пятна сальные от пота.

Заглавных букв чумные соловьи,
Последних строк летящие сороки...
Не так ли начинались и мои
С безвестностью суровые бои,—
Все близились и не свершались сроки!

Так он вошел. Поэзии отцы,
Откормленные славой пустомели,
Говоруны, бывалые певцы
Вокруг него, нахохлившись, сидели.

Так он вошел, смиренник. И когда-то
Так я входил, смеялся и робел,—
Так сходятся два разлученных брата:
Жизнь взорвана одним, другим почата
Для важных, может, иль ничтожных дел.

Пускай не так сбирался я в опасный
И дальний путь, как он, и у меня
На золотой, на яростной, прекрасной
Земле другая, не его родня.

Я был хитрей, веселый, крепко сбитый,
Иртышский сплавщик, зейский гармонист,
Я вез с собою голос знаменитый
Моих отцов, их гиканье и свист...

...Ну, милый друг, повертывай страницы,
Распахивай заветную тетрадь.
Твое село, наш кров, мои станицы!
О, я хочу к началу возвратиться —
Вновь неумело песни написать.

Читай, читай... Он для меня не новый,
Твой тихий склад. Я разбираю толк:
Звук дерева нецветшего, кленовый
Лесных орешков звонкий перещелк.

И вдруг пошли, выламываясь хило,
Слова гостиных грязных. Что же он?
Нет у него сопротивленья силы.
Слова идут! Берут его в полон!

Ах, пособить! Но сбоку грянул гогот.
Пускай теперь высмеивают двух —
Я поднимаюсь рядом: «Стой, не трогай!
Поет пастух! Да здравствует пастух!

Да здравствует от края и до края!»
Я выдвинусь вперед плечом — не дам!
Я вслед за ним, в защиту, повторяю:
«Нам что-то грустно, милая мадам».

Бывалые охвостья поколенья
Прекрасного. Вы, патефонный сброд,
Присутствуя при чудосотворенье,
Не слышите ль, как дерево поет?..

1934

КЛЯТВА НА ЧАШЕ

Брата я привел к тебе, на голос
Обращал вниманье. Шла гроза.
Ядра пели, яблоко кололось,
Я смотрел, как твой сияет волос,
Падая на темные глаза.

Голос брата неумел и ломок,
С вихрями грудными, не простой —
Ямщиковских запевал потомок,
Ярмарочный, громкий, золотой.

Так, трехкратным подтвержденьем славной,
Слыханной и прочной простоты,
Тыщи лет торжествовавшей, явной,
Мы семьей сидели равноправной —
Брат, моя поэзия и ты.

Брат держал в руках своих могучих
Чашу с пенным, солнечным вином,
Выбродившим, выстоянным в тучах,
Там, в бочагах облачных, шатучих,
Там, под золотым веретеном!

Брат рожден, чтоб вечно отражалась
В нем страна из гнева и огня,
Он — моя защита и родня,
Он — все то, что позади осталось,
Все, что было милым для меня.

Чаша у тебя в руках вторая...
Ты ее поднимешь вновь и вновь,
Потому что, в круг нас собирая,
Вкруг нее, горя и не сгорая,
Навсегда написано: любовь.

Как легко ты эту держишь тяжесть —
Счастие, основу, вечный свет!
Вот он бродит, пенясь и куражась,
Твой настой из миллионов лет!

Сколько рук горячих исходила
Эта чаша горькая, пока
И твоя в ней потонула сила?
Я ее, чтоб ты сильней любила,
Поцелую в мутные бока.

Я клянусь. На чем мне больше клясться?
Нет замены, верен твой сосуд —
Начиная плакать и смеяться,
Дети, им рожденные, теснятся,
Громко матерям соски сосут.

Ну, а я? На лица глядя ваши,
Радуюсь, скорблю, но на беду
Я средь вас, соратник ваш, без чаши...
Где ее, скажите мне, найду?

Я стою пред миром новым, руки
Опустив, страстей своих палач,
Не познавший песни и науки.
Позади — смятенье и разлуки,
Хрип отцовский, материнский плач.

Впереди, с отставшим не считаясь,
Часовые заняли места.
Солнце косо вылетит. Шатаясь,
Гибельная рухнет чернота.

Так смелей! Сомнения разрушу,
Вместе с ними, молодость, вперед!
Пусть я буду проклят, если струшу,
Пусть тогда любовь мою и душу,
Песнь мою гранатой разорвет!

1934

ДЕМЬЯНУ БЕДНОМУ

Твоих стихов простонародный говор
Меня сегодня утром разбудил.
Мне дорог он,
Мне близок он и мил,
По совести — я не хочу другого
Сегодня слушать... Будто лемеха
Передо мной прошли, в упорстве диком
Взрывая землю...
Сколько струн в великом
Мужичьем сердце каждого стиха!

Не жидкая скупая позолота,
Не баловства кафтанчик продувной,—
Строителя огромная работа
Развернута сказаньем предо мной.
В ней — всюду труд, усилья непрестанны,
Сияют буквы, высятся слова.
Я вижу, засучивши рукава,
Работают на нивах великаны.

Блестит венцом
Пот на челе творца,
Не доблести ль отличье эти росы?
Мир поднялся не щелканьем скворца,
А славною рукой каменотеса.
И скучно нам со стороны глядеть,
Как прыгают по веткам пустомели;
На улицах твоя гремела медь,
Они в скворешнях
Для подружек пели.

В их приютившем солнечном краю,
Завидев толпы, прятались с испугу.
Я ясно вижу, мой певец, твою
Любимую прекрасную подругу.
На целом свете нету ни одной
Подобной ей —
Ее повсюду знают,
Ее зовут Советскою Страной,
Страною счастья также называют.

Ты ей в хвалу
Не пожалеешь слов,
Рванутся стаей соловьиной в кличе...
Заткнув за пояс все цветы лугов,
Огромная проходит Беатриче.
Она рождалась под несметный топ
Несметных конниц,
Под дымком шрапнели,
Когда, порубан, падал Перекоп,
Когда в бою
Демьяна песни пели!

Как никому, завидую тебе,
Обветрившему песней миллионы,
Несущему в победах и борьбе
Поэзии багровые знамена!

1936

ПРОЩАНИЕ С ДРУЗЬЯМИ

Друзья, простите за все — в чем был виноват,
Я хотел бы потеплее распрощаться с вами.
Ваши руки стаями на меня летят —
Сизыми голубицами, соколами, лебедями.

Посулила жизнь дороги мне ледяные —
С юностью, как с девушкой, распрощаться у колодца.
Есть такое хорошее слово — *родныя*,
От него и горюется, и плачется, и поется.

А я его оттаивал и дышал на него,
Я в него вслушивался. И не знал я сладу с ним.
Вы обо мне забудете,— забудьте! Ничего,
Вспомню я о вас, дорогие мои, радостно.

Так бывает на свете — то ли зашумит рожь,
То ли песню за рекой заслышишь, и верится,
Верится, как собаке, а во что — не поймешь,
Грустное и тяжелое бьется сердце.

Помашите мне платочком за горесть мою,
За то, что смеялся, покуль полыни запах...
Не растут цветы в том дальнем, суровом краю,
Только сосны покачиваются на птичьих лапах.

На далеком, милом Севере меня ждут,
Обходят дозором высокие ограды,
Зажигают огни, избы метут,
Собираются гостя дорогого встретить как надо.

А как его — надо его весело:
Без песен, без смеха, чтоб ти-ихо было,
Чтобы только полено в печи потрескивало,
А потом бы его полымем надвое разбило.

Чтобы затейные начались беседы...
Батюшки! Ночи-то в России до чего ж темны.
Попрощайтесь, попрощайтесь, дорогие, со мной,—
я еду
Собирать тяжелые слезы страны.

А меня обступят там, качая головами,
Подпершись в бока, на бородах снег.
«Ты зачем, бедовый, бедуешь с нами,
Нет ли нам помилования, человек?»

Я же им отвечу всей душой:
«Хорошо в стране нашей,— нет ни грязи, ни сырости,
До того, ребятушки, хорошо!
Дети-то какими крепкими выросли.

Ой и долог путь к человеку, люди,
Но страна вся в зелени — по колени травы,
Будет вам помилование, люди, будет,
Про меня ж, бедового, спойте вы...»

1936

14 П. Васильев

«ВЬЮЖНЫЕ ДНИ...»

ПЕСНЯ О ГИБЕЛИ КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

1

Что же ты, песня моя,
Молчишь?
Что же ты, сказка моя,
Молчишь?
Натянутые струны твои —
Камыш.
Веселые волны твои,
Иртыш!
Веселые волны твои
Во льду,
С песней рука в руку
По льду иду,
С ветром рука в руку
Скольжу-бегу:
«Белые березы росли
В снегу»,
С милой рука в руку
Смеюсь-бегу.
Перстнем обручальным
Огонь в снегу.
Теплый шепот слышит,
Дрожь затая,
Холодная-льдистая
Рука твоя.
Разве не припомнишь ты
Обо мне —
Ледяное кружево
На окне.

Голубь мертвым клювом
К окну прирос,
А пером павлиньим
Оброс мороз.

2

Я не здесь ли певал песни-погудки:
Сторона моя — зеленые дудки.
Я не здесь ли певал шибко да яро
На гусином перелете у Красного Яра?
Молодая жизнь моя бывала другою,
Раскололась бубенцом под крутой дугою.
Что ж, рассмейся, как тогда, не кори напраслиной,
Было тесно от саней на широкой масленой,
Были выбиты снега — крепкими подковами,
Прокатилась жизнь моя — полозами новыми.
Были песни у меня — были, да вышли
У крестовых прорубей, на чертовом дышле.
Без уздечки, без седла на месяце вострым
Сидит баба-яга в сарафане пестром.
Под твоим резным окном крутят метели,
На купецкой площади — голуби сели.
Коль запевка не в ладу, начинай сначала,
Едет поп по улице на лошади чалой,
Идут бабы за водой, бегут девки по воду.
По каким таким делам, по какому поводу?
Бегут девки по воду, с холоду румяные,
Коромысла на плечах — крылья деревянные.
Запевала начинай — гармонист окончит.
Начинай во весь дух, чтобы кончить звонче,
Чтоб на полном скаку у лохматой вьюги
На тринадцатой версте лопнули подпруги.

3

На моей на родине
Не все дороги пройдены.
Вся она высокою
Заросла осокою,
Вениками банными,

Хребтами кабаньими,
Медвежьими шкурами,
Лохматыми, бурыми,
Кривыми осинами,
Перьями гусиными!
Там четыре месяца
В небе куролесятся,
В тумане над речкою
Ходит Цыг с уздечкою,
И ведет тропа его
Лошадей опаивать.
Там березы хваткие
С белыми лопатками
Стоят и качаются,
Друг с другом прощаются.
Там живут по-нашему,
В горнях полы крашены,
В пять железных кренделей
Сундуки окованы,
На четырнадцать рублей
Солнца наторговано!
Ходят в горнях песенки
Взад-вперед по лесенке
В соболиных шапочках,
На гусиных лапочках.

Что ж тут делать, плачь не плачь,
Ось к хвосту привязана,
Не испит в ковше первач,
Сказка недосказана!

4

Тарабарили вплоть до Тары,
В Урлютюпе хлюпали валы,
У Тобола в болотах
Засели бородатые
Заса́дами.
А за сада́ми —
За синими овчинами — и луны́
Не рассмотришь
Из-под ладони...
Лесистый. Каменный. Полынный,

Диковинный край, пустынный.
Разве что под Кокчетавом верблюд
Кричит,
Разве что идут
Плоты на Усолке,
Разве что на них
Петушиные перья костров речных...
Да за Екатерининском у Тары
Волны разводят тары-бары,
Водяные бабы да Урлютюп
Слушают щучий хлюп.
На буксиры подняли якоря,
Молится украдкой Алтай,
И заря
Занимается над Алтаем.

«На гнедых конях летаем,
Сокликаемся,
Под седой горой Алтаем
Собираемся.
Обними меня руками
Лебедиными,
Сгину, сгину за полями
За полынными».

Уходили, уезжали казаки в поход
И пешком, и бе́гом,
И скоком, и опором,
Оставляли дома́. А у ворот
Оставляли жен с наговором.
Оставляли все! Аргамаки
Плясали под седелышком тертым.
Уезжали казаки,
Оставляли казаки
Возле каждой жены
По черту.

5

— Кони без уздечек,
Пейте зарю,
Я тебя, касатка,
Заговорю.

Шляйся, счастье, по миру
Нагишом,
Рассекай, осока,
Тоску ножом.

Бегай, счастье, по миру
Босиком,
Рассекай, осока,
Темь тесаком.

Затуши, разлука,
Волчьи огни,
Кольцо, ворочайся,
А не тони.

Недруги, откликнитесь,
Если есть,
В белые березы
Уйди, болесть.

В горькие осины
Уйди, болесть,
Ни спать тебе, ни думать,
Ни пить, ни есть.

Расступись-раздайся
Надво, метель,
Нагревайся досыта,
Бабья постель.

Разбейся башкою
О тын, метель,
Застилай, как надо,
Люба, постель.

Застилай, забава,
Постель на двух.
Наволоки, пологи,
Лебяжий пух.

С утра до полуночи
Горюй одна,
Не тряси подолами,
Мужья жена.

Засвечу те очи
Ранней звездой,
Затяну те губы
Жесткой уздой.

Закреплю заклятье:
Мыр и Шур,
Нашарбавар,
Вашарбавар,
Братынгур!

6

— Ты скажи-ка мне, сестра,
Чей там голос у тебя,
Чей там голос
Ночью раздавался?

— Ты послушай, родной брат,
Это — струны на разлад,
На гитаре
Я вечор играла.

— Ты скажи-ка мне, сестра,
Чья там сабля у тебя,
Чья там сабля
На стене сверкала?

— Ты послушай, родной брат,
Это — месяц на закат,
Закатился
Месяц серебристый.

— Ты скажи-ка мне, сестра,
Не настала ли пора,
Не пора ли
Замуж отправляться?

— Ты послушай, родной брат,
Дай пожить мне, поиграть,
Дай пожить мне,
Дай покрасоваться...

Ярки папахи, и пики остры,
Всходят на знамени черепа,
Значит, недаром бились костры
В черной падучей у переправ.
Что впереди? Победа, конец?
Значит, не зря объявлен поход,
Самый горячий крутой жеребец
Под атаманом копытом бьет.
Войско казачье — в сотни да вскачь.
С ветром полынным вровень — лети,
Черное дерево — карагач,
Камень да пыль на твоем пути!
Сотни да сотни, песни со свистом,
Песок на угорьях шершав и лыс,
Лебяжье, Черлак да Гусиная Пристань,
Острог-на-Березах да Тополев Мыс.

Чтоб вольница
Ярмы на шею надела?
Штыки на траншеи —
Нашли чем пугать!
Иртышской вольнице —
Скот и наделы,
Иртышской вольнице —
Степь и луга!

А если не так,
Из-за кровного хлеба
Пику направь и пошли заряд.
Значит, недаром на целых полнеба
Тянется красным лампасом заря.

Эх, Иртыш, родна река,
Широка дорога,
Не мешает мужика
Пиками потрогать:
Понаехали сюда
С Самары да Рязани —
Кверху лаптем борода,
Тоже партизане.
Небо шашками дразня,
Сотни вышли в поле,
Одолеет киргизня,
Только дай ей волю.

Сотни да сотни,
Песни со свистом,
Пролит на землю
Тяжелый кумыс.
Гладит винтовки Гусиная Пристань,
Шашками машет Тополев Мыс.

7

Торопи коней, путь далеч,
Видно вам, казаки, полечь.
Ой, хорунжий, идет беда,
У тебя жена молода,
На губах ее ягод сок,
В тонких жилках ее висок,
Сохранила ее рука
Запах теплого молока.
Черный ветер с Поречья дул,
Призадумался есаул:
То ль тоска, то ль звенит дуга,
Заливные плывут луга.
Пыль дорог еще горяча,
И коровы идут, мыча.
Вырезные трясут бубенцы
На конюшнях твои жеребцы,
Неизвестен путь и далеч,
Видно, вам, казаки, полечь!
Кто же смерти такой будет рад?
Повернуть бы коней назад
Через волны чужих пшениц
До привольных своих станиц.

У тебя кольцо горело
На руке,
О ту пору птаха пела
Вдалеке.

У тебя кольцо сияло
При луне.
О ту пору вспоминала
Обо мне.

О ту пору ты смотрела
Мне в лицо.
Покатилось, зазвенело
То кольцо.

Ты не хмурь крутые брови
Без пути.
Мне того кольца в дуброве
Не найти.

Там у берега лихого
Бьет волна.
Не добыть кольца златого
Мне со дна.

Развяжу шелковый пояс,
Не беда.
За кольцом нырну и скроюсь
Навсегда...

8

Красная Армия!
Бои, бои —
В цоканье сабель, пуль и копыт
Песни поют командиры твои,
Ветер знамен
Над тобою шумит.
Стелется низко тревожный шум,
Смолкли станицы по Иртышу.
Слушайте песню, песню о том,
Как по бурьяну, что черен и ржав,
Смерть пробегала с горячим штыком,
Рыжие зубы по-волчьи сжав.
В степь погляди — ни звезды, ни огня,
Слушай, товарищ, штык наклоня,
Кони подвешены на удила.
Слушайте, конники,
Стук сердец.
Чтобы республика зацвела,
Щедрой рукой посеем свинец.

Звезды погаснули и огни,
Саблею небо располосни.
Песня, как молодость, горяча,
Целятся в небо зубы коней,
Саблею небо руби сплеча,
Чтобы заря потекла по ней!

Гудок паровозный иль волчий вой?
Видишь, уже светло, часовой.
Видишь, уже над тобой рассвет,
Ветреный и огневой.
Видишь, рассвет над тобой, и нет
Лучше в мире его!
Утренний ветер в лицо подул.
Смирно, товарищ! На караул!

Через пески в золотой пыли
Красноармейские роты шли —
В ясные ночи, в синей пыли
Краснознаменные
Роты шли.

Голод, и смерть, и сон поборов,
Пели товарищи у костров:

«Вейся, пташка-вольница,
Птица-воробей.
Бей казачью конницу,
Анненковцев бей!

Кожана рубашечка,
Максим-пулемет.
Канарейка-пташечка
Жалобно поет.

Полымя-пожарище,
Гола степь и лес,
Мы прошли, товарищи,
Штык наперевес».

Голод, и смерть, и сон укротив,
Через пожары, снега и тиф,
Через пески в золотой пыли
Люди, как призраки, пели и шли.
В ясные ночи, в синей пыли
Падали, пели и снова шли.

Зла, весела и игрива
Смерть на ветру. Туман.
Морда коня и грива,
И над ней барабан.

Что ты задумал, ротный,
Что ты к земле прирос?
Лентою пулеметной
Перекрестись, матрос.

Видишь, в походной кружке
Брага темным-темна.
Будут еще подружки,
«Яблочко» и веснушки,
Яблони и весна!

Красная Армия!
Бои, бои!
В цоканье сабель, пуль и копыт
Песни поют командиры твои.
Ветер знамен над тобою шумит.
Голод, и смерть, и сон поборов,
Пели товарищи у костров.
Песня тогда приходила, как мать,
Через заставы к нам на привал,
Гладить ладонями и обнимать,
Долго глядеть в глаза запевал,
Голод, и сон, и смерть укротив,
Через пожары, снега и тиф.

«Как летела пава
Через сини моря,
Уронила пава
С крыла перышко.

Мне не жалко крыла,
Жалко перышка.
Мне не жалко мать-отца,
Жалко молодца...»

9

Белоперый, чалый, быстрый буран,
Черные знамена бегут на Зайсан.
А буран их крутит и так и сяк,
Клыкастый отбитый волчий косяк.
Атаман, скажи-ка, по чьей вине
Атаманша-сабля вся в седине?
Атаман, скажи-ка, по чьей вине
Полстраны в пожарах, в дыму, в огне?
Атаман, откликнись, по чьей вине
Коршуном горбатым сидишь на коне?
Белогрудый, чалый, быстрый буран,
Черные знамена бегут на Зайсан.
Впереди вороны в тринадцать стай,
Синие хребтины, желтый Китай.
Позади, как пики, торчат камыши.
Полк Степана Разина и латыши.
Настигают пули волчий косяк,
Что же ты нахмурился, молчишь, казак?
Поздно коня свертывать, поди, казак,
Рассвет как помешанный пляшет в глазах.
Обступает темень со всех сторон,
Что побитых воронов — черных знамен.

10

Крапчатый тиф. Теплушка. Грязь.
— Ничего, братишка, молчи да влазь.
— Ничего, товарищи, живот на живот,
Все, товарищи, заживет.
— Эй, ты, поручик, очисть вагон!
— Я не отвечаю на красный жаргон.
— Ты нам ответь, брита щека,
Ты нам ответь про Колчака.
Куда вы уехали, адмирал?
— Он к Иркутску с чехами уканал.
Полегли студенты
Под Омском, и мать...
— Позвольте интеллигенту
Переночевать!
У меня, товарищи, двенадцать ран,

На дворе, товарищи, буран, буран,
На дворе, товарищи,— капут,
Партизане белого ждут.

Далеко отсюдова Красный Яр,
За густыми вьюгами Павлодар,
За густыми вьюгами одни
Желтыми ромашками огни.
А над этой станицей пока
Проплывают круглые облака...
Поречье, Поречье,— сизый Иртыш,
Голуби слетают с высоких крыш!
Поречье, Поречье — трое сыновей
Под уздцы выводят сытых коней.
Полоз, словно сабля,
Остер и крив.
Над крутыми шеями
Вьюги грив,
На ремни притянута — пляшет, туга,
Вырезная звонкая дуга!

Железная дивизия из-за реки,
Красными лентами мечены штыки.
Эх, пуля — так пуля, штык — так штык!
Отступай, товарищи, в тупик.

Из-за тына выскочил пулемет,
Конницу казацкую снимает влет.
Пушечка-сударыня, крепче бей,
Кружат над станицами стаи голубей.
Костер за заставами горел — потух.
С неба осыпаются помет да пух,
С неба осыпаются на луга
Ветреные, свежие снега!..

11

Ночь глухая, душная, ярая...
Укачала малого старая.
— Спи ты, мое дитятко,
Маленький-мал.
Далеко отец твой
В снегах застрял,

Далеко-далешеньки, вдалеке,
Кровь у твово батюшки на виске.
Спи ты, неразумное, засыпай,
Спи, дитё казацкое, баю-бай.
Я ли твою зыбочку посторожу,
Я ли тебе сказочку расскажу:

Синя вода утренняя, и небо сине,
Шла купаться утречком бела гусыня.

Оправляла перышки,
Отряхивалась,
С ноги на ногу
Переваливалась.
А округ — мальчонки,
Голосенки звонки:
— Тега-тега-тега,
Иди к нам побегай!
— Не могу, мальчонки,
Больно ноги тонки...
Вон девки в окошках,
Те — в полусапожках.
Мне ж нельзя обуться,
А они смеются
Из-за занавески,
На ушах подвески,
А у ворот
Мужики.
Сапоги
На му-зы-ке.
«Я да ты, ты да я»,
Бо-рода-ты-я!

Широкая улица, далек бережок,
Торопись, гусыня, прибавь шажок.
Торопись, гусыня, прибавь шажок —
Узкие тропиночки, крутой бережок.

А у берега высока
Поднялась осока,
Зелена, востра,
Камышу сестра.
Плыла гусыня
Водой карасиной,
Огибала камень

Вместе с чебаками.
Пропустила мимо
Лысого налима.
Говорили три ерша:
— Ой, гусыня, хороша,
Белая, белая,
Белая, умелая,
Даром что старая,
Не сравнить с гагарою!..

12

Желтые пески, зеленые воды,
Да гусями белыми пароходы.
Да в низинных травах жирные птицы,
Да сытые и вольные казачьи станицы,
Да к гармоням старым новые припевки,
Да золотокожие жар-малины девки.
Степи, камни, острова, ласки да озера
От тобольских мест к Усть-Каменогору.
Крой, гармони пестры, крой, гармони звонки!
Понравился я нонче хорошенькой девчонке,

Щок, щок, щибащок,
Що такое, паря?
Курщавенький казащок
За мною ударил.

Не гордись, кулацкий сын, сапогами новыми,
Ой, напрасно кулачье бьет песок подковами:
«Што за нова власть така — раздела и разула,
Еще живы пока в станицах есаулы!
Ты скажи-ка, паря, мне, по какому праву
Окаянно кыргизье косит наши травы?»

Ты зелен, нехожен луг,
Травушка росиста,
Мой миленок по станице
Первым гармонистом.

Не желтей, не вянь, камыш,
Выстой под морозами,
Нонче славится Иртыш
Крепкими колхозами,

Мазал дегтем сапоги,
Нынче мажу ваксой,
Ездил в город с милой я,
Расписался в ЗАГСе.

Пролегли в станицы к нам
Новые дороги,
А старые есаулы
Все сидят в остроге!

Желтые пески, зеленые воды
Да гусями белыми пароходы,
Сторонушка степная, речная, овражья,
Прииртышские станицы Черлак и Лебяжье.
Прииртышские станицы — золото закатное,
Округ Омска, Павлодара, округ Семьпалатного.

13

Поставили к стенке:
— Рота, пли!
— Тятенька, там сказочники пришли...—
...И впалили в парня пули подряд.
— Сказочники сказку там говорят.—
Но, еще опрежде, чем упасть,
Он кричал: «Свободы, хлеба, земли!
Добудем, товарищи, советскую власть!»
Да взаправду сказочники пришли,
Да взаправду песельники пришли!
Снимайте, ребята, с дверей засов,
Запускайте гармонию в семь голосов.
А на той гармони планки горят,
А у той гармони лады говорят.

14

В станице Бутяге
Хорош улов —
Четыре коряги
Да пять осетров.
А на Дикой Кочке

Еще лучшей —
Две дырявых бочки
Да семь ершей.
У Козьего Броду
Всех превзошли —
Неводом в погоду
Из реки всю воду
Вы-чер-пали!
Чтоб мы замолчали,
Нас упреди,
Присказка вначале,
Сказ впереди.

15

Заседлал черт вьюгу,
Узду надел,
Копыта раздвинул,
На спину сел.
Ударил нагайкой
Вдоль спины —
Подскочила вьюга
До луны.
Ударил нагайкой
Второй раз —
Подскочила вьюга —
Звезды из глаз.
В третий раз ударил,
Свел удила —
Вьюга в белой пене
Плясать пошла.
Сбилась, скрутилась,
Расшибла лоб,
Угодил черт задницей
На сугроб.
Приморозил крепко,
К снегу прирос,
Спрятал за пазуху
Собачий нос.
Видит — дело плевое:
Ни водки испить,
Ни ведьмы полапать,
Ни закурить.

Сидел до рассвета черт,
А днем
Три красноармейца
Шли тем путем.
— Глядите, ребята,—
Первый говорит,—
— Никак, хвост собачий
Из снега торчит? —
Второй отвечает:
— Ей-же-ей,
Откеда собаке
Середь степей? —
А третий подходит:
— Да это черт!
Вдобавок паршивый —
Третий сорт.—
Завязали черта
Они в мешок,
Затянули накрепко
Ремешок,
Перешли — протопали
Наискось степь,
Приходят в деревню
И — на цепь.
Сидит черт и лапой
Морду трет,
А кругом собрался
Колхозный народ.
Смотрят, удивляются,
Смеются: — Рад?!
Прыгал да допрыгался,
Попался, брат!
Развел черт руками,
Мяучит: — Угу.
Оплошал, товарищи,
Завяз в снегу.
Нечего делать,
Смеяться что ж,
И у черта горе
Бывает тож.—
Сидит черт на цепи
И день и два
И мяучит жалостливые
Слова:
— Я, грит, безлошадный,

Лысый, кривой,
Я, грит, товарищи,
Парень свой.
Я, грит, к колхозу
И так, и так,
Я, грит, среди наших
Почти батрак.
Я, грит, безлошадный —
Вьюга была,
Да и та, паскуда,
Меня подвела! —
Чертова хитрость
Людям невдомек,
Выписывают черту
Колхозный паек.
Черт распинается,
Обут, одет:
— Бога, грит, товарищи,
Действительно нет!

Чего ж вы удивляетесь,
Язви вас?
На свете такое ли
Есть сейчас?
На свете такое ли
Есть теперь?
А была у мужа
Баба-зверь.
А он ее — палкой,
Она — батогом,
А он ее — плеткой,
Она — утюгом.
А он ее за дело,
Она его — зря.
Не знаем, за дело
Алибо зря.
Она — в председатели,
Он — в писаря!
На него прошение
Ей несут.
А он ее — палкой,
Она — в нарсуд.
Заскрипели перья,
Пошла кутерьма:
Ей-то повышенье,

Ему — тюрьма.
Чего же вы гогочете,
Язви вас?
Подносите песельникам
Хлеб и квас.
Подносите сказочникам
Вина,
Упрошайте каждого
Пить до дна.
Чтобы чашку дó рту
Каждый донес,
Чтобы сказ про черта
Пелся всурьез.

А и начал он крутить
Да мутить народ,
А и начал шмыгать
Взад и вперед:
— Мы, грит, не каторжные,
Это что ж,
Засевай пшеницу,
Овес и рожь.
Засевай пшеницу,
Овес и рожь,
Отдавай задаром,
Да это что ж?
Отдавай пшеницу,
Овес и рожь,
Содирай со тела
Двенадцать кож! —
А и начал он крутить
Да мутить народ.
А и начал он шваркать
Взад и вперед:
— Почему, откуда,
Как это так —
Для советской власти
Всякий — кулак?
Если три коровы
Да лошадок пять,
Почему б такого
В колхоз не взять?
А середь колхозу
Такие нашлись —
Сидят на карачках

И плачут: «Жи-исть!»
Сидят, смотрят грустно
И ноют: «Жи-и-сть!»
Да такое дело
Времем случись:
Задумал черт ночью
Чинить поджог,
Подпалил конюшни,
Чуть не убег,
Да поймали черта
Тогда мужики,
Кулацкого черта
Да в кулаки.
Да еще оглоблями
Со телег,
Да еще с размаху
Да ж... в снег!..

Эх, гармони пестрые,
Снегири,
Вот какие черти,
Черт побери!
Так не жди, хозяин,
Черт подери,
А такого черта
Сразу бери.
Бери за загривок
Побольней
Да гвоздем подборным
В пять саженей.
Эх, гармони звонкие,
Серебро,
Береги, хозяин,
Свое добро.
Береги, хозяин,
Добро свое
Кровное,
Колхозное,
Советскоё.

Под гармонь мы скажем,
Без всяких затей:
Наладится дело
Без чертей.
Раз вина не выпил —

Крепко стоишь,
Те ж, кто в чертей верит,
Получай шиш!..

16

А у нас колхозы
В златом хлебу,
А у наших коней
Звезды на лбу.
А ты что за чудная
Река — Иртыш?
В золотых колосьях
Вся ты горишь,
А те хлеба к Омску
Рекой потекут,
А те кони красных
Бойцов понесут.

Да у нас в совхозах
(Давно пора)
Уселись ребята
На трактора.
Иртыш, разговаривай,
Журчи быстрей,
Не видал ты раньше
Таких зверей?
Не на том ли тракторе
Маленький-мал
Поле с края до края
Перепахал?

И уже обвыкся
В наших ветрах
Норовистый красный
Широкий флаг.
А у нас по-новому
Теперь живут,
А у нас в колхозах
Девки поют:

«Я березу белую
В розу переделаю,

У мово у милого
Разрыв сердца сделаю.

А не сделаю разрыв,
Пойдем с милым на обрыв —
Иль в реке утопимся,
Иль в хлебах укроемся.

Все березыньки в тумане,
И река не пенится,
Милый ходит вокруг бани,
Ругается-сердится.

Милый, чо, милый, чо?
Милый, сердишься за чо?
Чо ли люди чо сказали,
Чо ли сам заметил чо?

На своем коне посадкой
Ты меня не удивишь,
Мне теперь увидеть сладко,
Что на тракторе сидишь.

Мы с тобою не в разладе,
Талисман убереги,
Подкулачник в палисаде,
Ты его не стереги.
Сама плетку закручу,
Сама лазать отучу...»

17

Круг по воде и косая трава,
Выпущен селезень из рукава.
Крылья сложив, за каменья одна
Птичьей ногой уцепилась сосна.
Клен в сапожки́ расписные обут,
Падают листья и рыбой плывут.
В степи волчище выводит волчат,
Кружатся совы, и выпи кричат.

В красные отсветы, в пламень костра
Лебедем входит и пляшет сестра.
Дарены бусы каким молодцом?

Кованы брови каким кузнецом?
В пламень сестра моя входит и вот
Голосом чистым и звонким поет.
Чьим повеленьем, скажи, не таи,
Заколосилися косы твои?
Кто в два ручья их тебе заплетал,
Кто для них мед со цветков собирал?

Кончились, кончились вьюжные дни.
Кто над рекой зажигает огни?
В плещущем лиственном неводе сад.
Тихо. И слышно, как гуси летят,
Слышно веселую поступь весны.
Чьи тут теперь подрастают сыны?
Чья поднимается твердая стать?
Им ли страною теперь володать,
Им ли теперь на ветру молодом
Песней гореть и идти напролом?

Синь солончак и звездою разбит,
Ветер в пустую костяшку свистит,
Дыры глазниц проколола трава,
Белая кость, а была голова,
Са́женная на саженных плечах.
Пали ресницы, и кудерь зачах,
Сваяли ресницы, и кудерь зачах.
Кто ее нес на саженных плечах?
Он, поди, тоже цигарку крутил,
Он, поди, гоголем тоже ходил.
Может быть, часом, и тот человек
Не поступился бы ею вовек,
И, как другие, умела она
Сладко шуметь от любви и вина.
Чара — башка позабытых пиров —
Пеной зеленой полна до краев!

Песня моя, не грусти, подожди.
Там, где копыта прошли, как дожди,
Там, где пожары прошли, как орда,
В свежей траве не отыщешь следа.
Что же нам делать? Мы прокляли тех,
Кто для опавших, что вишен, утех
Кости в полы́нях седых растерял,
В красные звезды, не целясь, стрелял,

Кроясь в осоку и выцветший ил,
Молодость нашу топтал и рубил.
Пусть он отец твой, и пусть он твой брат,
Не береги для другого заряд.
Если же вспомнишь его седину,
Если же вспомнишь большую луну,
Если припомнишь, как, горько любя,
В зыбке старухи качали тебя,
Если припомнишь, что пел коростель,
Крепче бери стариков на прицел,
Голову напрочь — и брат и отец.
Песне о войске казачьем конец.
Руки протянем над бурей-огнем.
Песню, как водку, из чашки допьем,
Чтобы та память сгорела дотла,
Чтобы республика наша цвела,
Чтобы свистал и гремел соловей
В радостных глотках ее сыновей!

18

Переметная застава,
Струнный лес у Кокчетава.
По небу по синему
Облака кудрявые бегут.

Струнный лес у Кокчетава,
Разожгла костры застава.
Гей, забава, слушай
Песню эту в тишине.

Другу вслед заулыбайся,
Своему отцу признайся,
Что руками белыми
Зануздала милому коня.

Своему отцу признайся,
Вдаль гляди и улыбайся,
Это кавалерия
По степи да с песнями идет.

(Версты — дело плевое,
Бей их, конь, подковою,
На врага сумей примчаться.
Что, девчонка, спрятала лицо?
Выходи полюбоваться,
Гей, иди полюбоваться
На красных бойцов.)

Примем, примем бой кровавый,
Стали вкруг страны заставой,
И пущай попробуют
Налетать на воинов враги!

Вкруг страны стоим заставой
И идем мы в бой кровавый,
Запевалы начали
Первыми противника рубить.

Заготовлены квартиры,
Ладный конь у командира —
Полквартала, пегий,
На копытах задних проплясал.

Ладный конь у командира,
Что ты взглядом проводила.
Твой дружок, чернявая,
Служит в девятнадцатом полку.

1929—1930

СОЛЯНОЙ БУНТ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. СВАДЬБА

Желтыми крыльями машет крыльцо,
Желтым крылом
Собирает народ,
Гроздью серебряных бубенцов
Свадьба
Над головою
Трясет.

Легок бубенец,
Мала тягота,—
Любой бубенец —
Божья ягода,
На дуге растет
На березовой,
А крыта дуга
Краской розовой,
В Куяпдах дуга
Облюбована,
Розой крупною
Размалевапа.

Свадебный хмель
Тяжелей венцов,
День-от свадебный
Вдосталь пьян.
Горстью серебряных бубенцов
Свадьба швыряется
В синь туман.
Девьей косой
Перекручен бич,

Сбруя в звездах,
В татарских, литых.
Встал на телеге
Корнила Ильич.
— Батюшки светы! Чем не жених!

Синий пиджак, что небо, на нем,
Будто одет на дерево,—
Андель с приказчиком вдвоем
Плечи ему обмеривал.
Кудель табашный —
На самую бровь,
Да на лампасах —
Собачья кровь.

Кони! Нестоялые,
Буланые, чалые...
Для забавы жарки
Пегаши да карьки,
Проплясали целый день —
Хорошая масть игрень:
У черта подкована,
Цыганом ворована,
Бочкой не калечена,
Бабьим пальцем мечена,
Собакам не вынюхать
Тропота да иноходь!
А у невестоньки
Личико бе-е-ло,
Глазыньки те-емные...
— Видно, ждет...
— А ты, Анастасьюшка, песню спела?
— Голос у невестоньки — чистый мед...
— Ты бы, Анастасьюшка, лучше спела?
— Сколько лет невесте?
— Шашнадцатый год.

Шестнадцатый год. Девка босая,
Трепаная коса,
Самая белая в Атбасаре,
Самая спелая, хоть боса.

Самая смородина Настя Босая:
Родинка у губ,
До пяты коса.

Самый чубатый в Атбасаре
Гармонист ушел на баса.

Он там ходил,
Размалина,
Долга-а
На нижних водах,
На басах,
И потом
Вывел саратовскую,
Чтобы Волга
Взаплески здоровалась с Иртышом.

И за те басы,
За тоску-грустёбу
Поднесли чубатому
Водки бас,
Чтобы, размалина,
Взаплески, чтобы
Пальцы по ладам,
Размалина,
В пляс:

Сапоги за юбкою,
Голубь за голубкою,
Зоб раздув,
Голубь за голубкою,
Сапоги за юбкою,
За ситцевой вьюгою,
Голубь за подругою,
Книзу клюв.
Сапоги за юбкою
Напролом,
Голубь за голубкою,
Чертя крылом.
Каблуки — тонки,
На полет легки,
Поднялась на носки —
Все у-ви-дела!

А гостей понаехало полный дом:
Устюжанины,
Меньшиковы,
Ярко́вы.
Машет свадьба

Узорчатым подолом,
И в ушах у нее
Не серьги — подковы.

Устюжанины, мешанные с каргызом,
Конокрады, хлестанные пургой,
Большеротые, с бровью сизой,
Волчьи зубы, ноги дугой.

Меньшиковы, рыжие, скопидомы,
Кудерем одним подожгут што хошь,
Хвастуны,
Учес,
Коровья солома,
Спит за голенищем спрятанный нож.

А Ярко́вы — чистый казацкий род:
Лихари, зачинщики,
Пьяные сани,
Восьмерные кольца, первый народ,
И живут,
Станицами атаманя.

Девка устюжанинская
Трясет косой,
Шепчет ярко́вским девкам: — Ишь,
Выворожила, стерва,
Выпал Босой —
Первый король на цельный Иртыш.

Да ярко́вским что!
У них у самих
Не засиживалась ни одна:
Дышит легко в волосах у них
Поздняя, северная весна...

Пологи яблоновые у них.
Стол шатая,
Встает жених.
Бровь у него летит к виску,
Смотрит на Настю
Глазом суженным.
Он, словно волка, гонял тоску,
Думал —
О девке суженой.

Он дождался гульбы! И вот
Он дождался гостей звать!
За локоток невесту берет
И ведет невесту —
Плясать.

И ведет невесту свою
Кружить ее — птицу слабую,
Травить ее, лисаньку, под улю-лю
И выведать сырой бабою.

Зажать ее всю
Легонько в ладонь,
Как голубя! Сердце услышать,
Пускать и ловить ее под гармонь,
И сжать, чтобы стала тише,
Чтобы сделалась смирной.
Рядом садить,
Садовую, счастье невдалеке,
В глаза заглядывать,
Ласку пить,
Руку ей нянчить в своей руке.

— Ох, Анастасея... Ох, моя
Охотка! Роса. Медовая.
Эх, Анастасья, эх, да я...
Анастась!..
Судьба!
Темнобровая!
Я ли, алая, тебя бить?
Я ли, лю́бая, не любить?
Пошепчи,
Поразнежься,
Хоть на столько...
— Жениху!
С невестою!
Горько!

И Арсений Деро́в, старый бобер,
Гость заезжий,
Купец с Урала,
Володетель
Соленых здешних озер,
Чаркой машет, смеется:
— Мало!..

Он смеется мало, а нынче — в хохот,
Он упал на стол
От хохота охать.
Он невесте, невесте
Дом подарил,
Жениху подарил — вола,
Он попов поил, звонарей поил,
Чтобы гуще шел туман от кадил,
Чтобы грянули колокола.

Ему казаки — друзья,
Ему казаки — опора,
Ему с казаком
Не дружить нельзя:
Казаки —
Зашшитники
От каргызья,
От степного
Хама
И вора!

А к окну прилипли, плюща носы,
Грудой
У дома свален народ —
Слушать, как ушел на басы
Гармонист
Знаменитый тот,
Видать, как Арсений Деров
Показывает доброту,
Рассудить,
Что жених,
Как черт, остробров,
Рассудить
Про невесту ту.

За́ полночь, за́ ночь...
Над станицей месяц —
Узкая цыганская серьга.
Лошади устали
Бубенцом звенеть...
За полночь, за ночь...
За рекой, в тальниках дальних,
Крякая,
Первая утка поднялась,
Щуки пудовые

По теплой воде
Начертили круги.
Сыпались по курятникам
Пух и помет,
И пошатывались
Петухи на нашестах,
Не кричали — зарю пили...
Свадебное перо
Ночь подметала,
Спали гости, которые не разошлись.

А жених увел невесту туда,
Где пылали розаны на ситце,
Да подушки-лебеди
В крылья не били.
Да руки заломанные,
Да такая жаркая
Жарынь-жара...

А на рассвете, когда табуны
Еще не кричали,
Не пели калитки,
Окна студеные были темны,
С дымных песков степной стороны
Дробно загрохотали кибитки.

Их окружали пыль и гром,
На лошадях
Разукрашенных,
В рыжем мыле,
Аткаменеры
Плясали кругом,
Падали к гривам и, над седлом
Приподнимаясь, небу грозили.

Красным лисьим мехом горя,
Их малахаи неслись, махая
Вялым крылом.
И неслась заря,
Красная, как их малахаи.

В первой кибитке
Хаджибергенев
Амильжан,
Хозяин,

Начальник,— он
Весь распух от жира и денег
И от покорной
Нежности жен.
У него в гостях не была худоба,—
Он упитан
От острых скул
И до пят.
На повозках кричат
Его ястреба,
И в степях
Иноходцы его трубят.

И у жен его
В волосах — рубли,
Соколиные перья — у сыновей,
Род его — от соколов и
От далеких,
Те-емных
Ханских кровей.

2. СГОВОР

Пал наутро первый
Крупный желтый лист,
И повеяло
Во дворы холодком.
Обронила осень
Синицы свист,—
Али загрустила
Она о ком?

А о ком ей грустить?
Птицы не улетели,
Весело дымятся
Лиственные костры,
Кружат
Ярмарочные карусели,
Режут воду шипом
Пенные осетры.

Али есть
Тоска о снегах, о зиме,
О разбойной той, когда между пнями

Пробегут березы по мерзлой земле,
Спотыкаясь, падая,
Стуча корнями?

Над крышей крашеной
Из трубы валит,
Падает подбитым коршуном
Дым.
Двор до половины
Навесом крыт,
Двор окружен бурьяном седым.

Там, в загонах дальних,
В ребрах оград,
Путами стреноженные
Волосяными,
Лошади ходят,
Рыбой скользят,
Пегие, рыжие,
Вороные!

Сена наметано до небес,
Спят в ларях
Поливные дожди овса,
Метится в самое небо
Оглобель лес,
И гудят на бочках
Железные пояса.

Устлан травой
Коровий рай,
Окружены их загоны
Долгим ревом.
Молоко по вымям их
Бьет через край,
Ходят они по землям
Ковровым.
Ходит хозяйство
По землям ковровым
Перед хозяином,
Перед Деровым!

Солнце играет
В листьях кленовых,
Солнце похаживает
На дворе,
Бьет по хребтам

Тридцатипудовых
Рыжих волов, звенит на подковах
И на гусином
Крупном
Пере.

Шибко ветер
Сыплет
Частой,
Мелкою дробью
В гусиный косяк,
Утлых гусят
И гусынь грудастых
В красных сапогах
Проводит гусак.

Дом стоит на медвежьих ножках,
Трубы глухи. Из труб глухих
Кубарем с дымом летят грехи,
Пляшут стерляди над окошком,
И на ставнях орут петухи.

Дом стоит на медвежьих ножках,
И хозяин, в красных сапожках
На деревянных гнутых ногах,
В облачных самоварных парах
Бьет ладонью о крытый стол,
Бьет каблуками в крашеный пол,
Рвет с размаху расшитый ворот
К чертовой матери!.. А за окном
Старый казацкий верблюжий город
С глиняной сопкой — одним горбом.

А во дворе
Гусак идет,
Стелет шею
И крылья,
Оберегает свой
Знатный род
И свое
Изобилье.

Низко над
Городом —
Облака,
Мешанные

Со снегами,
Но далека
Гроза,
Далека,—
Может быть,
За горами...

В горнице деровской
Казацкая знать,
На локоток опершись,
Дневует,
Светят лампады,
И божья мать
В блюда на чай
Любовно дует.

Чайные глаза у нее,
Лик темнобров,
Строгая,
Чуть розовеют скулы,
Но загораживает
Деров
Божью мать: — Ясаулы!
Степняки,
Сторожа, на что ж
Наши крепости —
Наши славы,—
Курсаки, травяная
Мелкая вошь
Мутит бунт
И режет заставы?

Оспода,
На штандарте
Вашем — цари,
Ваши сабли
Не живы, что ли,
Чтоб могли
В степях дикари
Устюжаниных
Брать в дреколье?

И ярковских
Соколов брать?
Мы дождемся,

Когда кыргызы
Будут, мать
Твою в перемать,
На поповских
Парчовых ризах!

Кто владеет
Степной страной?
Нынче бунт соляной,—
Так что же,
Завтра будет
Бунт кровяной?
Соль в крови —
И железо тоже!

Сторожа-станишники!
Грызут усы
Сторожа. А Хаджибергенев
Головой качает:
— Джаксы.—
Он поджал
Под себя колени.

Он бежал
От степей,
Хвост поджав,
С долгой улыбкой
В глазах косых.
Правы есаулы,
Хозяин прав,
Хаджибергенев
Любит их!
Хаджибергенев
Знает
Их!
В сощурах глаз,
Ястребиных, карих,—
Сладковатый полынный дым,
Пламя ночных и полдневных марев
Азии нависает над ним.
Хаджибергенев знает:
Хозяин прав,
Соль — азрак тратур,
Прольется кровь.
Ведет от аулов

По гривам трав
Дорога, ни разу
Не заплутав,
Длинная, как
У атамана бровь.
Ой, джаман!
Бежит сюда
Дорога, как лисица в степях,—
Там, в степях, кочует беда
На ворованных лошадях.
Там, в степях, хозяином — вор,
Пика и однозубый топор.
Он — свидетелем,
Он там был.
Глупые люди с недавних пор
Ловят на аркан
Казаков, как кобыл.
Трусы, рожденные
От трусих,
Берут казаков
Почтеннейших там
За благородные
Кудри их,
Бьют их по благородным глазам,
Режут превосходнейшие
Уши им
И благородные
Уши те
Бросают
Презреннейшим псам своим,
По глупости и простоте.
Они за целых серебряных
Пять рублей
Не желают
Работать целый год.
Аллах, образумь! Аллах, пожалей
Глупый, смешной народ!
Хаджибергенев чувствует боль
В сердце за них,— они
Черпают всего лишь
Только соль,
Соль одну — круглые дни.
Они получают пять рублей
На руки в каждый год.
Аллах, образумь! Аллах, пожалей

Дикий, жадный
Народ!..
Он отирает пот с лица.
Рука от перстней — золотая.
Идут, колышутся без конца
Его табуны к Китаю.
Ой-ё-ёй — идут табуны,
Гордость и слава его страны.
Овечьих отар пышны облака,
У верблюдов дымятся бока,
Град копыт лошадиных лют,
Машут хвосты, и морды ревут,—
Надо уберечь табуны. И вот
Он рукой отирает пот.
Надо надеть на народ узду
Крепче и круче,
Чем вначале,
Чтоб в соляном
И прибыльном льду
Люди работали
И молчали.
Тут Корнила Ильич Ярков,
Атаман станишный,
Слово берет,—
Он произносит его
Без слов,
Лаковый сапожок
Вынося вперед.
Хмель ишо гудит
У него в башке,
Бабий рот
Казака манит
Издалече,
Будто он держит
Еще в руке
Круглые и дрожжливые
Бабьи плечи.
Но из-под недвижных
Птичьих век
Яростный зачинался
Огонь...
Как руку невесты
Нашла при всех
Рукоятку шашки
Ладонь.

И все уже видели:
Корнила Ильич
Все разговоры
Сгонит в табун
Долгим взглядом,
Затянет клич —
Плетью и саблей
Вытравить бунт...
Бунт!
Бунт!
Бунт!
Все уже знали,
Того и жди,
И нечего больше
Ждать.
Он — с регалиями
На груди —
Брови свои понесет
Впереди.
Саблю пустит порхать.
И, с глазами волчьих лун,
Мелкий смешок
В усах хороня,
Губы распластывает
Сразу: — Бунт?
Нечего говорить — на коня!

3. ГРАМОТА

Эти стаи привел на Иртыш Ермак,
Здесь они карагач на костры вырубали
И селились станицами возле зеленой волны,
Тынья, крепости называли по-рыбьи и птичьи,—
Так возникли Лебяжье, Черлак и Гусиная Пристань.

На буграх прииртышских поджарые кони паслись
Этих лыцарей с Яика, этих малиновых шапок,
Этих сабель свирепых и длинных пищалей,
И в Тоболе остались широкие крылья знамен,
Обгоревшие крылья, которыми битва махала.

К устью каменных гор они песни и струги вели:
Где стреляли по лебедю — там возникло Лебяжье,

Где осетр попадался обильно — Черлак возникал,
Где тяжелые гуси ломали осоку в полете —
Там Гусиная Пристань тын городила...

Ермак Тимофеич давал есаулам наказ,
Чтоб рубили дома казаки и ставили бани,
И брюхатили пуще баб завезенных,
И заставы покрепче держали на сопках дозорных,
Да блюли свои грамоты, власть и оружие.

Край богат. По Тоболу и дальше, в леса,
Собирай, словно ягоду, соболя, бей горностая,
Заводи неводами лисиц черно-бурых и красных.
Там на лбах у сохатых кусты костяные растут,
И гуляют вразвалку тяжелые шубы медвежьи.

Край обилен. Пониже, к пескам Чернолучья,
Столько птицы, что нету под нею песка,
И из каждой волны осетриные жабры да щучьи...
И чем больше ты выловишь — будет все гуще и гуще,
И чем больше убьешь — остальная жирней и нежней.

А к Ишиму, к аулам, курган на курган,
И трава на траву, и луна на луну, и звезда под копытом,—
Воеводство коровьего рева, курчавое море овечье,
Лошадиные реки, тяжелый кумыс в бурдюках,
Земли стонут от сытости, истосковавшись под ветром.

Край чужой. По ночам зачинается где-то тоска,
Стонут выпи по-бабьи, кричат по-кошачьи, и долго
Поднимаются к небу тревожные волоки волчьи.
Выдра всплещется. Выстрелит рядом пищаль,
Раздадутся копыта,— кочевники под боком были.

Край недобрый. Наклонишься только к ручью,
Только спешишься, чтобы подпругу поправить,
Тетива загудит, под сосок, в крестовину иль в глотку,
В оперении диком, шатаясь, вгрызется стрела,—
Степняки и дики и раскосы, а метятся ладно.

У Шаперого Яра на пузах они подползли,
Караульных прирезали, после ловили арканом,
Да губили стрелой, да с размаху давили конями,
Есаула Седых растянули крестом и везли
Три корзины ушей золоченому хану в подарок.

А до Яика сто перелетов гусиных —
В поворот бы, да шибко! И в свист — и назад.
Отгуляться за все в кабаках даромшинных,
Да купцам повыламывать долгие руки покруче,
Там добыча полегче, чем эти пуды в осетрах.

Но купцы за широкой и дюжей спиной
Атаманского войска велись и радели,
И несли на подмогу цареву заступу и милость,
Подвозили припасы, давали оружью корма
И навстречу гонцам Ермаковым катили бочаги.

К устью каменных гор и Тоболу купцы подошли,
Подошли, словно к горлу, тряслись по дорогам товарным,—
Там, где сабля встречалась с копьем и щитами,
Крепко-накрепко встали лабазы, обмен и обман.

А станицы тянулись туда, где Зайсан и Монгол,
От зеленой волны и до черной тянулись и крепли,
Становились на травах зеленых, на пепле,
На костях, на смертях, и веселую ладили жизнь
Под ясачным хоругвем ночных грабежей и разбоя.

И когда не хватало станичникам жен привозных,
Снаряжались в аулы, чинили резню, табуны угоняли,
Волокли полонянок скуластых за косы по травам
И, бросая в седло, увозили к себе на тыны,
Там, в постелях пуховых, с дикарками тешились вволю.

Оттого среди русых чубатых иртышских станиц
Тут и там азиятские водятся скулы,
Узкий глаз азията и дугами гнутые ноги,—
Это кровь матерей поднимается исподволь в них,
Слишком красная, чтобы смешаться с другою.

Но купецкие люди своих не держали кровей,
Шибче крови степями купецкие деньги ходили,
Открывали дорогу в глубинную степь, к Атбасару,
Шли на юг и на север, искали в горах серебро,
И косили зверье, и людишек вповалку косили.

Вознесли города над собой — золотые кресты,
А кочевники согнаны были к горам и озерам,
Чтобы соль вырубать и руду и пасти табуны.
Казаков же держали заместо дозорных собак
И с цепей спускали, когда бунтовали аулы,

4. СБОРЫ

Коням строевым засыпали кормá
По старому чину,
Рядами.
На диво
Узда в серебре. Огневая тесьма
И синяя лента
Закручены в гривы:
И то вроде гульбища — масленой — гэ!
Плясать над ордой
Косоглазой — забава,
И в ленточной радуге,
Звездной пурге
Нагайкой — налево
И саблей — направо...
Ого, молодечество,
Выжечь с травой,
Повытоптать — начисто
Смуту в окружье!
Куражься да балуйся,
Ножик кривой,
Да пика кыргызская —
Тоже оружье!
По старому чину
Жены седлали
Коней!
Бровишки насупив зло,
Старая Меньшикова
В кашемировой шали
Вышла старому
Ладить седло,
Старому свому
Покрепче, потуже
Подпругу тянула рукой костяной.
Надо — и под ноги
Ляжет мужу,
Коли ему
Назвалась женой.

Меньшиковская
Рыжая семья —
Двадцать подсолнухов подряд,—
Меньшиков и его сыновья
Хлещут чай и тихо гудят.

Младший сын завистней всех:
— Что ето приплетать голытьбу,
Курам — в смех,
Рыбам — в смех!
Чо ли, не ладно нам
Без помех
Сотней одной
Наводить гульбу?
Тожа, подумаешь!
Что за волки!
Босых — берут,
Сирых — берут.
Во, погоди,
Только утка крякнет,
Баба ль натужится,— убегут.—
А меньшиковское дите
У отцовских плеч:
— Батька, ба, пошто эти сабли?
Куда собираешься?
— Кыргызов жечь.
— А пошто?
— По то, что озябли.
— А ты бы им шубы?
— Не хватит шуб.—
Дите задумалось: «Ую-ю!
Так ты увези им дедов тулуп,
Мамкину шаль и шубу мою!»

А у крепости начинались трубы,
Стучали копыта, пыль мела,
Джигитовали, кричали: «Любо!»
Булькали железной водой
Удила.
Род за родом шли на рысях,
Смаху плетью стелились махом,
Остановившись, глазом кося,
Кланялись есаульским папахам.

«Ей, да не ходи
Смотреть, забава, скачку,
Ты напрасно, любушка,
Д' не прекословь,
Если не слюбились
Мы с тобой,
Казачка,

Если закатилась
Ранняя
Любовь...»

Тут же разбились на сотни
И — в круг.
Смолкли, приподнялись на коленях.
Треснуло, развернувшись, знамя.
И вдруг
Выехал казначей!
Ходаненов!
Дал атаману честь
И — айда!
Выплясал дробь,
Не срываясь
С места.
Лошадь под ним —
Не лошадь,
Беда!
Вся разукрашена,
Как
Невеста.
Дал Ходаненову
Голос бог.
Дал ему
Голоса
Сколько мог.
А Ходаненов
К гриве
Прилег
И затрубил,
Что гоночный
Рог:
— Казаки!.. Нехристи!
Царя! Супротив!
Не допустим!
Братья!
С нами — вера! —
...Чуть покачивались
Птицы грив.
Кто-то ворчал:
— Какого х...
Мылится?
Деньги считал бы... ать! —
Кто-то рядом

Сказал: — Молчать!
— Казаки! Без жалости!
Блюсти дисциплину!
Нас не жалеют,
И их —
Пора!..—
И сразу на всю
Крепостную
Равнину
Грузно перекатилось:
— Ура!
— Ура-а-а!

Из переулка, войску
Навстречу,
Вынесла таратайка
Попа,—
Сажень росту, парчовые плечи,
Бычий глаз,
Борода до пупа.
Поп отличный,
Хороший поп,
Нет второго
Такого в мире,
Крестит на играх,
Смеючись,
Лоб —
Тяжелою
Двухпудовой гирей.
Конокрадов жердью бил,
Тыщу ярмарок открыл,
Накопил силищу бычью,
Окрестил киргизов тыщу.
Ввек не сыскать
Другого такого.
Слова его — как
В морду подкова.
Он стоит — борода до пупа,
Ввек не сыскать
Такого попа.
Он пошел,
А за ним —
Весь чин,
Выросший
В чаду

Овчин
И кончин.
Дьякон Шугаев
С дьяволом
В глотке,
Пономарь,
Голубой
От чесотки,
Конокрад,
Утекший
Где-то в леса...

Грянули!

С левого клироса голоса:
— ...Благочестивое воинство! —
Поп пошел
Мимо воинства
Шагом твердым,
Пригоршней
Сыпал
Святой рассол
На казаков,
На лошажьи морды.
Кони сторонились
От кропильницы
Молча,—
Они не верили
Ни воде, ни огню.
Волчий косяк
Поповской сволочи
Благословлял
Крестами
Резню.
Кони отшатывались
От убоя,
Им хотелось
Теплой губою
Хватать в конюшенной
Тьме овес,
Слушать утро
У водопоя
В солнце
И долгом гуденье ос.
Глухо раскачивалось кадило —

Зыбка, полная
Красных углей,
Цепью гремела,
Кругом ходила
И становилась
Все тя-я-желей...
И попы, по колено в дыму,
Пахнувшем кровью,
Тоской и степью,
Шли и шли по кругу тому,
Пьяные от благолепья.
— Го-о-споди!
— Н-но...—
Атаман Ярков
Спешился, пал,
Прильнул к кресту.
Смолкнули.— Аа-арш! —
Из-под подков
Ропот убежал на версту.

Люди текли,
И на травах мятых
Поп, сдвигая бровей кусты,
В жарком поту,
В парчовых латах,
Ставил на сотнях
Крестом кресты.
И последний, с ртом в крови,
Шашкой
Над головой гуляя,
Меньшиков гаркнул:
— Благослови
На гульбу!
— Благословляю.

Так и стояли они, густой
Ветер поглатывая осенний
Ртами, кривыми от песнопений,
Серебряный дьякон и поп золотой.

А сотни
Уже по степи текли
В круглой,
Как божья земля, пыли.
В бубны били,

Роняли звезду
На солончаковом
Твердом льду.
Песней с их стороны подуло:
    «И на эту орду
    Я вас сам поведу,
    А за мною пойдут
    Есаулы».
Шли они
Средь солончаковых льдин,
В крепкий косяк
Востроносый слиты,
Не разрываясь,
И только один
Выскочил,
Крутясь на одном копыте.
Он долго петлял,
Не мог пристать,
Вырванный из пик городьбы,
Будто нарочно показывал стать,
Становя коня на дыбы.

5. СТЕПЬ

Тлела земля
Соляной белизною,
Слышался дальний
Кизячный пал,
Воды
Отяжелевшего зноя
Шли, не плеща,
Бесшумной волною,
Коршун висел-висел —
И упал.
Кобчик стрельнул
И скрылся, как не был.
Дрофы рванулись,
Крылом гудя,
И цветы,
Уставившись в небо,
Вытянув губы,
Ждали дождя.
Степь шла кругом

Полынью дикой,
Все в ней мерещились:
Гнутый лук,
Тонкие петли арканов, пики,
Шашки
И пальцы скрюченных рук.
Все мелькали
Бордовые кисти,
Шелковые, нагрудные, и
Травы стояли
Сухи, когтисты,
Жадно вцепившись
В комья земли.
Травы хотели
Жить, жить!
И если б им голос дать,
Они б, наверно,
Крикнули: «Пить,
Пить хотим,
Жить хотим,
Не хотим умирать!
Жить нет сил,
Умирать не в силах
В душном сне песчаных перин».
И лишь самбурин-трава
На могилах
Тучнела, косматая, самбурин.
Много могил!
Забыв об обиде,
О степях, о черемушнике густом,
Землю грызут безгубым ртом
И киргизы, зарытые сидя,
И казаки,
Растянувшись пластом.
Больно много
Могил кругом легло.
Крепок осенью тарантулов яд,
Руки черные карагачу назад
Судорогою свело.
Суслики, чумные, свистят.
Суслики за лето стали жирны,
Поглупели от сытости и жары,
Скоро заснуть они должны
В байковом рукаве норы.
Скоро мокрый снег упадет...

Первый суслик скользнул вьюном,
Свистом
Оповестил свой народ:
— Впереди белая пыль идет,
Позади люди идут табуном.

Не до песни. Чубы помокрели.
Лошади ёкают, в поту, в паутах.
Чертова пыль вроде метели,
Седла под задницами — не постели,
Земля качается, как на китах.
На удилах, на теплой стали —
Пенный жемчуг лошадиной слюны.
Лошади фыркают — знамо, устали.
Ой, в степях дороги длинны!..
Тут бы ночь догнать
Да в туманы,
Хоть в прохладу, коль не в кровать.
Федька Палый настиг атамана:
— Таман, а мне бы по...ть?
— У Шапера пойдем в разбивы,
Там и дождешься, нно-о! У меня!
А то, если надо,— рядом грива,
Лучше приладься и крой с коня...—
Хохотнули. Чья-то плеть
Свистнула.— Ну, ежели туда
Да доберемся, баб не жалеть!
Баба — она ядовитей. Н-дда!
Гей! — Поддакнули. Снова плеть.
Злоба копилась
Вместе с слюной.

Солнце шло от них стороной,
Степь начинала розоветь.
Пах туман парным молоком,
На цыпочки
Степь приподнялась,
Нюхала закат каждым цветком,
Луч один пропустить боясь.
У горизонта безрукие тучи
Громоздились, рушились, плечи скосив,
Вниз, как снега, сползали с кручи
В дым, в побагровевший обрыв.
И казалось — там, средь туманов,

Мышцы напрягая, не спеша,
Тысячи быков и великанов
Работают, тяжело дыша.
А Шапер пополз навстречу скоро,
Косами маревыми повит,
Перекутав в угарный морок
Земляные титьки свои.
Ой, в степях пути далеки!
Хорошо в траву лечь!
Здесь костры лохматые казаки
Затеплили богу заместо свеч.
Заместо причастья хлебали щи,
Заместо молитвы грели в мать:
— Нам чего рассиживаться?
— Молчи!
Подождешь замаевать!
— Нече ждать!

— Есаулы,
Братцы-казаки,
От Шапера дальше
Ведем поход.
Я половину веду, однако,
Меньшиков остальных
Поведет!
— А что же, можна-а!
— Корнило Ильич!
— Нам желанно!
— Любо, желанно!
— Пусть ведет нас
Рыжий сыч!
— Под Меньшикова!
— Под атамана!
И когда разбивались,
Перекличку вели,
Делили доблести и знамена,
Спорили о корысти,
Как лучше аул Джатак,
Аул беспокойный, у купецкой соли,
Выжечь начисто,
Вырвать ему горячие ноздри,
Поделить добро и угнать.
Ой, да угнать — пыль оставить!
Так начинали обход...

Так начинали обход...
Меньшикову дали вперед
Вымчать. И он, седой,
Пестрый от рыжины, старый,
Гремя тяжелой уздой,
Повел красу Атбасара.
Он держал
Свою награду,
Под ним конь
Ступал как надо,
Оседал
На задни ноги,
Не сворачивал
С дороги.
Он их вел
По травам бурым,
По седым
Полынным шкурам,
Через дымные
Огни,
По курганам,
По крови!
Он их вел, заломив папаху,
Распушив усы густы,
Подбоченившись, и от страху
От него бежали кусты.
Он их вел через мертвые кости,
Через большую тоску степей,
Будто к лысому черту в гости,
Старый сластень, рыжий репей.
Из-под ладони смотрел на закат:
Там горел, пылал вертоград,
Красное гривастое пламя плясало
И затихало мало-помалу.
Рушились балки, стены! Летели
Полные корзины искр. Блестело окно...
Через крутьбу огневой метели
Дым повалил. Стало темно.

6. СОЛЬ

Ты разгляди эту стужу, припев
Неприютной
И одинокой метели,

Как на лысых, на лисьих буграх, присмирев,
Осиротевшие песни
На корточки сели.

Под волчий зазыв, под птичий свист,
На сырую траву, на прелый лист.

Брали дудку
И горестно сквозь нее
Пропускали скупое дыханье свое:
— Ай-налайн, ай-налайн...—
А степь навстречу шлет туман,
Мягкорукий, гиблый: — Джаман! джаман! —
А степь навстречу пургой, пургой:
— Ой, кайда барасен?
Ой-пу-урмой!

Ой-пур-мой!..

Некуда деваться — куда пойдешь?
По бокам пожары — и тут, и там.
Позади — осенний дождь и падеж.
Впереди — снег
С воронами пополам.
Ой-пур-мой...
Тяжело зимой.
Вьюга в дороге
Подрежет ноги,
Ударит в брови,
Заставит лечь,
Засыплет снегом
До самых плеч!

Некому человека беречь.

Некому человека беречь.
Идет по степи человек,
Валится одежда с острых плеч...
Скоро полетит свистящий снег,
Скоро ему ноги обует снег...
Скоро ли ночлег? Далеко ночлег.
А пока что степь, рыжа-рыжа,
Дышит полуденной жарой,
В глазах у верблюда
Гостит, дрожа,

Занимается
Странной игрой:
То лисицу выпустит из рукава,
То птицу,
То круглый бурьяна куст.
Вымерла без жалоб,
Молчит трава,
На смертях замешанный, воздух густ.
Стук далек, туп. Зной лют.
Небо в рваных
Ветреных облаках.
Перекати-поле молча бегут,
Кубарем летят,
Крутясь на руках.
Будто бы кто-то огромный, немой,
Мертвые головы катает в степи.

Человек идет,
От песни прямой,
Перед встречами, перед степью самой.
Человек поет: — Сердце, терпи! —
Там далеко — аул.
В пыли аул потонул
У соляного
Льда.
— Сердце, терпи!

Беда!
Муялды, Баян-Коль, Кара-Коль,
Рыжая рябь песка.
Бела соль, не сладка соль.
Чиста соль. Горька! Горька!
Чиста соль — длинны рубли.
Работают на соли
Улькунали, Кишкинтайали,
Джайдосовы. Горька соль.
Плывут, плывут степные орлы
Прямо на Каркаралы.
Ноги белы, юрты круглы.
Черна вода Кара-Коль.
Степь от соли бела.
Соль хрустит на зубах.
Соль на щеках
Румянцы зажгла.
Соль горит на губах.

Бела соль, страшна соль,
Прилипчива, как тоска.
Муялды, Баян-Коль, Кара-Коль.
По колено песка.
Сначала тряпичные дуаны
Собирали вокруг народ,
Кричали в уши своей страны:
— Горе идет!
— Горе идет!
Ветер волосы им трепал.
— Горе! — Молчал народ.
Голод к ушам страны припал
И шептал: — Горе идет.
— Горе! — отвечали ему аксакалы.
Страшная соль,
Как седина бела,
Близка зима, лето пропало,
В степь убежал мулла.
Тощи груди у женщин,
Нет молока,
Ни пригоршни хлеба нет,
Дорога к весне
Далека, далека,
Узка, словно волчий след.
Казачий дозор
Порол святых,
Солью сдабривал порку, а где
Ловили беглых, держали их
Долгий час в соленой воде.
— Скушно,— беседовали казаки,—
Держи косоглазых здесь.
Бабы отсюдова далеки,
А бабы что ни на есть...—
У есаула — досада, зло,
Сиди да хлещи кумыс.
Давеча пять киргиз пришло,
Мнутся и смотрят вниз.
— Вам чего?
— Курсак пропал,
Нет ни хлеба, ни одеял.
— Хлеба нет!

Киргиз в ответ:
— Хлеба нет — работа нет...—
Взяли в плети. Удалось,

Сволочи! Вашу мать!
Вместо хлеба, чтобы жралось,
Соль заставили жрать.

Наутро все пошло как надо,
Работа пела на полном ходу.
— Чтоб не найти
На киргиза слада!
Го! Потуже тяни узду!..—
Покрикивали десятники:
— Пшел, пшел!
Лошадь нашто-е, се одно...—
И людей многоногий потный вол
Тянет соляные глыбы. Но
Только полдень у костров, в ста
Шагах от черной воды,
Сел на корточки аул Джатак,
В круг
Сомкнув
Голов ряды.
Женщины медной, гулкой кожи,
В чувлуках,
Склонившие лбы,
На согнутых спинах у них, похоже,
Вместо детей сидели горбы.
Тысяча отцов, отирая пот
Ладонью, другую прижав к груди.
Перебирая белое пламя бород,
Аксакалы впереди.
Плыл и плыл полуденный дым.
Молчал Джатак
В соляной петле.
Молча сидел под небом родным,
Под ветром родным,
На родной земле.
Десятники не поняли: — Эй, эй!
Поднялись! Начинай работу! Чо вы!
Некерек!
Пошевеливайся живей!
Поднимайсь!..—
И сбились на полуслове...
Кто-то залопотал темно и быстро.
Джатак качнулся и отвечал,
Будто упала летучая искра
И подожгла сухой завал.

Кто-то мешал молитвы, проклятья.
Джатак
Покачивался,
Сидя на траве,
И отвечал на глухое заклятье:
— Йе, йе, йе...—
И вдруг гортанно, долго сзади
Женщины завыли: — О-о-о-оо! —
Рвали волос травяные пряди,
Острыми ногтями
Вцепившись в лицо.
— О-о! — И отцы им вторили: — Йе! —
И степь повторяла: — О-оо-оо! —
Это раскачивалось
На пыльной траве,
Ноги поджав, горе само.
Десятники схватились. Пряча хвост,
Ноги в руки и ковыляя — айда! —
Первый прибежал
На казацкий пост:
— Киргизы затосковали! Беда!
— Беда? Сами бедовые!..—
Коротки сборы.
Есаул оглядел сбор свысока
И всадил коню гремучие шпоры
В теплые, нагулянные бока.
Казаки подлетели вьюгой слепой,
Кони танцевали, разгорячась,
Боком ходили перед толпой.
Есаул выехал: — Подымайсь!..—
Но аул все сильней и сильней
Пел и качался, качался и пел.
Женщины бросали
Под копыта коней
Кричащие камни детских тел.
Остановив коня в повороте,
Есаул приподнялся на стременах: — Дикари!
Чего бунтуете?
Чего орете?
Начисто перепорю! Говори!..—
В передних рядах, медноскулый,
Скуднобородый, вырос старик.
Он протянул ладонь над аулом.
Аул покачнулся,
Взвыл

И затих.
— Начальник,
Мир тебе.
Ты сыт и рыж.
Мы, собаки светлоглазых людей,
Просим в пыли, начальник,
Пойми ж,
Что соль эта —
Хитрый, горький злодей.
Соль изъела сердце мое.—
Качнулся аул: — Йе, йе, йе!..
— Начальник, ты мудр,
Золотоплеч.
Владеет нами
Племя твое.
Соль —
Отвратительнейшая вещь.
Мы отвращаемся от нее.
Качнулся аул: — Йе, йе, йе!..
— Начальник, мы готовы молчать;
Мы черны,
Как степные карагачи.
Ты бел, как соль,
Ты не молчи,
Не заставляй нас
Соль добывать,
Лучше конями нас
Растопчи.
Приятно и мудро слово твое.
— Йе, йе, йе!..
— Соль, страшнее
Всяких неволь,
Держит нас на цепи.
Мы не желаем
Черпать соль!
Оставь нас
В нашей степи!
Соль страшнее
Всяких неволь,
Мы завидуем
Вашим псам.
Если нужна тебе,
Мудрый, соль,
То черпай ее,
Начальник, сам,

Работа твоя, желание твое.
— Йе, йе, йе!..

Есаул побагровел,
Раздулся от злобы: — Я?!
Этак? Начисто перебьем!..—
В самую гущу
Двинул конем,
Саблею
Перекрестил старика плашмя.
Лошади по пузо вошли в толпу,
Каждый казак протоптал тропу,
Взвизгнула плеть в руке,
Но тут
Женщина в чувлуке
Повисла вдруг на луке:
— Эй!.. Атанаузен!!— Вслед за ней
Остальные
Рванулись
Из-под подков,
Кучами
Облепили коней,
Стаскивали
С седла седоков.
Хрипя, вырывали из рук клинки,
Били,
Не видя ни глаз,
Ни лица.
Это горе само подняло кулаки,
Долго копившееся в сердцах.
Женщина рвалась к есаулу,
Глаза ища
Его
Ненавистные:
— Ба-а-ай-бича!..—
Двое вырвались, спасая себя
От смерти. Ложась на висок,
Они скакали, воздух рубя
Плетями наискосок.

Наутро в степь собирался аул,
На верблюжьи горбы грузя
Кошмы и скарб. Ветер дул
Возле озера, толпясь и грозя.
Стойбище опустело,

Мало-помалу
Сужались песчаной зыби круги.
Степь отступала и отступала,
Вслушиваясь в верблюжьи шаги.
Муялды, Баян-Коль, Кара-Коль,
Бела соль, не сладка соль.

Плывут, плывут степные орлы
Прямо на Каркаралы.
Ноги белы, юрты круглы,
Черна вода Кара-Коль...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

7. «СРАЖЕНИЕ» У ШАПЕРА

Кто видал,
Как вокруг да около
Коршун плавает
И, набрав высоту,
Крылья сложит,
Падает с клекотом,
Когти вытянув на лету?
Захлебнется дурная птица
Смертным криком,
Но отклик глух,
И над местом, где пал убийца,
Долго носится
Белый пух.

Увидали кочевники — нет путей:
Тыщи их,
Но нечем сразиться.
В ливне сабель,
Пик
И плетей
Казаки налегали
Лютей и лютей,
Дикошары, багроволицы,
Выпучив глаза
И губы скосив,
Ничего не видя
Перед собою.
Им запевала

Над пляской грив
Хриплая труба разбоя.
Им запевала в уши кровь,
Сладкая пробегала
По спинам мурашка,
И мелькали в разбеге
То зубы,
То бровь,
То копыто,
То вострая шашка.
Не домчав в перехлестанном гике
(Гай-да!), разом
Спустили курки.
И передних взяли
На пики,
Как на играх
С трухой мешки.
Сабли заработали: куда ни махни —
Руки,
Головы,
Глотки и спины.
Сабли смеялись — знали они,
Что сегодня —
Их именины.
Откормленные, розовые,
Еще с щенячьим
Рыльцем, казачата —
Я те дам! —
Рубили, от радости
Чуть не плача,
По черным, раскрытым,
Орущим ртам.
Меньшиков устал,
Глядя по усам,
Шашкой своей
Высекать огонь.
От крови
Красноногий сам,
И под ним
Краснобокий конь.
Он Устюжаниным крикнул: — Ишь
Какая выдалась
Работа, брат!
Как ты здесь
С киргизом наговоришь?

Бьешь его
По темени —
Не умират!..—
Устюжанины
Резали наголо,
Подбирали пиками
То, что бегло.
Федька Палый
Видит: орет тряпье —
Старуха у таратаек,—
Слез с коня
И не спеша пошел на нее,
Весело пальцем к себе маня:
— Байбача, отур,
Встречай-ка нас
Да не бойся, старая!..—
Подошел — и
Саблей ее весело
По скулам — раз!
Выкупались скулы
В черной крови...
Старуха, пятясь, пошла, дрожа
Развороченной,
Мясистой губой.
А Федька брови поднял: — Што жа,
Байбача, што жа с тобой?..—
И вдруг завизжал —
И ну ее, ну
Клинком целовать
Во всю длину.
Выкатился глаз
Старушечий, грозен,
Будто бы вспомнивший
Вдруг о чем,
И долго в тусклом,
Смертном морозе
Федькино лицо
Танцевало в нем.
Рядом со знатью,
От злобы косые,
Повисшие на
Саблях косых,
Рубили
Сирые и босые
Трижды сирых

И трижды босых.
И у них наделы
Держались на том,
И у них скотина
Плодилась на том,
И они не хотели
Своим хребтом —
А чужие хребты
Искать кнутом.
— Б-е-й!..—
Григорий Босой было
Над киргизской девкой
Взмахнул клинком,—
Прянула
Вороная кобыла,
Отнесла, одетая в мыло...
Видит Григорий Босой: босиком
Девка стоит,
Вопить забыла...
Лицо потемнело,
Глаза слéпы,
Жалобный светлозубый оскал.
Остановился Григорий:
Где бы
Он еще такую видал?
Где он встречал
Этот глаз поталый?
Вспомнились:
Сенокос,
Косарей частокол...
И рядом с киргизской девкой встала
Сестра его, подобравши подол,
Говаривала:
«Стомился, Гришка?» —
Зазывала под стог
Отдохнуть, присесть.
Эта!
Киргизская Настя!
Ишь ты,
Тоже, гляди, так и братья есть.
— Бе-ей!..—
Корнила Ильич вразброс
Вымахал беркутом над лисой:
— Чо замешкался, молокосос?
Руби,

Григорий
Босой!
Шашка зазвенела вяло,
Зашаталась, как подстреленный на бегу.
Руки опустив,
Девка стояла...
— Атаман?!
— Руби!
— Не могу...—
Да Корнила Ильич
Потемнел от крови,
Ощетинился всей своей сединой,
У переносицы
Встретились брови,
Как две собаки перед грызней.
— Руби, казак!
— Атаман, нельзя...
— В селезня,
В родителей,
В гроб!
Голытьба! Киргизам
Попал в друзья!..—
И раскроил, глазами грозя,
Григорию плетью лоб.

(Сабля!)

Был атаман —
И не был.
Безнадельный,
Хромой
Смел посметь...
И упал атаман,
И в ясное небо
Перерезанной глоткой
Стал смотреть.
Не увидеть больше
Ни жены, ни дома...
Ходит смерть козырем с плеча!
Так довелось Григорию Босому
Уходить Корнилу Ильича.
У таратаек же шла расправа —
Летали стаи плетей,
Бунтовщиков валили на травы,
Били до полусмерти, а те

Только поднимали руки:
— Не тронь!..—
Но не упасет от убийц ладонь,
И ходил разбой — кулаки в бока,
Подмигивая глазом рябым.
А кой-где
Уже стлался сизый дым
Костров и тонкий дым табака.
И уже начинали шутки ходить,
Кровью от них попахивало: — И-и,
Я на него шашкой, стало быть,
А он кулаками, братцы мои!
«У проторенной дорожки
Закуривай козьи ножки».
«У рябого милую
Отберу я силою».
«Есть у милой сторожа,
Опричь острого ножа».
«Ну, ка́ка-никака́ песня,
А лучше драки,
Ка́ка-никака́ мила
Лучше собаки...»
«...Пылают, светают
На яру костры,
Белы гуси
В воде плещутся».
(*Подпевалы:*
«Загоняй гусей на двор».)
«Было у казака
Три красы сестры,
Смиренны растут:
Ой, не натешатся!»
(*Подпевалы:*
«Береги, казак, сестер!»)
«Ой, да смиренны растут...»
Тут же рядом,
Свернув сапоги калачом,
Мастерится ходок по загадам,
Перемигиваясь с плечом:
— Сто двадцать одеж,
А поверху — плешь,
Посоли да съешь,—
Угадай-потешь:
Что тако?
— Под зеленым гарусом

Висит красным ярусом...
Чо тако?
Чо тако?..
Гармонь затряслась,
Далеко-о
Отдались ее лады-лады:
— Росла у воды,
Да ушла в сады,
Чо тако?
«Смиренны были,
Ой, обманные...»
Караванные курганы дороги...
Пахнет караванная
Ночь зимой:
Ой-пур-мой!..

А Корнила Ильич
Лежит немой,
Дырявой рогожей
Закрыты ноги,
Зарезанный,
Ничему не рад,
Царевой службы саженные мощи.
Знамя царево
Над ним полощет,
На груди медали
Тихо блестят,
И, словно поп
По церкви пустой,
Ходит над ним месяц
От тучи к туче...
Так вот и лежит,
Простясь с маетой,
Усопший раб
На телеге шатучей.
Так вот лежит!
И когда рассвет
Лучища
Вытянет по степи,
Ты не раскроешь
С треском
Глаз своих, нет!
Не расправишь
Черствые кости.
И такая будет

Большая роса,
И такой на заре
Гусей перелет,
И набьется ветер
Тебе в волоса,
И такое
Россия
Вдруг запоет,
Что уж лучше
И не вставать атаману.
И такой полетит
Широкий лист,
И такого жизнь
Напустит туману
Утром рождений,
Любви,
Убийств!
Так вот лежи!
Слепошарый вояка,
Ты — убивавший —
Убит, убит.
Ты не услышишь,
Как утка закрякает
И селезень
Вслед за ней прошумит.
Ты не услышишь,
Как в теплом дыме
Зари, сквозь холодок и теплынь,
Друзья твои,
С руками такими ж,
Девок киргизских
Потащат в полынь.

Ты лежишь,
Ни о чем не споря,
Ничего не желая
Больше знать.
И если
На карачках
Киргизское горе
Подползет
И в глаза тебе
Будет плевать,
Ты смолчишь,
Не поднимешь

Мертвой руки,
Заслуживший
Награду такую сам,
И медленно будут
Ползти плевки
От мертвых скул
К сивым усам.
И за́долго до того,
Как в каменной
Церкви
Поплывет по рукам
Безвесельный гроб,
И, от натуги
Лицо исковеркав,
Заупокойную
Грянет поп,
И дюжинами
Волчьи свечи
Зажгутся
Возле Христовых ног,
И слезы уронит
Человечьи
Мать твоя
В припасенный платок.
Тебе зажжена
Панихида волчья,
Сеявшему десятины мук...
Мир
Останку
Царевой сволочи,
Мир
Праху
Твоему!

Спеленали веревками
Гришу Босого,
На телеге сидит он,
Супя глаз,—
Так сидят
На привязи совы
Ярмарочные,
Вывезенные напоказ.
Спеленали веревкой
Босого Гришу,
На телеге сидит он,

Супя взгляд,—
Так на ярмарках
В Заиртышье
На побитых ворах
Шапки сидят.
Смотри, казак!
Степь широка-а-а,
Жестока степь,
Ой, жестока-а-а!
Далеко-о-о,
Возле травяного песка,
От станиц в леса
Уходит река-а-а.
Далеко у реки
Станицы птичьи,
Солнце через реку
Ходит вброд.
Сынка дожидается
Матка с отличьем,
А сын к ней
С петлей на шее придет,
И хворобой
Выщипанные брови
Отец нахмуря,
В глаза поглядит,
И целый ушат
Потемневшей крови
Плеснет ему
В дряхлые щеки стыд.
Ой, стыд,
Ой, стыд Босого породе!
С головы до ног
Огадил отца.
...А возле телеги
Меньшиковы ходят,
По-волчьи смеются,
Ку-ра-жа-тся.
— Чо говорить?
Голытьбу голытьба
За версту видит.
Этот не первый...
Что с ним
Канителиться, пра,—
Взять ба
Да и прирубить

Босяцкую стерву!..—
И разворачивали кисеты,
Мимо колючий пустив дымок.
Ветер же,
Будто нарочно
Гретый,
Легкий и махонький,
Как мотылек.

К вечеру
Потянулись домой,
Но позади
Нету добычи.
Кто поживится
Киргизской сумой?
Хоть пограбить —
И славный обычай!
Ленты повыплетались из грив,
Цепкие
Расползались саксаулы,—
Шли впереди,
Башку заломив,
Меньшиков
И с ним есаулы.
Вслед за ними —
Сам атаман,
На кибитке,
С глоткой черной,
Сотен
Раскинутый караван,
Черствых копыт
Перестук упорный...
А позади
То шагом,
А то бегом,
Взнузданный
Хмурыми матюгами,
Гришка тек за кобыльим хвостом,
Часто всхлипывая сапогами.

8. ГУЛЬБИЩЕ

Подымайся, песня, над судьбой,
Над убойной
Треснувшею
Снедью,—
Над тяжелой
Колокольной медью
Ты глотаешь
Воздух голубой.
И пускай
Деревья бьются
В стекла,
Пляшет в бочках
Горькое вино,
Бычьей кровью
Празднество намокло,—
Звездами
Хмелеть тебе дано.
И пускай
Гуляет по осокам
Рыба стрельма,
Птица огнестрел,—
Ты, живая,
В доме многооком
Радуйся,
Как я тебе велел.
Есть в лесах
Несметный
Цвет ножовый,
А в степях
Растет прострел-трава
И татарочник круглоголовый...
Смейся,
Радуйся,
Что ты жива!
Если ж растеряешь
Рыбьи перья
И солжешь,
Теряя перья, ты,—
Мертвые
Уткнутся мордой
Звери,
Запах потеряв,
Умрут цветы.

— Где ты был,
Табашный хахаль?
Не видала
Столько дней!
Из ружья
По уткам
Ахал
Иль стерег
В лугах
Коней?
У коня
Копыта сбиты,
Пыль
На сбруи серебре,
Жемчуг,
Сеянный сквозь сито,
На его горит
Бедре.
— Не ласкай
Рукой ослаблой
И платочком
Не махай!
Я в походе
Острой саблей
Сек киргизский
Малахай!
(А киргизы,
Прежде чем
Повалиться,
Пошатывались
В последний раз,
И выкатывались
На лицах
Голубые орехи глаз.)
Сек киргизов
Под Джатаком,
А когда
Мы шли назад,
Ветер — битая собака —
Нашим песням
Выл не в лад.
(Песня!
Сердце скреби
Когтями.
А киргизы,

Когда он их сек,
Все садились
С черными ртами
Умирать
На желтый песок.)

Сначала,
Наклонив
Рогатые лбы,
Пошли быки,
И пошли дубы.
Потом пошли
Осетры на блюдах,
Белопузая нельма,
Язь
И хранившаяся
Под спудом
Перелитая медом
Сласть.
Светлый жир баранины,
Мясо
Розоватых
Сдобных хлебов.
Хмеля скопленные запасы
В подземельях погребов.
Пива выкипень ледяная,
Трупы пухлых
Грибов в туесках.
Кожа
Скрученная,
Сквозная,
Будто грамота, на окороках.
Ладен праздник
Коровьими лбами
И румянцами
Бабьих щек!
Кошки с блещущими зубами
Возле рыбьих
Урчат кишок.
И собаки,
За день объевшись,
Языками,
Словно морковь,
Возле коновязей
Почерневших

Лижут весело
Бычью кровь.
Лишь за этой
Едой дремучей
Люди двинулись —
Туча тучей.
Сарафанные карусели,
Ситец,
Бархат
И чесуча,—
Бабы, за руки взявшись,
Пели
И приплясывали, свища,
Красотой бесстыжей
Красивы,
Пьяны праздничною кутерьмой,
Разукрашенные на диво
Рыжей охрою
И сурьмой.
(А казаки-мужья,
В походе том
Азиаткам
Задрав подол,
Их отпробовали
И с хохотом
Между ног
Забивали кол.)
Вслед за бабами
Парни,
Девки
В лентах,
В гарусе
Для красы.
Сто гармоний
Гремят запевки!

И, поглаживая усы,
Позади их
Народ старшинный,
Все фамилии и имена:
Хвастовство,
Тяжба,
Матерщина,
Володетельность,
Седина.

Им почет, почет,
Для них мед течет.
О них слава
Ходит,
Что смелы
В походе,
Им все сбитни
Сбиты,
Ворота
Раскрыты,
Сыновья их тешатся на дворах,
Дочери качелей пужаются: «Ах!»
А качели
Гу-у-дят,
Как парус в бурю,
Ветер щеки хлещет
Острей ножа,—
Парень налегает,
Глазища
Щуря,
Девка налегает,
Вовсю визжа.
И саженная плаха
Нараспев
Начинает зыбать,
Кренясь неловко.
Парень зубы скалит,
Как волк, присев,
Девка, словно ангел,
Висит на веревках.
И — раз!
И веревочная
Тетива
Выпустила стрелы
С пением
Длинным.
Девка уносится
Вверх чуть жива
И летит оттуда
С хвостом павлиньим.
И — два!
И, птичий
Вытянув клюв,
Ноги кривые
Расставив шире,

Парень падает,
Неба глотнув,
Крылья локтей
Над собой топыря.
Мир под ними
Синь и глубок,
Остановиться
Оба не в силе,
Ноздри раздулись,
Волос измок,
И зрачки
Глаза застелили!

Так от качелей
К реке и рощам,
От реки
К церквам
Празднество шло,
Так оно
Крепостную площадь
Хмелем и радугой
Подожгло.
И казалось,
Что на Поречье
Нет пудовых
Литых замков,
Нет глухой
Тоски человечьей.
И казалось,
Что бабы — свечи
С пламенем
Разноцветных платков.
И казалось —
Облачной тенью
Над голосами
И пылью дорог,
Чуждый раздумию
И сомненью,
Грозно склонился
Казацкий бог.
Вот он — от празднества
И излишка
Слова не может сказать ладом,
И перекатывается отрыжка —
Тысячепудовый

Сытый гром.
Ходят его чубатые дети
Хлестко под кровом
Его голубым.
Он разрешает —
Гроз володетель —
Кровь и вино
Детям своим!

— Казаки!
(Под Ходаненовым
Пляшет конь.)
Враг отечества
И Атбасара
Вами разбит, казаки.

(Гармонь.)

В битве
Возле Шаперого Яра
Доблестно...
Пал...
Атаман...
Ярков!..—
В землю ударили
Всплески подков.
И пошли круги
По толпе,
Будто бы ветер
Подрезал шапки.
Скоро и вечер
Подоспел.
Он разобрал
Людей по охапке,
Он их нес
В дома и сады,
В зарево
Праздничного бессонья...
Улицы перекликались,
Словно лады
Заночевавшей в кустах
Гармони.
От ворот к воротам ходил
Старый хмель,
Стучался нетвердо,

И если женщин
Не находил,
То гладил в хлевах
Коровьи морды.
Он потерял
Кисет с табаком,
Фуражку с кокардой,
Как оглашенный,
Сопровождаем
Тенью саженной
И не задумываясь
Ни о ком,
Шел желтоглазый,
Чумной,
Казенный.
Он плевать хотел на дела
Людей и ветров,
Шумящих окрест,
На то, что церковь
Стоит бела
И над ней —
Золотой
Сияет крест,
На то, что
Ему бы надо зваться
Хозяином...
Воздух пах
Кожей девическою,
Задыхаться
Девки начали
На сеновалах — впотьмах.
И чудились
Их ноги босые,
Тихий смешок перед концом,
И ухажеров
Брови косые,
Губы, сдобренные винцом.
Старому хмелю
Их не надо-о-о
Белогрудых цапать,—
Ему теперь
Осталась
Только одна услада:
Ввалиться — ага! —
В закрытую дверь,

Поднять хозяина,
Чтобы он сам,
От бабы отхлынув,
Потный, голый,
Поднес еще раз
К измокшим усам
С питьем развеселым
Ковшик тяжелый.
Чтоб под усталый
Собачий лай,
Рясу
Располосовав
О заплоты,
Пузом осел
Отец Миколай
И захлебнулся
Парной блевотой!
— Го-о-споди...
(Два жирных
Пальца в рот.)
В-в-ерую в тя...
(До самой гортани.)

Две ноги —
И на них живот
И золотого креста блистанье,
И из соседнего
Окна
То ли свет,
То ли горсть зерна,
И ходят
В окне том, топоча
По полу
Каблуками литыми,
Над свечками,
Что пошире меча,
Танцоры,
Хватившие первача,
Обросшие
Махорочным дымом.
И бабы,
Руки сломив в локотке,
Плывут в окне — тяжелые павы.
Там хвост петушиный
На половике,

Там полные рты
И горсти забавы.
А ну еще!
Еще и еще!
Щелканье. Свист...
Дорого-мило!
А ну еще,
Еще
Вперещелк,
Чтоб как волной
Выносило!
А ну еще
Напоследок
Взмахни,
Гульбище, подолом стопудовым
Осени,
Погасившей огни,
Черным деревьям,
Лунам багровым!
А ну!
Еще!
(Киргизы спят
В ковыле, в худом,
Сплошь побиты.)
Еще и еще!
Сто раз подряд
Ноги в пол стучат,
Как копыта.

И только где-то
У Анфисы-вдовы,
На печке скорчившись,
Сын юродивый,
Качая
Рыжий кочан головы,
С ночью шепчется:
— Диво...—
Он, как большой
Черноротый птенчик,
Просит жратвы
И, склонившись вниз,
Слушает д-о-о-лго
Божий бубенчик,
Который тут же
Рядом повис.

9. АРСЕНИЙ ДЕРОВ

Что же Деро́в,—
Он других поранее
Край этот хлебный
Облюбовал,
И недаром
Его поманивал
Зеленоголовый
Иртышский вал.
На Урале купечество
Крепко встало
Над угрюмой
Хребтовою крутизной,—
Как пожары и грозы,
Шли капиталы,
Подминая Урал,
Горбатый, лесной.
Что ж,
Арсений Деров
Сватался к дочке
Воротилы яицкого —
Не пошла,—
Золотом у нее
Оттянуты мочки
И приданого
Полподола.
Туго в ту пору
К Дерову шли,
Хоть и радел
И забыл про отдых,
Звонкие,
Оспенные рубли
И ассигнации
В райских разводах.
Он забыл, забыл
Про девический смех,
Про клубы
Багровой, душной сирени,
И ему не осталось
В мире утех
Никаких, кроме тех! На поту!
Сбережений!
Он держал их,
Как держат камень в руке,

Как рогатину
Держат перед берлогой.
И ему уже
Виделась вдалеке
Фирма,
Посланная от бога!
Затаился и ждал
Смекала, лобан,
И когда заскрипели
Счастья ступеньки,
Он одернул сюртук
И пошел ва-банк,
На иртышские волны
Поставив деньги.
И его понесла
В медвежьих шкурах
Трактом
От заработков и знакомств
Пара
Заиндевелых
Каурых
Собственных
Через Тюмень и на Омск.
В самую глушь
Он себя запрятал,
Тысячный
Накрутил оборот,
И для него, Дерова,
Курбатов
По Иртышу пустил пароход.
И «Святой Николай»
С «Товар-пáром»
Дьяконским «внемли»
Ширили рев,
Славили
Ярмаркам и базарам:
«Славься вовек,
Арсений Деров!»
В сотни тысяч
Выросли тыщи,
Ставил ва-банк
И убил,— с того ль
Был он, Арсенька,
Смолоду нищим,
Встал на соли —

Соляной король.
Встал на соли
На Иртыше,
На Ишиме,
Грабил ладом,
Строил ладом,
Был возвеличен
Между другими
И в Атбасаре
Вымахал дом.
Дом!
Домище!
О трех половинах,
Темный, тяжелый в крестцах,—
Ничего!
Там на взбитых горой
Перинах
Счастье погащивало его.
Счастье его —
От горькой земли,
От соляного
Того приплода,
От Улькунали,
Кишкинтайали...
Пять рублей
На голову шли,
Тыщи несла
Голова доходу.
И уже
Под Урлютюпом
Румяные слепцы
Пели ему в честь
С прибасами сказы
Про завоеванные солонцы,
Про его, короля, лабазы:
«Слава, слава накопителю
Арсению Ивановичу!»
И губернатор Готтенбах
Сказал про него
(Так огласили):
— Держится на таких головах,
Господи благослови, Россия.
После гульбища
Дождь ударил,
Расстелил по небу

Мех заячий.
Пасмурно стало
В Атбасаре —
Целое утро
Дождь хозяйничал,
Ветреный, долгий.
В самую рань,
В зорю галочью,
Красную до крови,
Метлы шатались
У темных бань,
Бились в окна
Березы мокрые.
У Дерова же золотел
В сумеречную хмарь
На столе
Самовар, гудел,
Всем самоварам
Сущим —
Царь.
На ночь вчерась
После празднества
Пьяные сказочники
Привели
Сказку к нему
И, с вымыслом
Дразнясь,
Дерова тешили
Как могли:
— ...В городе Атбасаре
Кобылица
Поймана на аркан,
А на той кобылице парень
Целый день
Торчит на базаре —
То ли русский, то ли цыган,
Попона не вышита, бедна,
Заломана папаха,
Рожа красная без вина,
Сатинетовая рубаха.
По-русски матерится,
По-цыгански торгуется,
А под ним кобылица
Пляшет, волнуется.
В городе Атбасаре

Бабы ладные на базаре,
Румяные, белые,
Словно дыни спелые,
Со сладкой утробою,
От любви потяжливые.
А кто их отпробывает?
А кто их обхаживает?
А их отпробывают мужья,
А их обхаживают друзья!
В городе Атбасаре
Продают гусей на базаре,
А те, что не проданы,
В траве за огородами
В крепки крылья хлопают,
Бойкой ножкой топают,
Собралися и кричат:
«Замели наших ребят!..» —
Оборвал хозяин,
Послал спать
На двор, в саманки,
Пустомель,
Долго потянулся
И позвал: — Мать,
Дремлется что-то,
Стели постель...—
А на самом рассвете
В дожде косом
Пожаловали гости —
Станичная сила:
Меньшиков,
Усы разводя,
Как сом,
Ярковы
И прочие воротилы.
И супруга Дерова,
Олимпиада,
Прислуг шугнула,
Серьгой бренча.
Гостей улыбкой встретив как надо,
Всех оделила
Глаз прохладой
И заварила
Фамильный чай.
Вынесла в вазах витых варенье
Самых отборных,

Крупных клубник,
Пахших лесом,
Овражной тенью...

Ягодной кровью
Цвел половик,
В старых шкафах
Гремела посуда,
На сундуках
Догорала медь,
Чинно она
Рассадила блюда
И приказала им
Смирно сидеть.
Кушанья слушались.
Только гусь
Тужился, пух
И — треснул от жира.
А за окном
Мир
Долила грусть,
Дождь в деревах
Поплескивал сирый.
Так начинался день середа.
И неспроста
По скатерти белой
Хозяйка (видно, добытый
Со льда)
Плыть пустила
Графин запотелый.
На Олимпиаде
Душегрейка легка,
Бархат вишенный,
Оторок куний,
Буфы шелковые
До ушка,
Вокруг бедер
Порхает тюник.
И под тюником
Охают бедра.
Ходит плавно
Дерова жена,
Будто счастьем
Полные ведра
Не спеша

Проносит она.
Будто свечи
Жаркие тлятся,
Изнутри освещая плоть,
И соски, сахарясь, томятся,
Шелк нагретый
Боясь проколоть.
И глаза, от истом
Обуглясь,
Чуть не спят...
Но руки не спят,
И застегнут
На сотню пуговиц
Этот душный
Телесный клад.
Ей бы в горесть
Тебе, раскол,
Жить с дитем в руках
На иконе.
Села. Ласковая.
Локоть на стол.
И щекой легла
На ладони.

Олимпиада

Сонный день. Осень...

Меньшиков

О-осень.

Олимпиада

Афанасий Степаныч,
Пирога-а...

Меньшиков

Можно.

Олимпиада

Рюмку с холода.

Меньшиков

Скосим.

Олимпиада

Приятная ли?

Меньшиков

Ага.

Олимпиада

Гости, потчевайтесь.

Есаулы

Что жа,
Что жа!

Меньшиков

Ну и пирог,
Ну и пирог,
Ну и жена у тебя —
Гладкокожая,
Арсений Иваныч, густой медок!

Деров

Ишь ты...
Ты на бабу не зарься.
Баба —
Полный туес греха,
В бабе сквозняк, атаманы.

Олимпиада

Арся!

Есаулы

Х-хо!
Ха!
Х-ха!

Деров

Баба —
Что дом,
Щелистый всюду,
Ночью ж она
Глазастей совы,
Только доверься
Бабьему блуду,
Была голова —
И нет головы.

Олимпиада

Будто...

Д е р о в

Пример-от этому близок:
Слышал я —
Может, и не беда,—
Падким сделалось
На киргизок
Наше казачество, оспода!
Слышно,
Из-за этого
Из-за товара
Голову
Обронил атаман.
(За версту, не более,
От Атбасара
Гром хромал — степей Тамерлан,
Божьи горсти
Дождя летели,
Падали тучи
Вниз лицом.)

Д е р о в

Поговорим, казаки,
О деле —
О Григории — свет Босом.

М е н ь ш и к о в

Босые?
Разве это порода?

Я р к о в

Выщипы!

Т ы ч и н и н

Кошмы!

Е с а у л ы

Безродные!
Сброд!

М е н ь ш и к о в

Сорный народ,
Беспамятный...

Е с а у л ы

Сроду!

Сроду беспамятный!

М е н ь ш и к о в

Со-орный народ...

Д е р о в

Седни одна голова
Скатилась,
Завтра остатние
Береги.
То ли не щастье
Считать за милость,
Если да вольницу —
Да в батоги!
Как яйцо облупят,
Только взяться!
Пойдут с топорами,
Пойдут с косой,
Будут киргизы
Вольницей зваться,
А государить —
Гришка Босой.
Вот те щастье!
Дрянь дело, дрянь...
На вилы подымут,
Петлей удушат.
Под бок пустили
Гостить Рязань,
Самару и Пермь — соленые уши.
Киргизам резню бы!
Резню бы!

О л и м п и а д а

У-ужас!..

Д е р о в

Народ-от нежалостлив,
Бит
И дик.
Подумают, встанут
И, понатужась,
Возьмут казаков
За самый кадык.

Меньшиков

Не бывать!

Деров

Берегись, сосед!

Меньшиков

Не бывать!

Деров

А вдруг да будет,
А вдруг вас, допрощиков,
На ответ?
А вдруг вас
Киргиз на пику
Добудет?
И пойдут, Афанасий Меньшиков,
Твои кони
От крепких загонов,
Пылью пыля,
Разномастные,
С золотом на попоне...
Чьи здесь земли?

Есаулы

Наша земля!
Наша земля!
Наша, наша!

Меньшиков

Если надо, то отстоим,
Саблями
Всю, степную, вспашем,
Пиками выбороним!
Дело хочу говорить!

Есаулы

Дело!
Дело!

Меньшиков

Ты, Арсений Иваныч,
Шибко прав.
Мы порешили,
Что время приспело

Наш,
Нутряной,
Показывать нрав,
Мы не робки —
Четырежды в силе —
Вожжи
Намотаны на руках.
Мы промежду собой
Порешили
Кончить Босого —
Босым на страх!

Олимпиада

Ах!

Деров

Без суда?

Меньшиков

Станицей всей!
Всем казачеством,
Всем есаульством!
(Ой, Деров,
Сиди, не сутулься,
Иль тяжело
Голове твоей!
Ходят глаза,
Как рыбы в воде,
Ходят руки по столу,
Ходят губы,
Смех стекает по бороде.)

Деров

Ну бы прикончили
Гришку, ну бы...

Меньшиков

И конец!

Деров

А власть и закон?

Меньшиков

Властно иль нет
Прикончить заразу?

Деров

Пойман
И связан вами,
Но он
Все же подлежит
Суду и приказу.
Суд наш правый
С ним решит.
Суд решит,
И, где бы он ни был,
Будет Босой
Цепями пришит
К нарам в тюрьме
Иль пущен на небо.

Ярков

Нам бы кончить...

Деров

За-ла-ди-ли!
А по-моему, все ж
Вот лучше как:
Ты его, Меньшиков,
На баржу — и пошли
В Омск,
В кандалах,
Погостить, голубчика.

Тычинин

Кончить бы...

Есаулы

Кончить!
Кончить!

Деров

И-и-их,
Поберегите
Петлю и плети,—
У нас в России
Кончает таких
Сам — государь
Александр Третий.
Мы с ним
Имеем думу одну,

В его соседстве
Мы не ослабли,
Мы охраняем
Эту страну —
Закон охраняет наши сабли.

Меньшиков

Ладно, закон,
Он, конечно, ладно...
Пóшто ж он пройдет
Мимо наших рук?
Чтобы другим
Бунтовать неповадно,
Надо ж Босому
Сделать каюк.
С грамотой!
Всей станицей!

Деров

Смотри.

Меньшиков

Мы всей управой
Дело то сладили,
Чтобы назавтра же,
До зари
Гришка погуливал
На перекладине.

Деров

Дело ваше!

Меньшиков

Мы в ответе!
(Дождь по лывам хлестал вразброс,
В окна
Рогатые лезли ветви,
Угли сыпались на поднос.)
Что ж,
Арсений Иваныч, кончать?..

Ярков

Нам бы...

Олимпиада

Пей, остывает чай-то,
Весь измотался...

Деров

Спасибо, мать.

Меньшиков

Кончить, что ли, Иваныч?

Деров

Кончайте!..

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

10. КАЗНЬ

Дед мой был
Мастак по убою,
Ширококостный,
Ладный мужик,
Вижу,
Пошевеливая
Мокрой губою,
Посредине двора
Клейменый бык
Ступает,
В песке копытами роясь,
Рогатая, лобастая голова...
А дед
Поправляет на пузе
Пояс
Да засучивает рукава.
—Ишь ты, раскрасавец,
Ну-ка, ну-ка...
Тож, коровий хахаль,
Жизнь дорога! —
Крепко прикручивали
Дедовы руки
К коновязи
Выгнутые рога.
Ласково ходила
Ладонь по холке:
— Ишь ты, раскрасавец,

Пришла беда...—
И глаза сужались
В веселые щелки,
И на грудь
Курчавая
Текла борода.
Но бык,
Уже учуяв,
Что слепая
Смерть притулилась
У самого лба,
Жилистую шею
Выгибая,
Начинал крутиться
Вокруг столба.
Он выдувал
Лунку ноздрями,
Весь —
От жизни к смерти
Вздрогнувший мост.
Жилы на лопатках
Ходили буграми,
В два кольца свивался
Блистающий хвост.
И, казалось,
Бешеные от испуга,
В разные стороны
Рвутся, пыля,
Насмерть прикрученные
Друг к другу —
Бык слепой
И слепая земля,
Но тут нежданно,
Весело,
Люто,
В огне рубахи,
Усатый, сам
Вдруг вырастал
Бычий Малюта
С бровями,
Летящими под небеса.
И-эх!
И-эх!
Силушка-силка,
Сердцу бычьему перекор,—

В нежную ямку
Возле затылка
Тупомордым обухом
Бьет топор.
И на бок рушится,
Еще молодой,
Рыжешерстный,
Стойкий, как камень,
Глаза ему хлещет
Синей водой,
Ветром,
Упругими тростниками.
Шепчет дед:
— Господи, благослови...—
Сверкает нож
От уха до уха,—
И бык потягивается
До-олго... глухо...
Марая морду
В пенной крови.

(Рассвет, седая ладья луны, соборный крест блестит, из колодцев вода, вытекая, над ведрами гнется. Стучат батожками копыт табуны. Два голоса встретились. Оглашена улица ими. Гремят колодцы. Рассвет. И гнутой ладьей луна, и голос струей колодезной гнется.)

Девка

Ты, дядя, откудова?

Казак

Кокчетавской станицы.

Девка

По облику глядя, дак ярковский, чо ли?

Казак

Ярковский и есть.

Девка

А! Ну, так я побегу.

Казак

Куда в рань такую?

Девка

Не слышал рази?
Седни
Возле Усолки
Наши
Гришку Босого
Кончают...

(Тихо. Кони ноздрями шумят. Розовый лес и серый камень, росой полонен любой палисад, девка бежит, стуча каблучками. Берег туманен. Сейчас, сейчас! Первый подъязок клюнет на лесу, выкатив кровью налитый глаз, зов повторит петух под навесом.)

1-й пьяный

Ну ладно, повесьте, повесьте,
Сукины сыны, вот я весь тут.

2-й пьяный

Совершенная правда.
Никто нам пить запретить не может.

(Сейчас, сейчас! Раскрыты ворота, и лошади убегают туда, где блещет иконною позолотой еще не проснувшаяся вода. Как будто бы волны перебирали ладони невинных улыбчивых дев, сквозили на солнце и прятались в шали, от холода утреннего порозовев. Стоит в камыше босоногое детство и смотрит внимательно на поплавок. О, эти припевы, куда же им деться от ласк бессонных и наспанных щек!)

А делают это вон как:
Яме
Перекрестили
Лесинами пасть.
Сплелись лесины
Над ней ветвями,
А яма молчит
И просит —
Упасть.
На тех лесинах
Сороки сидели,
На тех лесинах
Зимы седели,
Их трогали ночь
И утренний дым,

Туман об них
Напарывал пузо,—
А тут аркан
Приладили
К ним,
С петлей на конце
Для смертного груза.
Прибежала
Здришная женка Седых —
Заспанная,
Только что
С-под одеяла,
К яме толкнулась:
— Куды?
— Сюды.
— Батюшки!
Неужто же запоздала?
— Успешь,— утешали,—
Годи, успешь...—
К яме
Старый выслуга:
— Люди!
(По-вороньи клоня
Бутрастую плешь.)
А не мелка ли такая
Будет?
— Ого! —
Папахой скрыл седину,
Провел
Устюжанин сердитоскулый
Пузатую,
Чуть живую жену.
Кругом шепоток:
— На сносях.
Ра-азду-ло...—
Других не тесня,
Пришли Ярковы,
Чубов распустив
Золотой ковыль.
Народ зашумел:
— Босые! —
И снова:
— Меньшиковы!
— Меньшиковы!
— Меньшиковы!

Все начальство,
Вся знать
При шпорах:
Шесть колец,
Семь колец,
Восемь колец.
Только! И сызнова
Долгий шорох:
— Босые, Босые...
— Босой-отец!
Женка Седых:
— А где же Гришка? —
Ей враз
Похохатывали:
— Ишь ты, что ж!
Гришке, брат,
Гробовая, брат, крышка!
Гришка, брат, будет,
Коли подождешь...—
Таратайка.
Иноходь.
Хаджибергенев!
— Аман-ба! В дороге —
Четыре дня.—
Пайпаки
Шлепают о колени.
Плывут в глазах
Два жирных огня.
Пока бунт —
Не улажено много дел:
Слушал
Робкое жен
Дыханье,
В темной, круглой
Юрте сидел,
С пальцев слизывал
Жир бараний.
— Аман-ба!
Повесят? Закон суров! —
Он не слышал в степях
Об этом приказе...
— Деров!
— Где Деров?
— Деров, Деров! —
И вот он встал

Хозяином казни.
И вот он встал,
Хищный, рябой,
На хрупком песке,
На рябой монете,
Вынесенный
Криворукой судьбой,
Мелкотравчатый плут
И главарь столетья,
Ростовщик,
Собиратель бессчетных душ,
Вынянченный
На подстилках собачьих.
В пиджаке,
Горбоносый, губернский муж,
Волочащий
Тяжелые крылья удачи.
На медлительных лапках
Могучая тля,
Всем обиженным — волк,
Всем нищим — братец,
Он знал —
По нему
Не будут стрелять,
И стоял,
Шевеля брелками,
Не пятясь,
Он оглядывал свой,
Взятый в откуп,
Век,
Чуть улыбчиво
И немного сурово —
Это сборище
Потных тел, и телег,
И очей...
— Арсений Иваныч, готово! —
И машина пошла...
Саблями звеня,
Караул напустил
Конского пляса
В быстрых выплесках
Сабельного огня,
Кровяных
Натеках лампасов.
И станица рванулась —

Эй, эй! — вперед.
Тишины набирая,
Шалея,—
Устюжаниных
Карий род,
И Ярковых
Славимый род,
И Босых
Осрамленный род,
Рот открывши, вытянув шеи.
И машина пошла.
И в черной рясе
Отец Николай
Телеса пронес,
И —
Вслед за ним
Беленый затрясся
На телеге Гришка: простоволос,
Глаза притихшие...
Парень-парень!
Губы распущены...
Парень-парень!
Будто бы подменили — зачах...
(Только что
Пыль золотая
В амбаре
Шла клубами
В косых лучах.
Только что еще
Лежал на боку,
Заперт,
И думал о чем-то тяжко,
Только что
Выкурил табаку
Последнюю горестную затяжку —
Сестрицын дар...)
— Становись! Становись!
(Только что вспомнил
Дедову бороду...
Мать за куделью...
И жись — не в жись!
Ярмарку.
Освирепевшую морду
Лошади взбеленившейся.
Песню.

Снежок.
Лето в рогатых,
Лохматых сучьях,
Небо
В торопящихся тучах...
Шум голубей.
Ягодный сок.
Только что — журавлиный косяк...
Руки свои
В чьих-то слабых...
Мысли подпрыгивали
Так и сяк
Вместе с телегою на ухабах.
Страх-от, поди,
Повымарал в мел...)
С телеги легко
Оглядывать лица.
Что же? (Собрались все!)
Оглядел:
Деров...
Устюжанин...
Попы...
Сестрица...
Яма!
Яма, яма-я...
Моя?! Н-не надо!
(Смертная,
Гибельная прохлада,
Яма отдаривала
Холодком.
Кто-то петлю
Приладить затеял?)
А Ходаненов —
Царь грамотеев —
Вытек
Неторопливо, шажком.
— Грамоту читают!
— Слушай!
— Слушай!
— Родовую Книгу!
— Дедовский Слух! —
Набивались слова
Темнющие в уши,
Словно дождь
В дорожный лопух.

И казначеем
Грозней и грозней
Над книгою растворенною
Качало.
Буквы косило,
Но явственно в ней
Красное
Проступало начало:

Ходаненов

«...И когда полонили сотню возле Трясин
И трясли их, нещасных, от Лыча до Чуя,
Он бежал из-под смерти босым, есаул,
Из поема в поем, от росы до росы,
И от этого лыцаря вышли Босые...
...Двадцать три есаула. Но род захудал —
Кровь мешалась...»

Голос

Что ж позоришь!

Голоса

Было, было!

Голос

Не было дела!

Голоса

Были дела!
(Грамота в бубны глухие била,
Бубнила,
Бубнила,
Бубни-ла!)

Ходаненов

«...Сын Босого
Григорий, второго отдела казак,
Присягал на кресте, шел в царевое
Правое войско,
Но отцам своим в горесть...»
Поворачивал листы
Грамотей
Тяжело.
Он стоял в середине
Дремучего края,

И пространство кругом
Кругами текло,
Плавниками
И птичьим крылом
Играя.
Побережьем,
Златые клювы подняв,
Плыли церкви-красавицы
По-лебяжьи,
Дна искали
Арканные стебли купав,
Обрастали огнем
Песчаные кряжи.
Туча шла над водой —
Темнела вода,
Туча берегом шла —
Мрачнела дорога.
На шестах
Покачивались невода —
Барахло речного,
Рыбьего бога.
Рыбы гнулись,
Как гнутся
Звонкие пилы,
Чешуя на ветру
Крошилась, светла...
(Грамота в бубны
И в бидла била,
Бубнила,
Бубнила,
Бубни-ла!)

Ходаненов

«...Атаман им прикончен. И Гришку Босого,
Бунтаря и ослушника, вражью зашшиту,
Сам старшинный совет порешил порешить».

(Гришка!
Только что
Выпугнул из соломы
Застоявшийся
Нежный холод зари,
Слышал чей-то
Смешок знакомый.)

Ходаненов

Говори!..
(Говори, говори!
Но слова...)
— Подвигайся к яме! —
(...Клочьями шерсти
Слинявших шкур,
Пьяными
Багровыми шишаками
Дикого репья
Полезли в башку.)
Мир ускользал,
Зарывая корму
В пену деревьев,
В облака...
Жить кому?
Умирать кому?
Мир уходил,
Осев на корму,
В темень и солнце
От казака.
— Дайте уступ! —
Казаки!
Сестрица!
(Кого
Отыскать глазами,
Кого?)
Поп,
Сжав в пятерне
Золотую птицу,
Медвежьей тенью
Пошел на него.
И, вдруг ослабев,
Плечами плача,
Гришка
(Под барабанный стук)
Губами доверчивыми,
По-телячьи,
Медленно потянулся
К кресту.
— Осподи!
Ма-а-мынька! —
Шатнулся сбор.
Крылышки подломив,
Анастасия

Пала,
Будто по темю топор,
Люто забилась,
Заголосила:
— Ой, не надо братца!
Гришенька!
Ми-и-лай!
(Но ее подхватили.)
Сердце мое!..—
(Все дальше и дальше
Относило
Плач ее
И хохот ее.)
И она уже не видела,
Как Деров
Платком махнул палачей артели.
И в тишине
Пыхтящей,
Без слов,
Гришке на шею
Петлю надели.
И она уже не слышала:
Закричал.
(Мо-ол-чи!)
И народ повалил
На ямину густо,
Сапоги мелькнули,
И хрящи
Сразу лопнули
С легким
Хрустом.

А на сеновале
Уродец короткорукий
За девкой ходил —
Кобель за сукой:
— Я тебе, говорит,
Ленты куплю,
Я тебе, говорит,
Серьги куплю.
Я тебя, говорит,
Люблю,
Меня, говорит,
Не повесят,
Не бойся:

У мово отца —
Станица за поясом.
Мне пора жениться —
Двадцатый год...
А девка посмеивается
И поет:
«Заседлал Степан конягу,
Попросил огня,
Цигарку закуривал,
Глядел на меня:
— Говорила давеча,
Что любишь меня?..
— Ты седлай, Степан, конягу,
На́ тебе огня,
Цигарку закуривай,
Не пытай меня.
— Говорила давеча,
А прошло два дня.
— Я тебя тогда любила,
А теперь прощай,—
Положила тебе в сумку
Махорку и чай.
Я теперь люблю другого,
Прощай, не серчай!

— Ты меня тогда любила,
А теперь — прощай?
Положила на дорогу
Махорку и чай?
Ну так что ж, люби другого,
Прощай, не серчай! —
Заседлал Степан конягу,
Попросил огня,
Цигарку закуривал,
Глядел на меня:
— Говорила ж давеча,
Что любишь меня?..
— Ну, на что ты, Степка,
Путаешь дела?
Раз такой нескладный,
Взяла да ушла.
Подумаешь тоже —
Взяла да ушла...»

11. ПЛАКАЛЬЩИЦЫ

Ты, Корнила Ильич,
До самых скул,
До бровей
В сырой земле потонул!
Нанятые плакальщицы,
Последние няни
Мертвого дитяти, плачут,—
Вспоминают, нанятые,
Об атамане.
Рядят покрасивше
Душу казачью,
Чтобы в рай раскрылись
Пошире двери,
Чтобы не просыпались
Ангелов перья.
Нанятые плакальщицы,
Стешка и Сашка,
Шажком отступают,
Стукают лбом,
Бьют себя по сытым
Грудям и ляжкам,
Землю оглаживают
Животом.
И Стешка,
Искусная в тонкой работе,
Хмурая,
Не выбиваясь из сил,
Крутится и крутится
На тонкой ноте,
Будто вышивает
Розой подстил.

Стешка

«Расколись, береза,
От сухоты,
Полетите на небо,
Птицы и кусты.
Чтобы тебя, шашку,
Сломала плеть,
Чтобы тебе, смерти,
Самой мереть!..»

Сашка тоже складна,
Тож умела,—
Голос на подъемах
Скрипуч,
Тяжел,—
Ноги расшаперив,
Низко присела,
Слезы, что полтины,
Собирает в подол.

Сашка

«Чтобы подохли
Твои воры-вороги,
Руки бы у них поотвалились,
Головы бы у них пораскатились.
Да чьи тебя руки вынянчили?
Да чьи тебя груди выкормили?
Да кто тебя только
Жи-и-ить учил?..»

Стешка

«Чтобы тебе, лебедь,
Столько пера,
Сколько он оставил
Людям добра.
Чтобы тебе, нечисть,
Столько рогов,
Сколько он оставил
Семье врагов.
Чтобы тебе столько
Буранов, дуб,
Сколько он отпробовал
Бабьих губ».

Сашка

«Сгорай, шелк-батист,
Все имушшество,
Пропадай, конь, на полном скаку.
Пропадай, конь, на полном скаку,
Захлеснись, баржа,
На полном ходу.
Ты почто, смерть,
Таких отбираешь?
Ты почто, смерть, дубы ломаешь,
А сорняк-траве расти даешь?»

Стешка

«Пропадает тополь
В самом соку,
Выпадают волосы
По волоску.
Ищет тебя месяц,
Ночь, в саду.
Без тебя мы в темени,
В холоду.
Ничего-то месяцу
Не найти,
Закатились глазыньки
Дитяти».

Сашка

«Ты почто, смерть, совьим глазам
Смотреть даешь, глядеть даешь,
На сокольи глаза
Пятаки кладешь?»

Стешка

«Чтобы тебе столько
Буранов, дуб,
Выбили из гребня
Заглавный зуб,
Выбили из гребня
Заглавный зуб,
Отрезали шашкой
Заглавный чуб.
А тому бы зубу
Смерть прикусить,
А того бы чуба
Вовек не развить.
Отворяйся, небо,
Рассыпь снега,
Замети метелями
Свово врага,
Замети метелями
Свово врага,
Ты раздень их, ворогов,
Донага».

Сашка

«Он ли не был
К людям
Жа-а-лостлив?..»

Так, две выпи,
В траву уткнув
Жалобой и мукой
Набитый клюв,
Нанятые плакальщицы
Выли
На рытой лопатой,
Сапогом примятой,
Неотзывчивой
К горестям тем
Могиле.

А луна косыми тенями шла,
Будто подымалась
Сгореть дотла,
Сеяла в березах густой мороз.
И пену Ишим
Нес и нес,
И тоску Ишим
Нес и нес,
И песню — сердит — Ишим
Холодил
Волной, холодней удил.

12. МУГОЛ

Кто разглядит
Эту стужу, припев
Неприютной и одинокой
Метели?
Как на лысых,
На лисьих
Буграх присмирев,
Осиротевшие песни
На корточки сели.
Под волчий зазыв,
Под птичий свист,
На сырую траву,
На прелый лист,
Брали дудку
И горестно
Сквозь нее
Пропускали скупое

Дыхание свое:
— Ай-налайн, ай-налайн, ай-налайн...

А степь навстречу —
Пургой, пургой:
— Ой, кайда барасен?
Ой-пур-мой? —
А по степи навстречу —
Гиблый туман:
— Некерек!
— Бельмейм!
— Джаман, джаман!

Там, на небе,
Аллах богат —
Из лисиц
Сшивает закат,
Посыпает башку
Золой,
Колет руки себе
Иглой.
И певцы
На песке рябом
Душат узкие шеи
Домбр:
— Будь ты дважды
И трижды
Проклята,
Соль!
И еще раз
Будь ты
Проклята,
Соль!
И еще раз
Будь ты
Проклята,
Соль!
Дождевую воду
Сосущая,
Соль!
Напитавшая
Землю и стебли,
Соль!
(Так слагаются песни
Последней тоски,—

Не она ли,
Чьи ласки
И горести грубы,
Подставляет
Упругие волчьи соски!
К ним, горячим,
Протянутся жадные губы.)
— Будь ты
Каждым рожденьем
Проклята,
Соль!
И еще раз рожденьем
Проклята,
Соль!
Иссушившая землю
И стебли, соль!
Целовавшая руки
И губы,
Соль!
(Так рождаются ветры
И гаснут вдали,
Стонет гулкое сердце земли
  Под ногами,
  Под луной!
  Словно счастье,
  Скользят ковыли,
  Но пески наступают,
  Сужаясь кругами.)
  — Лисий узкий след связал
  Сердце твое
  С сердцем моим!
  От твоей юрты
  К моей юрте
  Пролетает
  Коршуном дым.
  О! О! О!
  От твоей юрты!
  К моей юрте!
(Так в безветрии
Смеют озера
Шуметь
О морях, кочевавших
Пустыней когда-то.
Так, задев мимоходом
Намокшую ветвь,

Лисье, рыжее солнце
Уходит в закаты.)
    — Будь ты проклята
    Днями и ночью,
    Соль!
    Разлучившая руки любимых,
    Соль!
    Разлучившая
    Счастье с народом,
    Соль!
    Разлучившая
    Зиму и весны,
    Соль!

И первый приехавший
Говорит:
— Там,
Возле Мугола,
Соли нет,
Крысы идут
По тем местам,
И чума, чума
За крысами вслед.
Валятся люди
Там на кошму,
И в глазах у них
Пляшет страх:
Черную байбичу —
Чуму —
Выслали
Нас сжигать
На кострах!

И второй приехавший
Говорит:
— Тут —
Соль
И острый русский
Сапог,
А возле Денгиза
Джут, джут,
И скот
Подыхать от голода
Лег.
До смерти остались

Одни вершки,—
Мы жить хотим
И ползем.
Мы съели
Дохлых коней кишки
И пальцы свои грызем!

Но караван
На длинных ногах пошел
Курганами —
Вверх, вниз,
В желтую страну
Му-у-гол,
Страну пастухов
Денгиз.
И мелькало
В гривах песков
Черное Кара-Коль,
И оставалась далеко
Позади него соль, соль...
И вот уже
Первая крыса Азии
Насторожила седой ус,
В острых зубах
Хороня заразу,
С глазами холодных,
Быстрых бус.
Бурая, важная,
Пригнула плечи
И — ринулась,
Темнее теней.

И крысы пошли
Каравану навстречу,
Лапками перебирая за ней.

ЭПИЛОГ

— Над большими ветвями,
Над косыми тенями
Солнце стоит.

Нет Дерова!
Нами убит!

Солнцем украшено
Наше знамя,—
Нет Деровых!
Убиты нами!
(Пой, Джейдосов!
Недаром, недаром
Ты родился
Средь пург и атак,
Наседал
Средь последних пожаров
На последних казаков
Джатак.
Он их гнал.
И косматые пики,
Словно клюва отмщенье, неслись,
Словно молодость,
В звездах и гике,
Словно новое
Право на жизнь!
Он их гнал
По дорогам пробитым,
Смерть на смерть,
По треснувшим льдам
И стрелял из винтовок
По сытым,
По трусливым
Казацким задам!)
— Над большими ветвями,
Над косыми тенями
Солнце стоит.
Нет Яркова!
Нами убит!
Проклята кровь его
Трижды нами.
Солнцем украшено
Наше знамя!
(Пой, Джейдосов!
Просторней просторных
Ветров летних
Свободы разгон,—
Не забыть
Этих горестных, черных,
Убегавших к Зайсану знамен!
Там, в хребтинах Зайсана, поранен,
Умер, стало быть,

Умер — и вся,
Скулы в иней одев, Устюжанин,
По-лошажьи глазами кося.
Там, в Зайсане,
Средь пьяных, как бредни,
Перетоптанных вьюгой снегов
Грузно Меньшиков
Сгинул последний
И последний
Хорунжий Ярков!)
— Те, кто борется
Вместе с нами,
Становитесь под солнце,
Под наше знамя!
(Пой же, пой!
На тебя — человека —
Смотрит издали
Каменный гнет.
Революция!
Ты ли — от века
И голов и сердец пересчет?
Пой, Джейтак!
Ты не малый — великий,
Перекраивай души и жизнь.
Я приветствую грозные пики,
Что за жизнью ярковской гнались!
То искали
Голодные сытых
В черном зареве смерти,
В крови.
И теперь, если встретишь несбитых,
Не разглаживай брови — дави!)
— Боевое слово,
Прекрасное слово,
Лучшее слово
Узнали мы:
РЕВОЛЮЦИЯ!

1932—1933

СИНИЦЫН И К°

Первая поэма трилогии «Большой город»

1

Страна лежала,
В степи и леса
Закутанная глухо,
Логовом гор
И студеных озер,
И слушала,
Как разрастается
Возле самого ее уха
Рек монгольский, кочевничий
Разговор.
Ей еще мерещились
Синие, в рябинах, дали,
Она еще вынюхивала
Золоченое слово «Русь»...
Из-под бровей ее каменных
Вылетали
Стаями утица и серый гусь.

И волков вольная казачья стая
Пробиралась гуськом
По ее хребту,
И, тяжелыми лопатками
Под шкурой играя,
Опасливый медведь
Урчал в темноту.

2

И, ширясь,
Не переставали дивиться
Глаза королевских
И купецких дворов
На потрескивающий ворс
Черно-бурой лисицы,
На связки соболей
И саженных бобров.

Они досылали бочками пороху и свинца,
Но страна,
Богатством своим густая,
Бобром вцеплялась
В брови дельца
И мантии оторачивала
Горностаем.

И соболи
Дорогие
На женских плечах
Поблескивали сдержанно,
Тревожно
И гордо,
Будто помнили,
Как их лупили в ночах
Свирепой палкой
По окровавленным мордам.

3

Но редкие выстрелы
Таежных троп
Были подобны
Хлопанью птицы сбитой,
И страна только ниже
Пасмурный наклоняла лоб,
Крылатый,
Лосиный,
Готовый в битву.

Она под первый
Весенний
Выкрик гагары
Выпускала процвесть
Народы свои,
В дурман и урман уводила пары
И долго корчилась
В судорогах любви.

А к осени,
Спутав следы добычи,
Волчонок скользил
Сквозь студеный дым,
И всплескивался
Отпустивший усища
В реках
Полуфунтовый налим.

4

К северу,
В предгорьях,
У ледовитых речек,
Где в песке
Синева медвежьей стопы,
Келейным богородицам
Первые свечи
Сжигали одичавшие лесные попы.
Там ютились
Смолевые поместья раскола,
Заросшие по бровь
Грехом и постом...
И до самых крыльев светлых
Тонули пчелы
В цвету золотом,
В меду золотом.

И старцы
Желтый воск
Отделяли богу,
Мед — себе. Вечерами, после работ,
Девки выходили,
В песнях тая тревогу,

Долгий и невеселый
Вели
Хоровод.

5

К востоку
Тайга сходила на убыль,
Клонились полыни
Далеких ровных дорог,
И, щурясь,
Рукавом халата
Жирные губы
Вытирал, усмехаясь, степной царек.

И его невеста
Трясла в смятенье
В двадцать струй расплескавшеюся косой,
И плясали над гривами
От селенья к селенью
Шапки острые,
Подбитые
Красной лисой.

И в гремучем дожде
Конского пляса,
Под незрячим солнцем,
В мертвом мерцанье лун
Стосковавшийся по барышам
Побуревший прасол
Гнал на запад
Первый
Тысячеголовый табун.

6

На западе
Виделись редкие взблески
Стали.
По полям тянулись
Рваные

Лемехов следы.
Холеные, только что возмужали
Гретые
Яблоновые сады.

Город стоял
На границе степных пожаров,
Молебен о здравии царя
Отслужив едва.
Шаткую
Струганую
Доску тротуаров
Пламенем веселым
Не успела одеть трава.

Субботы
Крестом соборным
Крестились,
Праздники сочно кропились вином,
И лишь...
Превосходительства...
Генерал-губернатора...
Выезд...
Ставил городок
На дыбы конем.

7

Да, когда текло
Архиерейское богослуженье
В христовых хоругвях,
В блистанье паникадил,
Город приходил —
Хоть не сразу! —
В движенье:
Одевался
И чинно
На улицу выходил.

И нога архипастыря,
Гусарский сапог
Год назад сменившая
На мягкую туфлю,

Переступала
Исцелованный
Соборный порог,
Волоча за собою
Бороды,
Плеши,
Витые букли.

И дьякон, «вонмем» вытягивая,
Рос и рос
До самого купола
В сиянья оправе,
Пока распускался павлиний хвост
Византийский,
Глазастый
Хвост православия.

8

Впрочем,
И иные в городе, к слову,
Ангелы водились... И пошли далеко.
Ангелы кожевенные — Ивановы,
Ангелы скобяные — Золотаревы,
Ангелы мукомольные —
Синицын и К°.

Детей растя
На перинах лебяжьего пуха,
Избегая
Сомнения и наук,—
Во имя отца,
Сына
И святаго духа
Работали не покладая рук.

Рынок непочат,
Место злачно —
Подводили счеты не мудрствуя: «Вишь,
Восемь уплачено,
Три истрачено,
Четырнадцать тысяч
Чистый барыш».

9

Федул Синицын,
Набиравший силу,
В городе Зейске на первых порах
По праву
Зачинщика и старожила
Каменную мельницу
Пустил на парах.

И жил
Возле ее доходного гула,
Но из-за каких-то
Петрусь и Марусь
Сбился не вовремя,
Предался разгулу
И ушел в окаянство,
Темень
И грусть.

И в конце года сорок восьмого,
Двадцатого августа,
Отодвинув засов,
Его нашли в петле,
Неживого,
Повиснувшего
Над семьей жерновов.

10

Но сын его,
Синицына Федула,—
Артемий,
Рябенький, неслышный,
Волосом чал,
Не кончил коммерческого с вестями теми
И в Зейск
Унаследовать все
Примчал.

И перед судьбой своей одинокой,
Перед Зейском всем
Предстал простак —

Юнош незаметный,
Голубоокий,
С улыбкой на медовых устах.

Города отцы —
Купцы —
Подошли с подмогой,
Дланью скользя
По умным усам:
«Что уж там? Продай!»
Но Артемий: «С богом,
С маменькиной помощью
Управлюсь сам!»

11

И повел.
С почтеньицем, без сумленья,
Вымерил прицелы,
Округлил рубли...
Так повел,
Что города отцы —
Купцы —
В удивленье
Свистнули и плечом повели.

И пока они
Горшки деньгой набивали,
Каждый
Неподвижен,
Как божий храм,
Темкин капитал подкатил едва ли
Не к сотне тысяч,
А то и к двумстам.
. . . .

12

Он не копил,
Он крутил обороты —
Деньгу работать гнал! Оттого ль

Под ним очутились
Мукомольство,
Охоты,
Галантерея
И соль.
И покуда купцы,
Косясь на иконы,
Карманы набивали,
Крестились замком,—
В конторах Темкиных
Немцы-компаньоны
Сидели, трубки набив табаком.

И пока антихристом величали
Купцы за преферансом
И сулили суму,
«Не зайдете ли к нам...
На стакан
Чаю...» —
Губернатор писал ему.

13

И мельницы антихриста,
Крутя жернова,
Рычали, позабывая усталость,
И «юноши» с пролысинками голова
Над прочими
На аршин возвышалась.

И когда
В купеческом клубе шел
Сын Синицына Федула — Артемий,—
Отцы сторонились
И, одетые в шелк,
Невесты от волненья потели.

И отцы думали:
«Хорош сосед!
Такой оберет, если надо! Страхи!
Можно сказать, двадцать восемь лет —
И такие,
Можно сказать,
Размахи!»

14

Страна лежала,
В степи и леса
Закутанная глухо,
Логовом гор
И студеных озер,
И слушала,
Как разрастается
Возле самого ее уха
Рек монгольский, кочевничий разговор.

Ей еще мерещились
Синие, в рябинах, дали,
Она еще вынюхивала
Золоченое слово «Русь».
Из-под бровей ее каменных
Вылетали
Стаями утица
И серый гусь.

Когда в знаменитое новолунье,
Охотясь на лисиц
И бобров,
На самых пятках реки Бегуньи
Золото отыскал
Охотник Петров!

15

Золото.
Золото!
Золото!!

16

Приискатели
Из-под хмурого Алдана
Расцеловали «мамок» дебелых,
Закрутив ус,

Подарив им на прощаньице,
Дорогим да желанным,
Колючие серьги
И связки гремучих бус.

Вместо напутственной,
Призакрыв веки,
Соловей-гармонист
Широко мехами развел,
И на целые ночи
Разыгрались в музыке реки,
Мирные,
Текущие
Среди пашен и сел.

А за сотню верст,
В пену одев колена,
Полной горстью
Влаги разбрасывая изумруд,
Исцарапав руки о камень,
Дичала Лена,
И запевал,
Покачиваясь от тоски,
Якут.

17

Он на «ха» и на «хо»
Задерживался
И, все короче
И все яростнее вычеканивая «э»,
Запевал,
Когда стая востроносых
Приискательских оморочек
Уходила
На ходулях шестов
В водовал.
Ему видно было,
Как медленно
И шатуче
Поползло на них
Тулово кривоплечей горы.
Язь плеснул.

И рванулась черная туча
Остервенелой,
Изголодавшейся мошкары.

И тогда он
Песню поднял
До комарьего писка,
А может, и сам
Полетел им вслед комаром,
Чтобы в шею последнего
Жалом впиться,
Возвратить свою кровь,
Не отрываться добром!

18

Приискатели двинулись.
На золото!
К Зейску!
«Плюем на бом —
В дальню тайгу идем».
А безвестный Митрич
Слезно крестил семейство
И наказывал
Беречь
Хозяйство и дом.

И, пьяная, у плетней
До рассвета по-птичьи
Танцевала косматая Митрича тень,—
Это собиралась
На заработок-добычу
Лапотная сила
И мочь
Деревень.
Изба развалилась.
Нечего ждать подмогу.
Какое уж хозяйство?
Почти что гол.
И, хлебушка поев
С кваском
На дорогу,
До свиданья, милая! Айда, пошел!

19

А которые побогаче —
Тоже, как же! —
Детей собирали,
Что на свадьбу, отцы.
Каждому по лошади —
Вороная — сажа!
Татарские орешки —
Подвешены бубенцы.

Под носом богатство!
Мало что кто в достатке!
К северу,
К Зейску
Путь стремя,
Ехали новобранцы золотой лихорадки,
Бабы, провожая,
Шли у стремян.

И кой-где уже лавочник сапоги и ситцы,
Провизию вез...
«Дорога не далека.
Амуниция нужна. Снедь пригодится.
А там,
Глядь,
Не обидите и старика».

20

И в городах дальних
Тысячелистно
Газеты подогревали:
«Ура!» —
Золотой азарт.
Усы распушив,
Узкогрудым гимназистам
Позолотевшим глазом
Моргнул Брет-Гарт.

Они бросили стихи писать.
Сапоги обули.
Они докажут

Папахен и мамахен — черт возьми!
Их перехватывали
Где-нибудь
В Саратове или Туле,
Но иные прорывались,
Чтобы полечь костьми,

Чтобы сгинуть
В призейских глухих просторах:
Не вини, пащенок, ежели слаб!
Уцелевших же
Приискатели вошь в проборах
Заставляли искать. И любили заместо баб.

21

А в трехстах верстах от Зейска
Грохотали бутары —
Аж в Зейске
Слышен был
Кирок
Стук:
Артемию Федулычу Синицыну
Не хватало тары —
Для заброски товара!
На мельницах не хватало рук!

Мельницы ждали
Его руки мановенья.
Монополия его, вот он каков!
Населению мелет
Лишь
Для потребленья —
Остальное для себя
И для приисков.

И за пуды муки
Орудует,
Как захочет!
Не давая очухаться
И дела постичь,
Захватывает россыпи

За площадью площадь,
Проценты берет
С золотых добыч!

22

Он оборачивался,
Оборотливый,
Скоро.
Он брал и веху ставил:
«Трогать не сметь!»
Он непослушных
Смирял измором,
Он дьяконов
Мог заставить
Славу петь:
«...Слава пресвятому
Оборотному капиталу —
Родителю богатств,
Машин
И красот.
Да преклонятся перед ним
От стара до мала,
Да увеличится
И возрастет!

Слава стопе его,
Что крепко встала
На тех, кто безропотен,
Нищ
И наг,—
Слава, слава оборотному капиталу,
Творцу и вседержителю
Всяких благ!»

23

Впрочем,
И другие не дремали, к слову,
Тоже подрабатывали,
Как могли:

Ангелы кожевенные — Ивановы,
Ангелы скобяные — Золотаревы
И прочие многие
Короли.

Разрастался вкруг Зейска
Купецкий нерест —
Кто крал втихомолку,
Кто прямо брал...
Купцы надвигались
В поддевках через
Рвущий надвое закаты
Урал.

Купцы надвигались
Сквозь одичалые пурги,
Улыбчивые,
Ноздри крылами раздув,
И вот уже
Орел из
Санкт-Петербурга
Повернул на восток
Золоченый клюв.

24

Так хищник степной,
Оглядывая просторы,
Круглую голову утопив в плечах,
На сопке сидит,
Кривую отставив шпору,
С недобрыми
Янтарями в очах.

И вдруг обеспокоится,
Заметив что-то —
Там, далеко,
Где с небом земля сошлась,—
Чуть привстает,
И вздрагивает
Перед полетом,
И с клекотом срывается,
Почти смеясь!

И на крыльях
Золотом отливает Сила:
Сбить добычу!
Прокусить ей тонкое горло! Ага!
Но, нырнувшая сбоку,
С размаху когти вцепила
Опередившая добытчика
Пустельга.

25

Но Синицын вцепился. Крепок, прочен.
Он ставил веху,
И чтоб трогать не сметь!
Треть государству,
Треть — для прочих
И Артемию Федулычу третья треть!

Зануздали золото!
Ого!
Пора зануздать воду! —
На первой пристани
Оркестром
Исполнен марш:
Артемий Федулович
Изволили пустить пароходы
И стаю
Тяжелых девушек —
Барж.

Первая пристань
В зелень убрана,
Подняты копья литых якорей.
Ура!
Пароходы
Дымят
Трубами.
Ура!
Да здравствует Россия
И город Зейск!

26

Ура!
Букеты!
Якоря подняты!
Капитан в белом кителе:
«Полный ход!»
Генерал-губернатор
На пляшущих сходнях
Артемию Федуловичу руку жмет.

Платки.
Пароход захлебнулся ревом.
Чайка.
Чайки!
Чайки летят с песка!
На своем пароходе,
В костюме чесучовом,
Артемий Федулович —
На свои прииска!

И покуда пароходу
Чалки отдали
И он, пошевеливая лапами,
Пошел,—
Верст за триста отсюда,
В сукне и крахмале,
Управляющих
Выстраивался
Частокол.

27

Сам наехал!
Веселый,
Дорогою не измучен —
«Все так ездить будете»,—
Он не жалеет затрат.
Сотня
Украшенных лентами
Таратаек гремучих
В пыль и смятенье одела тракт.

«Сухо! Леса близки!
Не горите ли?
Ха! Бараки отстроили?
Давно пора!»
...Выстроенные в шеренгу
Откормленные смотрители,
Выставив груди,
Прогрохотали: «Ура!»

Сам наехал!
И на первом празднике званом
Оглядел барак,
Обращенный стараньем в зал,
Подошел к инженерше Марье Иванне
И
«На сопках Маньчжурии» —
Приказал.

28

И в сверканье плеч ее,
До ласки охочих,
Плыл по заводям вальса!
Король!
Парйл!
И, разыгравшись,
Гонцов от «рабочих»
Именными наградами одарил.

Но когда наутро
С помпой,
С треском
Обходил рабочих,
Выстроенных в парад,
Кто-то из рядов спокойно и веско
Послал ему вдогонку:
«Наехал, гад».

Он не обернулся,
Улыбчив прошел, однако
Приставу пальцем погрозил:
«Смотри,
Как же это так,

Любезный вояка,
У тебя, оказывается,
Есть бунтари?..»

29

И красные околыши
Тех слов
Не забыли...
Время спустя за бараком в пыли
Ночью кому-то
Долго
Руки крутили
И, саблями позвякивая,
Увели.

А при отъезде
В последние горестные минуты
Артемий Федулович
Сказал управляющим:
«Господа,
Набирайте китайцев,
Китайцев вербуйте,
Они понадежнее да посмирнее. Да»,
И пошли
Голоплечие, фланелевые ку́ли,
Выходцы
Из соседних
Глухих песков.
Заработок упал. Управляющие вздохнули
Легче, подняв доход приисков.

30

Зейск же расцветал.
Под самыми приисками
Цветом, невиданным
В этих местах.
По улицам,
Одетым

В гололобый камень,
Рысаки проходили
В белых бинтах.

И франтов в галстуках
И клетчатых брюках
Начинала по ночам
Выплевывать тьма,
И к мощеным набережным
На каменных брюхах
Шестиэтажные
Ползли дома.
Река отступила.
Осетры ее покорились навеки
Этому,
С железом на хребте,
Осетру.
Целые ночи без устали
Мчали улицы-реки,
Пьяных на отмелях
Оставляя к утру.

31

В дыму кабаков зейских
Зейские
Собственные цыгане
Сторублевый, аховый
Получали заказ —
Приискатель, упав,
Башку раскройв в стакане,
Топал каблуками на них:
«А ну еще раз!»

И выскакивала
Гордая,
Ровные зубы скаля.
«Ну, пошел, что ли!»
В гарусе до колен,—
Еще раз! — веселая —
Цыгане гуляли —
В синих и желтых
Воронках лент.

И бровями поигрывала —
Эх! —
Привозная,
И волной ходила
От гребня до пят!
У гитар запутаны струны. Сейчас узнаем,
Как под башмаками
Дешевые деньги
Хрустят.

32

За праздничными лентами
Шибко летали
Хлопки голубями. Девочки в чаду табака
На плечах у кавалеров
До слез хохотали,
Вынимали пудреницы
Из-за чулка.
Они шептали: «Закажи нам, душка,
Милый».
И опять хохотали,
Чтобы потом —
Утром раскрыть глаза
На мятых подушках
И деньги пересчитать
С оглядкой,
Зверьком.

Лавочнику отдать, заплатить портному,
Подарить хозяйке,
Чтобы не ходила ворча,
По лестнице взбежать. Позвонить.
И по-деловому
Тело заголить под шприцем врача.

33

Шприц входил
Костяной иглой скорпиона...
Город пробуждался. Быстрее, спорей —

Грохотом пролеток,
Колокольным звоном,
Хлопаньем магазинных
Железных дверей.

Дома поднимали
Тяжелые веки — шторы,
Проходили и проходили
Люди
В оконной тьме,
Счетов деревянную икру
Начинали
Метать конторы,
И дежурные «параши»
Очищали в тюрьме.

И сотрясался от кашля,
Носом в ботинок тыча,
Чеботарь с харкотиной вместо зрачков,
И проворная кошка
Лизала, мурлыча,
Кровавые пятна его харчков.

34

Город пробуждался.
В залпах цветочной пыли
На крестах — деревянных Христах —
Ржавели венки,
Мимо кладбища, крестясь,
Румяные
В город входили
На заработок плотники,
Пильщики
И печники.

Город пробуждался.
В охранном отделении,
Вздувая шары
Лощеных утренних щек,
Гостя хозяин встречал: «А! Мое-с почтенье,
Что у нас нового?» —
Ложкой мешал чаек,

И гость в хохоток, в хохоток
На его допросы:
«По порядочку, по порядочку,
Как же-с, ась?»
На ухо шептал. Принимал папиросу
И в креслах под конец
Откидывался,
Дымясь.

35

И над всем этим роскошеством —
Золотая пенка —
Вывеска плавала, видимая далеко,
Букв откормленных
Вымуштрованная
Шеренга:
«*Контора Артемий Синицын и К°*».

Флаг трехцветный
Похлопывал, рея,
Как на флагманском броненосце
Перед бедой.

Властелин чаевых
В пудовой ливрее
У стеклянных дверей сверкал бородой.
Секретари в коридорах
Играли в жмурки,
Сталкивались, лапками хватая мрак,
Наглухо,
До ворота,
Застегивали тужурки
И садились
Чернить
Снега бумаг.

36

Запятые, кувыркаясь, летели,
В пыльном удушье
Оборваться грозил бумажный обвал,—

И клиентов
Во тьме
Колыхались туши,
Но хозяина плюшевый кабинет
Пустовал.

Но хозяин на даче,
Хмурый и валкий,
Под лиственною овчиной террас
В сумерках
Лежал
В плетеной качалке,
Ногти грыз и суживал глаз.
Июньское небо,
Высокое,
Золотого крапа...
«Следственно — природа...
Следственно — прииска...»
Встав на дыбы
И раскинув лапы,
На него медведем шла тоска.

37

Может быть, та самая,
Что когда-то
Уходила отца. И в горькой ее тени
Он молча сидел,
Рябой, бородатый,
И слушал, как прислуга
Зажигает огни.

О чем он думал?
Может быть,
Далекое детство
Вдруг проблеснуло водопоем,
Залаял пес?
Некуда, Артемий Федулыч,
От памяти деться —
Ладонью не спрячешь
Седых волос!
О чем он думал,
Вглядываясь долго

В садовую мглу, губой шевеля?
Или нарыскавшегося
Матерого волка
Туго
Предчувствия
Захлестнула петля?

38

Однако с чего бы?
Деньги чтили присягу,
Барыши с высот
Не катились вниз,
И давно провезли
На прииски
Первую драгу —
Закутанную в рогожи
Американскую мисс.

Однако с чего бы?
Стерегут крученые плетки
Перед злобой низов
Сомненье и страх.
И, просеянные
Сквозь решето решетки,
Агитаторы на казенных хлебах,
Ну и все же на даче,
При звездах,
Валкий,
Он просиживал ночи,
Угрюм и тих,
На соломенной тихой
Волне качалки...
Но однажды решил:
«В Москву! Никаких!»

39

И через недельки две
На вокзале мореные кости
Поразмял. Оглядел каретные кузова,

...Вся в еканье, в грохоте,
Заморского гостя —
Мать купечества — принимала Москва.

Вывески саженные
Выстроились в шпалеры,
Рванулась навстречу
Скаредная красота
Попечительницы
Верноподданности и веры
В господа тихого
Иисуса Христа.
Церкви мелькали:
Та, сгорбившаяся, без сил,
Корова
С колоколами на шее,
Та коньком златогривым.
И лишь собор
Христа Спасителя стыл,
Неподвижный,
Как скала перед взрывом.

40

Из раскрытых чайных вываливались люди,
Бычьей кровью вскормленные.
Вели разговор.
Лебеди плескались
На летящем в воздухе блюде,
И мелькали кулаки
Извозчичьих ссор.

Мытари на углах
Протягивали руки в му́ке,—
Слепые, с прошением на груди́:
«Богом обиженному...»
А те, что безруки,
Глазами приказывали:
«Пощади».
Из переулка,
В коляске,
Встречных шараша,—
Баба

В драгоценной собольей
Пыли́...
Артемий поглядел:
«Соболи-то! Наши!
Ишь куда, сердечных, их упекли».

41

Этак зажил в Москве,
Уже знаемой им когда-то,
Обменялся визитами
С тузами
Града сего.

Секретарь все допрашивал: «Как?»
«Скучновато...
Ну, а впрочем, вглядеться,
Так ничего...»

«Ну, а впрочем, вглядеться, так...»
Так на рассвете
Вглядывается хмурый, ушастый сыч...
...Провожатый — обжился
В синицынской карете
И обвык,
Собакой приставший хлыщ.

И однажды,
Букет заказав подороже,
Заглянул в глаза Артемию:
«Нельзя!
Все же, понимаете, Артемий Федулыч, все же
Хоть захудавшие, а князья».

42

Но Артемию
Понравилась нежданно фамилья:
«Синицын к Горлицыным!»
Он сказал: «Ускорь».
Пара серых в яблоках,

Морды мыля,
Понесла их
На рысях
По Тверской.

Хлыщ заранее
Подготовил встречу как надо,
Подмигнул:
«Золотопромышленник! Миллионер!»
И пропахшая шубами
Передней прохлада
Их встречала торжественно,
На особый манер.

Глаженый лакей,
Пудреный, гладколицый,
Карточки на серебряный принял поднос,
В залы прошел
И «Господин Синицын»
Басом внушительнейшим произнес.

43

«Просить!»
. . . .
Мадам Горлицына, просто мадам,
Фелица Дмитриевна — тень Фелицы —
Накопила одышку,
Но к сорока трем годам
Все еще по паркету ходила львицей.

Кутежом,
Прокученными деньгами
От нее разило,
«Катьками» загубленными зазря.
Вовремя Фелица сообразила —
Выкрасила волосы,
Бросила якоря.

Вовремя Фелица сообразила —
Тщеславия и шика последний заслон —
Дом оставила,

Где дочь растила
И держала
Литературный салон.

44

Здесь бывал
Внимательный к обедам мужчина,
Пахнущий табаком,
Стриженный свирепо в скобу,
По неизвестным и темным причинам
Вызвавшийся
Прославить избу.

И его ненавистник,
В штанах полосатых
Карапуз, щебечущий про асфальт,
В стихах коего
Был
Лишь один достаток —
Богом ему ниспосланный
Мальчишеский альт.

И третий... четвертый...
Досужей толпы забавы,
Славословы
Оскудевшей от слав луны,
Дикие и злые охвостья славы,
Хвост цивилизации —
Льстецы и говоруны.

45

Синицыну не дали опомниться хозяйка и стая
Прочих:
Ренн, Кобылочкин,
Дочь хозяйки — Ирен...
«Садитесь, прошу вас,
Сейчас читает
Стихи в честь Ирины
Поэт
Ренн».

Что ж?
Артемий спокойно
Примостился в кресле,
Слушать приготовился,
Хоть не понимал
Ни аза.
Ренн с бумагой в руке поднялся,
И вдруг полезли
Круглые под бровь Ренна глаза:

МАДРИГАЛ В ЗАСУХУ

Среди пиров корявости,
В дыму пивных шумношатающихся стоек
Я не позабуду
Твой глазастый праздник:
Десятый день парное солнышко,
Лукавствуют уральские топазы
В теплой ресничной рощице.
Май твой нежностью набухаст
В зелени, в пенных яблонях полощется,
Высокая Ирина Горлицына.

Крепкоплечая!
Смотри,
Весны переворот:
Двадцатый день
Колючее ведрышко
Засухой рвется.

В задыхающихся полях
Схвати над трехгорьем
Бескровное облачко,
Примани им
                хмурые тучи,
Помоги нам пролиться
Цистернами пильзенских строк
Перед твоими
Узконебоскребными ногами,—
Глав обольстительница,
Ирина Первостолицына!

46

«Браво! Браво!»
Хлыщ склонился: «Артемий Федулыч,
Хлопайте!» Но Синицын суров,
Тих сидел.
Драгоценнейшим ветром дуло
В скулы, огрубелые от ветров.
Он в кресло ушел,
Хуже сделался, меньше,
Он глядел
Все внимательнее и веселей,
Он товар оценивал — знаменитый оценщик—
Как когда-то оценивал соболей.
И на сам деле
Не дивиться нельзя
На Ирину Горлицыну —
Волосы стянуты узлищем тугим,
И глаза, попыхивающие под ресницами
Отсветом долгим,
Отсветом золотым и густым.

47

Вокруг нее охотников
Круги сужались,
Но покуда еще
Никому не довелось
Приручить, прикрутить,
Окольцевать ей палец,
Захватить хоть горсть
От пепла ее волос.
. . . .

48

...На обратном пути от Горлицыных,
В карете качаясь,
Заезжая в настежь распахнутую зарю,
Говорил Синицын:

«В магарычах не стесняюсь!
Продолжай — говорю тебе! —
Отблагодарю!»

Хлыщ в смешок.
(Подсчитал — работать недаром.)
...Еще через день, отстранясь от дел,
Свиделся Артемий Федулыч с товаром
В горлицынской гостиной,
Как захотел.

Чем не кавалер?
Конечно, определенно!
Лучшего отыщешь ли,
Душой не кривя?
За него разговаривали миллионы —
Его золотые,
Родимые братовья.

49

«Как живете?»
(Нету цены товару!) —
«Вы мне привлекательны, хоть и не льну...»
...В первый раз лет за десять
Взял гитару
И, не торопясь,
Зацепил струну:

«Ты скажи мне, перстень свадебный,
Я кому тебя дарю?
Будь ты крепок, перстень свадебный,
Будь ты крепок, говорю!

Ты свети нам, перстень свадебный,
Помогай слюбиться нам,—
Для того я, перстень свадебный,
Прижимал тебя к губам.

Сорок тысяч перстней свадебных —
Каждый круглый золотой,
Сорок тысяч перстней краденых
И один законный — мой.

Сорок тысяч перстней краденых,
Ты же всем перстням отец,
Круглый пламень, пламень свадебный,
Золотой мой бубенец».

50

Так решился
Торг короткий ладом —
Понапрасну гитар
Синицын в руки не брал.
Он поцеловал мамашу в лоб,
Заплатил что надо
И увез невесту
К себе,
За Урал.

А еще через год,
Весной,
Когда на гагарах
Линяло перо,
В апреле месяце, или возле того,
Зейск съезжался с букетами
На тройках и парах
Поздравлять с рожденьем сына его.

Приискатели фужеры состукнули.
Были
Казахами джигитовки устроены,
И в весеннем снегу,
Раздувая пайпаки, зажиревшие бии
Объявили
В его заздравье
Байгу.

51

Это было весной,
Когда, потрескивая, расходились
Звездою трещины
На речном

Ноздреватом льду,
Когда барсы в Призейском крае
Рыбой плодились,
Это было
В девятьсот девятом году.
Так в великий и долгий
Перелет гусиный,
Когда, накопивший бешенство,
Хлынул разлив,
Начиналось детство синицынского сына
В скрежетанье машин
И пляске лошажьих грив.

Годы шли волна за волной
С тяжелым шорохом,
Шли, стуча сапогами,
В глухих просторах страны...
...Тринадцатый...
...Четырнадцатый...
Ширя напитанный порохом,
Голубой, как разрывы шрапнели,
Воздух войны.
. . . .

ЭПИЛОГ

До крестов георгиевских,
До самых плеч
Октябрьского тумана!
. . . .
Прячась от партизанщины
В таежный урман и лог,
Прицепившись к степному штабу
Краснолампасного атамана,
Синицын вместе с ним
Бежал на восток.

И когда их оцепили, и — вдруг! —
грянули дали
Широким «ура»,
Повторяя: «Бей! Бей!»
Крепко сжимая стужу
Вороненой стали,
Он засел с товарищами
В дымной избе.

Раз! И еще раз!
Внимательно целясь
По кожаному матросу, бегущему впереди.
Три!
Упал
Молоденький красноармеец
С рваным кумачом
На серой груди.
И еще раз!
Огоньками ненависти и страха
Глаз разжигая,
Точно, без промаха, в них!
. . . .
Но ворвавшийся выборжец
Всем телом,
С размаху
Загнал ему
В заклокотавшее горло
Штык.

1933—1934

ДОРОГА

(Отрывок из поэмы «Большой город»)

Далекий край, нежданно проблесни
Студеным паром первой полыньи,
Июньским лугом, песней на привале,
Чтоб родины далекие огни
Навстречу мне, затосковав, бежали.
Давайте вспомним и споем, друзья,
Те горестные песни расставанья,
Которые ни позабыть нельзя,
Ни затушить, как юности сиянье.
Друзья, давайте вспомним про дела,
Про шалости веселых и безусых.
Споем, споем, чтоб песня нас зажгла,
Чтоб павой песня по полу прошла,
Вся в ярых лентах, в ро́сшивах и в бусах,
Чтоб стукнула на счастье каблуком
И, побледнев, в окошке загрустила
По-старому. И, все равно о ком,
Чтоб пела в трубах, кровью и ледком
Оттаивала песенная сила.
Есть в наших песнях старая тоска
Солдатских жен, и пахарей, и пьяниц,
Пожаров шум и перезвон песка,
Комарий стон, что тоньше волоска,
И сговор птиц, и девушек румянец,
Любовей, дружбы и людей разброд.
Пускай нас снова песня заберет —
Разлук не видно, не было печали.
В последний раз затеем хоровод
Вокруг того, что молодостью звали.
По-разному нам было петь дано,

Певучий дом наш оскудел, как улей,
Не одному заказаны давно
Дороги к песне шашкой или пулей.
Не нам глаза печалить дотемна,
Мы их помянем, ладно. Выпьем, что ли!
Найти башку, потерянную в поле,
И зачерпнуть башкою той вина.
Приятель мой, затихни и взгляни:
Стоят березы в нищенской одежде,
Каленый глаз, мельканье головни,—
То набегают родины огни
Прибоями, как набегали прежде.
Ты расскажи мне, молодость, почто ж
Мы странную испытываем дрожь,
Родных дорог развертывая свиток,
И почему там даже воздух схож
С дыханьем матерей полузабытых?
И отступили гиблые леса,
И свет в окне раскрытом не затем ли,
Чтоб смолк суровый шепот колеса?
И то ли свет, и то ли горсть овса
Летит во тьме, не падая на землю.
Решайся же не протянуть руки.
Там за окном в удушные платки
Сестра твоя закутывает плечи,
Так, значит, крепко детство на замки
Запрятывает сердце человечье.
Запрятывает (прошлая теплынь!
Сады и ветер) сердце (а калитка
Распахнута). О, хищная полынь,
Бегущая наперерез кибитке!
Но сколько их влачилось здесь в пыли —
Героев наших, как они скитались,
Как жизни их, как мысли их текли,
Какие сны им по пути встречались!..
И Александр в метелях сих плутал —
О, бубны троек и копыт провал!
(Ночь пролетит, подковами мерцая,
В пустынный гул) — и Лермонтов их гнал
Так, что мешались звезды с бубенцами,
Охотницкою ветряною ранью
Некрасова мотал здесь тарантас.
Так начиналось ты, повествованье
Глухой зари и птичьего рыданья,
И только что нас проводивших глаз.

На песенных туманных переправах
Я задержался только потому,
Что мне еще неясно в первых главах,
О чем шептать герою моему,
Где он следы оставил за собою,—
Не видно их — так рано и темно,—
Что у него отобрано судьбою,
И что — людьми, и что ему дано.
Иль горсть весны и звонкий ковкий лед,
(А кони ржут) и холодок разлуки,
И череда веселья (поворот),
И от пожатий зябнущие руки.
Послушаем же карусельный ход
Его воспоминаний (утрясет
Такою ночью на таких путях),
Тому кибитка, может быть, виною.
В просветах небо низкое, родное.
Ах, эти юбки в розовых цветах,
Рассыпанных — куда попало! Ах,
Пшеничная прическа в два узла,
Широким гребнем схваченная наспех,
И скрученные, будто бы со зла,
Серебряные цепи на запястьях,
И золотой, чуть слышимый пушок,
Чуть различимый и почти невинный,
И бедра там, где стянут ремешок,—
Два лебедя, и даже привкус винный
Созревших губ, которых я не смог
Еще коснуться, но уже боюсь
Коснуться их примятых красных ягод.
. . . .
. . . .
Но слишком рано прошумят и лягут
Большие тени ветреных берез,
И пробежит берестовый мороз
Над нами, в нас.
Все ж Настенька похожа
На розан ситцевый, как ни крути.
Под юбки бы... По золоченой коже
Скользить, скользить и родинку найти.
Я знаю: от ступни и до виска
Есть много жилок, и попробуй тронь их —
Сейчас же кровь проступит на ладони,
И сделается тоньше волоска
Твое дыханье и сойдет на нет.

Там так темно, что отовсюду свет,
Как рядом с солнцем может быть темно,
Темно до звезд, тепло как в гнездах птичьих,
И столько радостей, что мудрено постичь их,
И не постичь их тоже мудрено.
Под юбки бы. Но в юбках столько складок,
Но воздух горек до того, что сладок.
. . . .
. . . .
Но дядя Яша ей сказал «нельзя»,
Да и к тому ж она меня боится.
Ну что ж, пускай, твой дядя не дурак,
Хитер он в меру, но не в этом сила...
Бесстыдная, ты ароматна так,
Как будто лето в травах пробродила,
Как будто раздевали догола
Тебя сто раз и все же не узнали,
Как ты смеешься, до чего ты зла,—
Да и узнать удастся им едва ли.
Ты поднялась, и волосы упали —
Пшеничная прическа в два узла.
Проказница, теперь понятно мне...
Ты спуталась уже давно с другими.
Гудящая, как тетива, под ними,
Ты мечешься, безумная, во сне.
Ко мне прижавшись, думаешь о них,
Медовая, крутая, травяная,
И, тяжесть каждого припоминая,
Любого ждешь, любой тебе жених.
И да простится автору, что он
Подслушивал, как память шепчет это.
Он сам был в Настю по уши влюблен,
В рассвет озябший, в травяное лето,
В кувшин с колодезною темью и
В большое небо родины, в побаски
(В тех тальниковых дудках, помяни,
Древесные дудели соловьи
С полуночи до журавлиной пляски).

Пусть будет трижды мой расценщик прав,
Что нам теперь не до июньских трав
И что герою моему приличней
О тракторах припомнить в этот час.
Ведь было бы во много раз привычней,
Ведь было бы спокойней в сотню раз.

Но больше, чем страною всей, давно
Машин уборочных и посевных и разных
В стихах кудрявых, строчкой и бессвязных,
Поэтами уж произведено.

Я полон уваженья к тракторам,
Они нас за волосы к свету тянут,
Как те овсы, что вслед за ними встанут,
Они теперь необходимы нам.
Я сам давно у трактора учусь
И, если надо, плугом прицеплюсь,
Чтоб лемеха стальными лебедями
Проплыли в черноземе наших дней,
Но гул машин и теплый храп коней
По-разному овладевают нами.

Пускай же сын мой будущий прочтет,
Что здесь, в стране машины и колхоза,
В стране войны — был птичий перелет,
В моей стране существовали грозы.

1933

ПРОЛОГ К ПОЭМЕ «ВАХШ»

Гора бела, долина побелела,
пустынны сны просторной белизны.
А белизна — она светлей, чем тело
три дня назад родившейся луны.
Взгляни, видны угрюмые обрывы,
усеянные ордами арчи,
им только б стыть, запутывая гривы,
иглою каждой всасывать лучи,
среди снегов, средь новолунных льдов,
не знавших человеческих следов.
Снег, снег и снег, объятый низовым
и долгим вихрем, снегопада сила...
Долина эту тайну затаила,
глухую, недоступную чужим.
Здесь ветер в соснах ходит вперемет,
и долгие проклятия поет,
и метит — шире разгуляться где бы,
да проплясать, да сгинуть! Но смотри,
как подожженное заполыхало небо,
как щеки раскраснелись у зари.
И солнце, встав в голубизне и дыме,
земле в упор и холодам в упор,
ударив вкось ножами золотыми
по сердцу замороженному гор,
высокомерно поднялось над ними,
рожденное в голубизне и дыме.
И яростная снеговая кровь,
то падая, то пенясь по отрогу,
то встав столбом, то рассыпаясь вновь,
нашла себе широкую дорогу —

туда, где Вахш!..— свирепый свой разлив
с могуществом его соединив.
В волнах, о Вахш, твоих, о Вахш, темно —
клинки, осыпанные жемчугами,
во тьме потока падают на дно
и вверх идут, поблескивая сами.
Ты назван диким, диким потому,
что с пеной белой смешиваешь тьму!
Вода стадами грузными идет,
и тишина, и только водяные
ревут стада, да камень в камень бьет,
и изгнаны все звуки остальные.
Нет тишины у Вахша, даже той,
что прячется в прибежище укрытом —
у человека с громкой пустотой
под самым сердцем, горьким и разбитым.
Нет тишины у Вахша — рвут с плеча
одежду волны и, начав смеяться,
друг другу на плечи слетают, хохоча,
и их хребты от хохота змеятся.
Так, детище безумия и льда,
крича, идет широкая вода.
То, как ребенок, долго завопит,
то будто бы поспешно и неловко
удавленник, ухваченный веревкой,
давясь слюной и страхом, захрипит.
Когда, жильцы нахмуренной долины,
воды черпнуть приходят бедняки,
Вахш рвет из рук их тяжкие кувшины
и тут же разбивает на куски.
А разойдясь, селения зорит,
моргающие тушит фонари,
схватив кишлак, несет его в ладонях,
играет, как двухмесячным мальцом,
и медлит тот в волнах перед концом,
о берег бьется, крутится и тонет.
Так Вахш течет! В косых его глазах
проносятся безумие и страх.
Так Вахш течет! В глазах его несытых
веселье, возмущение и гнев.
Так Вахш течет! И, только присмирев,
вдруг смутно вспоминает об обидах.
Но почему до этих пор не сыт?
Гневится чем гордец холодноглазый,
никем не укрощенный и ни разу

не взнузданный, чьих не простит обид?
Века прошли, но влаги ураган
в век данью не расплачивался с ханом
и пенный запрокинутый султан
ни пред одним не наклонял султаном.
И ни один златокоронный шах,
ни жены шаха с золотом в ушах,
ни торгаши, ни путник караванный
не овладели этой окаянной
седой волной владетельной реки.
И если находились смельчаки,
он им шутя выламывал ключицы
и относил теченьем...

1934

«Я ДЕТЕНЫШ ПШЕНИЦ И РЖИ...»

ЛЕТО

1

Поверивший в слова простые,
В косых ветрах от птичьих крыл,
Поводырем по всей России
Ты сказку за руку водил.
Шумели Обь, Иртыш и Волга,
И девки пели на возах,
И на закат смотрели до-о-лго
Их золоченые глаза.
Возы прошли по гребням пенным
Высоких трав, в тенях, в пыли,
Как будто вместе с первым сеном
Июнь в деревни привезли.
Он выпрыгнул, рудой, без шубы,
С фиалками заместо глаз,
И, крепкие оскалив зубы,
Прищурившись, смотрел на нас.
Его уральцы, словно друга,
Сажали в красные углы,
Его в вагонах красных с юга
Веселые везли хохлы.
Он на перинах спал, как барин,
Он мылся ключевой водой,
В ладони бил его татарин
На ярмарке под Куяндой.
Какой пригожий!
А давно ли
В цветные копны и стога
Метал январь свои снега,
И на свободу от неволи
Купчиху-масленицу в поле

Несла на розвальнях пурга!
Да и запомнится едва ли
Средь всяческих людских затей,
Что сани по ветру пускали,
Как деревянных лебедей?
Но сквозь ладонь взгляни на солнце —
Весь мир в березах, в камыше,
И слаще, чем заря в оконце,
Медовая заря в ковше.
Когда же яблоня опала?
А одуванчик? Только дунь!
Под стеганые одеяла
К молодкам в темень сеновала
Гостить повадился июнь.
Ну, значит, ладны будут дети —
Желтоволосы и крепки,
Когда такая сладость в лете,
Когда в медовом, теплом свете
Сплетает молодость венки.
Поверивший в слова простые,
В косых ветрах от птичьих крыл,
Ты, может, не один в России
Такую сказку полюбил.
Да то не сказка ль, что по длинной
Дороге в травах, на огонь,
Играя, в шубе индюшиной,
Без гармониста шла гармонь?
Что ель шептала: «Я невеста»,
Что пух кабан от пьяных сал,
Что статный дуб сорвался с места
И до рассвета проплясал!

2

Мы пьем из круглых чашек лето.
Ты в сердце вслушайся мое,
Затем так смутно песня спета,
Чтоб ты угадывал ее.
У нас загадка не простая...
Ты требуй, вопреки молве,
Чтоб яблони сбирались в стаи,
А голуби росли в траве.
Чтоб на сосне в затишье сада

Свисала тяжко гроздь сорок —
Все это сбудется, как надо,
На урожаи будет срок!
Ну, а пока не стынет в чашке
Зари немеркнущая гладь,
Пока не пробудилась мать,
Я буду белые ромашки,
Как звезды в небе, собирать.
Послушай, синеглазый,— тихо...
Ты прошепчи, пропой во мглу
Про то монашье злое лихо,
Что пригорюнилось в углу.
Крепки, желтоволосы дети,
Тяжелый мед расплескан в лете,
И каждый дождь — как с неба весть.
Но хорошо, что горечь есть,
Что есть над чем рыдать на свете!

3

Нам, как подарки, суждены
И смерти круговые чаши,
И первый проблеск седины,
И первые морщины наши.
Но посмотри на этот пруд —
Здесь будет лед, а он в купавах.
И яблони, когда цветут,
Не думают о листьях ржавых.
Я снег люблю за прямоту,
За свежесть звезд его падучих
И ненавижу только ту
Ночей гнилую теплоту,
Что зреет в задремавших сучьях.
Так стережет и нас беда...
Нет, лучше снег и тяжесть льда!
Гляди, как пролетают птицы,
Друг друга за крыло держа.
Скажи, куда нам удалиться
От гнили, что ползет, дрожа,
От хитрого ее ножа?
Послушай, за страною синей,
В лесу веселом и густом,
На самом дне ночи павлиньей

Приветливый я знаю дом.
С крылечком узким вместо лапок,
С окном зеленым вместо глаз,
Его цветов чудесный запах
Еще доносится до нас.
От ветра целый мир в поклонах.
Все люди знают, знаешь ты,
Что синеглазые цветы
Растут не только на иконах.
Их рисовал не человек,
Но запросто их люди рвали,
И если падал ранний снег,
Они цвели на одеяле,
На шалях, на ковре цвели,
На белых кошмах Казахстана,
В плену затейников обмана,
В плену у мастеров земли.
О, как они любимы нами!
Я думаю: зачем свое
Укрытое от бурь жилье
Мы любим украшать цветами?
Не для того ль, чтоб средь зимы
Глазами злыми, пригорюнясь,
В цветах угадывали мы
Утраченную нами юность?
Не для того ль, чтоб сохранить
Ту необорванную нить,
Ту песню, что еще не спета,
И на мгновенье возвратить
Медовый цвет большого лета?
Так, прислонив к щеке ладонь,
Мы на печном, кирпичном блюде
Заставим ластиться огонь.
Мне жалко,— но стареют люди...
И кто поставит нам в вину,
Что мы с тобой, подруга, оба,
Как нежность, как любовь и злобу,
Накопим тоже седину?

4

Вот так калитку распахнешь
И вздрогнешь, вспомнив, что, на плечи
Накинув шаль, запрятав дрожь,

Ты целых двадцать весен ждешь
Условленной вчера лишь встречи.
Вот так: чуть повернув лицо,
Увидишь теплое сиянье,
Забытых снов и звезд мельканье,
Калитку, старое крыльцо,
Река блеснет, блеснет кольцо,
И кто-то скажет: «До свиданья!..»

1932

АВГУСТ

Угоден сердцу этот образ
И этот цвет!

Языков

1

Еще ты вспоминаешь жаркий день,
Зарей малины крытый, шубой лисьей,
И на песке дорожном видишь тень
От дуг, от вил, от птичьих коромысел.

Еще остался легкий холодок,
Еще дымок витает над поляной,
Дубы и грозы валит август с ног,
И каждый куст в бараний крутит рог,
И под гармонь тоскует бабой пьяной.

Ты думаешь, что не приметил я
В прическе холодеющую проседь,—
Ведь это та же молодость твоя,—
Ее, как песню, как любовь, не бросить!

Она — одна из радостных щедрот:
То ль журавлей перед полетом трубы,
То ль мед в цветке и запах первых сот,
То ль поцелуем тронутые губы...

Вся в облаках заголубела высь,
Вся в облаках над хвойною трущобой.
На даче пни, как гуси, разбрелись.
О, как мычит теленок белолобый!

Мне ничего не надо — только быть
С тобою рядом и, вскипая силой,
В твоих глазах глаза свои топить —
В воде их черной, ветреной и стылой.

2

Но этот август буен во хмелю!
Ты слышишь в нем лишь щебетанье птахи,
Лишь листьев свист,— а я его хвалю
За скрип телег, за пестрые рубахи,

За кровь-руду, за долгий сытый рев
Туч земляных, за смертные покосы,
За птиц, летящих на добычу косо,
И за страну, где миллион дворов
Родит и пестует ребят светловолосых.

Ой, как они впились в твои соски,
Рудая осень! Будет притворяться,
Ты их к груди обильной привлеки,—
Ведь лебеди летят с твоей руки,
И осы желтые в бровях твоих гнездятся.

3

Сто ярмарок нам осень привезла —
Ее обозы тридцать ден тянулись,
Все выгорело золотом дотла,
Все серебром, все синью добела.
И кто-то пел над каруселью улиц...

Должно быть, любо августовским днем
С венгерской скрипкой, с бубнами в России
Кривлять дождю канатным плясуном!
Слагатель песен, мы с тобой живем,
Винцом осенним тешась, а другие?

Заслышав дождь, они молчат и ждут
В подъездах, шеи вытянув по-курьи,
У каменных грохочущих запруд.
Вот тут бы в смех — и разбежаться тут,
Мальчишески над лужей бедокуря.

Да, этот дождь, как горлом кровь, идет
По жестяным, по водосточным глоткам,
Бульвар измок, и месяц большерот.
Как пьяница, как голубь, город пьет,
Подмигивая лету и красоткам.

4

Что б ни сказала осень,— все права...
Я не пойму, за что нам полюбилась
Подсолнуха хмельная голова,
Крылатый стан его и та трава,
Что кланялась и на ветру дымилась.

Не ты ль бродила в лиственных лесах
И появилась предо мной впервые
С подсолнухами, с травами в руках,
С базарным солнцем в черных волосах,
Раскрывши юбок крылья холстяные?

Дари, дари мне, рыжая, цветы!
Зеленые прижал я к сердцу стебли,
Светлы цветов улыбки и чисты —
Есть в них тепло сердечной простоты,
Их корни рылись в золоте и пепле.

5

И вот он, август, с песней за рекой,
С пожарами по купам, тряской ночью
И с расставанья тающей рукой,
С медвежьим мхом и ворожбой сорочьей.

И вот он, август, роется во тьме
Дубовыми дремучими когтями
И зазывает к птичьей кутерьме
Любимую с тяжелыми ноздрями,
С широкой бровью, крашенной в сурьме.

Он прячет в листья голову свою —
Оленью, бычью. И в просветах алых,
В крушеньи листьев, яблок и обвалах,
В ослепших звездах я его пою!

1932

ОДНА НОЧЬ

1

Я, у которого
Над колыбелью
Коровьи морды
Склонялись мыча,
Отданный ярмарочному веселью,
Бивший по кону
Битком сплеча,
Бивший в ладони,
Битый бичом,
Сложные проходивший науки,—
Я говорю тебе, жизнь: нипочем
Не разлюблю твои жесткие руки!

Я видел, как ты
Голубям по весне
Бросала зерно
И овес кобылам.
Да здравствуют
Беды, что слала
Ко мне
Любовь к небесам
И землям постылым!
Ты увела меня босиком,
Нечесаного,
С мокрыми глазами,
Я слушался,
Не вспоминал ни о ком,
Я спал под
Вязами и возами.
Так глупый чурбан

Берут в топоры,
Так сено вздымают
Острые вилы.
За первую затяжку
Злой махры,
За водку, которой
Меня травила.

Я верю, что ты
Любила меня
И обо мне
Пеклася немало,
Задерживала
У чужого огня,
Учила хитрить
И в тюрьмы сажала;
Сводила с красоткой,
Сводила с ума,
Дурачила так,
Что пел по-щенячьи,
И вслух мне
Подсказывала сама
Глухое начало
Песни казачьей.

Ну что ж!
За все ответить готов.
Да здравствует солнце
Над частоколом
Подсолнушных простоволосых голов!
Могучие крылья
Тех петухов,
Оравших над детством моим
Веселым!
Я, детеныш пшениц и ржи,
Верю в неслыханное счастье.
Ну-ка, попробуй, жизнь, отвяжи
Руки мои
От своих запястий!

2

И вот по дорогам, смеясь, иду,
Лучшего счастья
Нет на свете.

Перекликаются
Деревья в саду,
В волосы, в уши
Набивается ветер,
И мир гудит,
Прост и лучист.
Весла блестят
У речной переправы,
Трогает бровь
Сорвавшийся лист,
Ходят волной
Июльские травы.
Я ручаюсь
Травой любой,
Этим коровьим
Лугом отлогим,
Милая, даже
Встреча с тобой
Проще, чем встреча
С дождем в дороге,
Проще, чем встреча
С луной лесною,
С птичьей семьей,
С лисьей норой.
Пахнут руки твои
Весною,
Снегом,
Березовою корой...
А может быть, вовсе
Милой нету?
Вместо нее,
От меня на шаг,
Прячется камышовое лето
Возле реки в больших шалашах.
Так он жил,
Кипел листвою, дышал,
Выкраивал
Грешные, смертные души,—
Мир, который
Мне видим стал,
Который взял меня
На побегушки,
Который дыханьем
Дышит моим,
Работает моими руками,

Кроме меня, он
Занят другим —
Бурями, звездами, облаками.
Да здравствует
Грустноглазый вол,
Ронявший с губ
В мою зыбку сено,
И все, в ком
Участье я нашел,
Меня окружившие
Постепенно.
Жизнь,
Ты обступила кругом меня,
Всеми заботами
Ополчилась.
Славлю тебя,
Ни в чем не виня,
Каждый твой бой
Считая за милость.

3

Но вот наступает ночь,—
Когда
Была еще такая ж вторая,
Так же умевшая
Звезды толочь?
Может быть, вспомню ее, умирая.
Да, это ночь!
Ночь!..
Спи, моя мама.
Так же тебя —
Живу любя.
Видишь расщерины,
Волчьи ямы...
Стыдно, но
Я жалею себя.
Мне ночами
В Москве не спится.
Кроме себя,
Мне детства жаль.
О, твои скромные
Платья ситцевые,

Руки, теребящие
Старую шаль!
Нет! Ни за что
Не вернусь назад,
Спи спокойно, моя дорогая,
Ночь,
И матери наши спят,
И высоко над ними стоят
Звезды, от горестей оберегая.
Но сыновья
Умней и хитрей,
Слушают трубы
Любви и боя,
В покое оставив
Матерей,
Споры решают
Между собою.
Они обветрели,
Стали мужами,
А мир
Разделен,
Прекрасен,
Весом,
Есть черное знамя
И красное знамя...
И красное знамя —
Мы несем.
Два стана плечи
Сомкнули плотно,
И мечется
Между ними холуй,
Боясь получить
Смерти почетный
Холодный девический
Поцелуй.

4

Теперь к черту
На кривые рога
Летят ромашки, стихи о лете.
Ты, жизнь,
Прекрасна и дорога

Тем, что не уместишься
В поэте.
Нет, ты пойдешь
Вперед, напролом,
Рушить
И строить на почве
Голой.
Мир неустроен, прост
И весом,
Позволь мне хоть
Пятым быть колесом
У колесницы
Твоей тяжелой.
Наперекор
Незрячим, глухим —
Вызвано мной:
Хороши иль плохи,
Начисто, ровно —
Все равно
Вымрут стихи,
Не обагренные
Кровью эпохи.
И поплатится головой
Тот, кто, решив
Рассудить по-божьи,
Хитрой, припадочною строфой
Бьется у каменного подножья.
Он, нанюхавшийся свободы,
Муки прикидывает на безмен.
Кто его нанимал в счетоводы
Самой мучительной
Из перемен?
И стыдно —
Пока ты, прильнув к окну,
Залежи чувств
В башке своей роя,
Вырыдал, выгадал
Ночь одну —
Домну пустили
В Магнитострое.
Пока ты вымеривал
На ладонь,
На ощупь, на вкус
Значение мира,
Здорово там

Хохотал огонь
И улыбались бригадиры.

5

Мы позабываем слово «страх»,
Страх питает
Почву гнилую,—
Смерть у нас
На задних дворах,
Жизнь орудует напропалую.
Жизнь!
Неистребимая жизнь,
Влекущая этот мир
За собою!
И мы говорим:
— Мгновенье, мчись,
Как ленинская рука
Над толпою.
Как слово
И как бессмертье его,
Которые будут
Пожарами пыхать.
И смерть теперь —
Подтвержденье того,
Что жизнь —
Из нее единственный выход.
В садах и восстаньях
Путь пролег,
Веселой и грозной бурей
Опетый.
И нет для поэта
Иных дорог,
Кроме единственной в мире,
Этой.
И лучше быть ему запятой
В простых, как «победили»,
Декретах,
Чем жить
Предательством и немотой
Поэм, дурным дыханьем
Нагретых.
Какой почет!

Прекрасен как!
Вы любите славу?
Парень не промах.
Вы бьетесь в падучей
На руках
Пяти интеллигентных
Знакомых.
И я обижен, может быть,
Я весь, как в синяках, в обидах,
Нам нужно о мелочи поговорить —
В складках кожи
Гнездящихся гнидах.

6

Снова я вижу за пеленой
Памяти — в детстве, за годами,
Сходятся две слободы стеной,
Сжав кулаки, тряся бородами.
Хари хрустят, бьют сатанея,
И вдруг начинает
Орать народ:
— Вызвали
Гладышева
Евстигнея!
Расступайся — сила идет! —
И вот, заслоняя
Ясный день,
Плечи немыслимые топыря,
Сила вымахивает через плетень,
Неся кулаков пудовые гири.
И вот они по носам прошлись,
Ахнули мужики и кричат, рассеясь:
— Евстигней Алексеич, остепенись,
Остепенись, Евстигней Алексеич! —
А тот налево и направо
Кучи нагреб: — Подходи! Убью! —
Стенка таким
Одна лишь забава,
Таких не брали в равном бою.
Таких сначала поят вином,
Чтобы едва писал ногами,
И выпроваживают,

И за углом
Валят тяжелыми батогами,
Таких настигают
Темной темью
И в переулке — под шумок —
Бьют Евстигнешу
Гирькой в темя
Или ножом под левый сосок.
А потом в лачуге,
Когда, угарен,
В чашках
Пошатывается самогон,
Вспоминают его:
«Хороший парень!»
Перемигиваются: «Был силен!»
Нам предательство это знакомо,
Им лучший из лучших
Бывает бит,
Несметную силу ломит солома,
И сила,
Раскинув руки, лежит,
Она получает
Мелкую сдачу —
Петли, обезьяньи руки,
Ожог свинца.
Я ненавижу сговор собачий,
Торг вокруг головы певца!
Когда соловей
Рязанской земли
Мертвые руки
Скрестил — Есенин,—
Они на плечах его понесли,
С ним расставались,
Встав на колени.
Когда он,
Изведавший столько мук,
Свел короткие с жизнью счеты,
Они стихи писали ему,
Постыдные, как плевки
И блевота.
Будет!
Здесь платят большой ценой
За каждую песню.
Уходит плата
Не горечью, немочью и сединой,

А молодостью,
Невозвратимым раскатом.
Ты, революция,
Сухим
Бурь и восстаний
Хранящая порох,
Бей, не промахиваясь, по ним,
Трави их в сусличьих
Этих норах!
Бей в эту подлую, падлую мреть,
Томящуюся по любви дешевизне,
Чтоб легче было дышать и петь,
И жизнью гореть,
И двигаться с жизнью!

7

Ты страшен
Проказы мордою львиной,
Вчерашнего дня
Дремучий быт,
Не раз я тобою
Был опрокинут
И тяжкою лапой
Твоею бит.
Я слышу, как ты,
Теряющий силу,
За дверью роняешь
Плещущий шаг.
Не знаю, как
У собеседников было,
А у меня
Это было так:
Стоишь средь
Ковровотяжелых
И вялых,
И тут же рядом
Рассевшись в ряд,
Глазища людей,
Больших и малых,
Встречаются
И разбежаться спешат.
И вроде как стыдновато немного,

И вроде
Тебе здесь любой
Совсем не нужон.
Но Ксенья Павловна
Заводит
Шипящий от похоти патефон.
И юбки, пахнущие
Заграницей,
Веют, комнату бороздя,
И Ксенья Павловна
Тонколица,
И багроволицы
Ее друзья.
Она прижимается
К этим близким
И вверх подымает
Стерляжий рот.
И ходит стриженный
По-английски
На деревянных
Ногах фокстрот.
И мужчины,
Словно ухваты,
Возле
Женщины-помела...
Жизнь!
Как меня занесла
Сюда ты?
И краснознаменца
Сюда занесла?

И я говорю
Ему: «Слов нету,
Пляшут,
Но, знаете,— не по душе.
У нас такое
Красное лето
И гнутый месяц
На Иртыше.
У нас тоже пляска,
Только та ли?
До наших
Танцоров
Им далеко-о».
А он отвечает:

«Мы тоже плясали
На каблуках,
Но под «Яблочко».

Так пусть живут,
Любовью светясь,
Уведшей от бед
Певца своего,—
Иртышский
Ущербный гнутый месяц
И «Яблочко»,
Что уводило его!

8

Сквозь прорези этих
Темных окон,
Сквозь эту куриную
Узкую клеть
Самое прекраснейшее далёко
Начинает большими
Ветвями шуметь.
О нем возглашают
Шеренги орудий,
Сельскохозяйственных и боевых,
О нем надрываются
Медные груди
Оркестров
И тяжких тракторов дых.
О нем
На подступах новой эры,
Дома отцов
Обрекши на слом,
Поют на улице
Пионеры,
Красный кумач
Повязав узлом.
Я слышу его
В движеньи и в смехе...
Я не умею
В поэмах врать:
Я не бывал
В прокатном цехе,

Я желаю в нем побывать.
Я имею в песнях сноровку,—
Может быть, кто-то
От этого — в смех,
Дайте, товарищи,
Мне путевку
В самый ударный
Прокатный цех.
Чтоб меня
Как следует
Там катали,
Чтоб в работе
Я стал нужон,
Чтобы песнь родилась —
Не та ли,
Для которой
Я был рожден?

1933

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ГЛАВЫ

1

Широк и красен галочий закат.
Вчера был дождь. В окоченевших кадках,
Томясь, ночует черная вода,
По водосточным трубам ночь подряд
Рыдания теснились. Ветром сладким
До горечи пропахла лебеда.

О, кудри царские по палисадам,
Как перенесть я расставанье смог?
Вновь голубей под крышей воркованье...
Вот родина! Она почти что рядом.
Остановлюсь. Перешагну порог,
И побоюсь произнести признанье.

Так вот где начиналась жизнь моя!
Здесь канареечные половицы
Поют легонько, рыщет свет лампад,
В углах подвешен. Книга «Жития
Святых», псалмы. И пологи из ситца.
Так вот где жил я двадцать лет назад!

Вот так, лишь только выйдешь на крыльцо,
Спокойный ветер хлынет от завозен,—
Тяжелый запах сбруи и пшениц...
О, весен шум и осени винцо!
Был здесь январь, как горностай, морозен,
А лето жарче и красней лисиц.

В загоне кони, ржущие из мглы...
Так вот она, мальчишества берлога —
Вот колыбель сумятицы моей!

Здесь, может, даже удочки целы.
Пойти сыскать, подправить их немного
И на обрыв опять ловить язей.

Зачем мне нужно возвращать назад
Менял ладони, пестрые базары,
Иль впрямь я ждал с томленьем каждый год:
Когда же мимо юбки прошумят
Великомученицы Варвары
И солнце именинное взойдет?..

Ведя под ручку шумных жен своих,
Сходились молчаливые соседи,
И солнце смех раздаривало свой,
Остановясь на рожах их тупых,
На сапогах, на самоварной меди...
Неужто это правило душой?

А именины шли своим путем,
Царевной-нельмой, рюмками вишневки.
Тряслись на пестрых дугах бубенцы,
Чуть вздрагивал набухшим чревом дом,
И кажется теперь мне: по дешевке
Скупили нас тогда за леденцы.

В загонах кони, ржущие из мглы...
А на полтинах решки и орлы,
На бабьих пальцах кольца золотые,
И косы именинницы белы.
И славил я порукой кабалы
Варвары Федоровны волосы седые!

2

Не матери родят нас — дом родит.
Трещит в крестцах, и горестно рожденье
В печном дыму и лепете огня.
Дом в ноздри дышит нам, не торопясь растит,
И вслед ему мы повторяем мненье
О мире, о значенье бытия.

Здесь первая пугливая звезда
Глядит в окно к нам, первый гром грохочет.
Дед учит нас припрятать про запас,

Дом пестует, спокойный, как всегда.
И если глух, то слушать слез не хочет,
Ласкает ветвью, розгой лупит нас.

И все ж мы помним бисеры зимы,
Апрель в ручьях, ворон одежду вдовью,
И сеновалы, и собак цепных,
И улицы, где повстречались мы
С непонятою до сих пор любовью,—
Как ни крути, не позабудем их!

Нас мучило, нас любопытство жгло.
Мы начинали бредить ставкой крупной,
Мы в каждую заглядывали щель.
А мир глядел в оконное стекло,
Насмешливый, огромный, недоступный,
И звал бежать за тридевять земель.

Но дом вручил на счастье нам аршин,
И, помышляя о причудах странствий,
Мы знали измеренья простоту,
Поверив в блеск колесных круглых шин,
И медленно знакомились с пространством,
От дома удаляясь на версту,—

Не более. Что вспоминаешь ты,
Сосед мой хмурый? Может быть, подвалы,
В которых жил отец твой за гроши
На городских окраинах, кресты
Кладбищ для бедных, и зловонье свалок,
И яркий пряник в праздник — для души?

Но пестовала жизнь твою, любя,
Другая, неизвестная мне сила.
И был чужим сосущий соки дом,
И вечером, поцеловав тебя,
Твоя сестра на улицу ходила,
Блестя слезой, от матери тайком.

И поздно ночью, возвратясь из мглы,
Полтинники, где решки и орлы,
Она с тобою, торопясь, считала.
И сутки были, как они, круглы.
Мир, затопляя темные углы,
Пел ненавистью крепкого накала.

3

Дышал легко станичный город наш,
Лишь обожравшись — тяжко. Цвет акаций.
Березы в песнях, листьях и пыли,
И на базарах крики: «Сколько дашь?»
Листы сырых, запретных прокламаций
До нас тогда, товарищ, не дошли.

У нас народ все метил загрести
Жар денежный и в сторону податься.
Карабкались за счастьем, как могли,—
Не продохнуть от свадеб и крестин.
Да, гневные страницы прокламаций
До нас тогда, товарищ, не дошли.

Да если б даже! — и дошла одна,
Всяк, повстречав, изматерился б сочно
И к приставу немедленно отнес.
Был хлеб у нас, хватало и вина,
Стояла церковь прочно, рядом прочно —
Цена на хлеб, на ситец, на овес.

И до сих пор стоят еще, крепки,
Лабазы: Ганин, Осипов, Потанин,
И прочие фамилии купцов...
Шрапнельными стаканами горшки
Заменены. В них расцвели герани —
Вот что осталось от былых боев,

Сюда пришедших. Двадцать лет назад
Здесь подбородки доблестно жирели,
Купецкие в степях паслись стада,
Копился в пище сладковатый яд.
В шкатулках тлели кольца, ожерелья
Из жемчугов. И серьги в два ряда.

Не потому ли, выгибая клюв,
Здесь Анненков собрал большую стаю —
Старшой меньших! Но вывелась семья,
И, черные знамена развернув,
Он отлетал, крепя крыло, к Китаю,
И степью тек, тачанками гремя.

И мало насчитаешь здесь имен,
Отдавших жизнь за ветры революций,
Любимых, прославляемых теперь.
Хребты ломая, колокольный звон
Людей глушил. Но все-таки найдутся
Один иль два из приоткрывших дверь

В далекое. И даже страшно мне:
Да, этот мир настоян на огне,
И погреба его еще не раз взорвутся,
Еще не раз деревья расцветут,
И, торопясь, с винтовками пройдут
В сквозную даль солдаты революций.

4

Был город занят красными, они
Расположились в Павлодаре. Двое
Из них...

1934

«ВОТ ЧТО ПРИКЛЮЧАЕТСЯ ПОРОЙ...»

ЖЕНИХИ

Вот что случается порою.
А. Пушкин

Сам колдун
Сидел на крепкой плахе
В красной сатинетовой рубахе —
Черный,
Без креста,
И, не спеша,
Чтобы как-нибудь опохмелиться,
Пробовал в раздумье не водицу —
Водку
Из неполного ковша.

И пестрела на столе закуска:
Сизый жир гусиного огузка,
Рыбные консервы,
Иваси,
Маргарин и яйца всмятку — в общем,
Разное,
На что отнюдь не ропщем,
Все, что продается на Руси!

А кругом шесты с травой стояли,
Сытый кот сиял на одеяле,
Отходил —
Пушистый весь —
Ко сну,
Жабьи лапы сохли на шпагате,
Но колдун
Не думал о полатях —
Что-то скучно было колдуну.

Был он мудр, учен,
Хотишь — изволь-ка,—
Килы
Он присаживал настолько,
Что в Калуге снять их не могли.
Знал наперечет,
Читал любого:
Бедного,
Некрасова,
Толстого —
Словом, всех писателей земли.

Пожилой, но в возрасте нестаром,
Все-таки не зря совсем,
Недаром
По округе был он знаменит —
Жил, на прочих глядя исподлобья,
И творил великие снадобья
Веснами,
Когда вода звенит.

Кроме чародейского обличья,
От соседей мужиков в отличье
Он имел
Довольно скромный дар:
Воду из колодца брать горстями,
В безкозыря резаться с чертями,
Обращать любую бабу в пар.
И теперь,
На крепкой плахе сидя,
То ль в раздумье,
То ль в какой обиде,
Щуря глаз тяжелый,
Наперед
Знал иль нет,
Кто за версту обходом
По садам зеленым, огородам
Легкою стопой к нему идет?

Стукнула калитка,
Дверь открыта,
По двору мелькнула — шито-крыто,
Половицы пробирает дрожь:
Входит в избу Настя Стегунова,
Полымем

Горят на ней обновы...
— Здравствуй, дядя Костя,
Как живешь?

И стоит —
Высокая, рябая,
Кофта на ней дышит голубая,
Кружевной платок
Зажат в руке.
Шаль с двойной турецкою каймою,
Газовый порхун — он сам собою,
Туфли на французском каблуке.

Плоть свою могучую одела,
Как могла...
— А я к тебе по делу.
Уж давно душа моя горит,
Не пришла,
Когда б не этот случай,
Свет давно мне, девушке, наскучил,—
Колдуну Настасья говорит.

— Вся деревня
В зелени, в июле,
Избы наши в вишне потонули,
Свищут вечерами соловьи,
Голосисты жаворонки в поле,
Колосиста рожь...
Не оттого ли
Жарче слезы девичьи мои?

Уж как выйдут
Вечером туманы,
Запоют заветные баяны
На зеленых выгонах.
И тут
Парни — бригадиры, трактористы —
Танцевать тустеп и польку чисто
Всех моих подружек разберут.

Только я одна стоять останусь,
Ни худым,
Ни милым не достанусь —
Надломили яблоню в саду!

Кто полюбит горькую, рябую?
Сорву с себя кофту голубую,
Сниму серьги, косу разведу.

Сон нейдет,
Не спится мне в постели,
Все хочу, чтоб соловьи не пели,
Чтобы резеда не расцвела...
Восемь суток
Плакала, не ела,
От бессонья вовсе почернела,
Крепкий уксус с водкою пила.
Я давно разгневалась на бога.
Я ему поверила немного,
Я ему —
Покаялась, сычу!
И к тебе пришла сюда
Не в гости —
С низкой моей просьбой:
Дядя Костя,
Приворот-травы теперь хочу.

...Служит колдуну его наука,
Говорит он громко Насте:
— Ну-ка,
Дай мне блюдце белое сюда,—
Дунул-плюнул,
Налил в блюдце воду,—
Будто летом в тихую погоду
Закачалась круглая вода.

— Что ты видишь, Настя?
— Даль какая!
Паруса летят по ней, мелькая,
Камыши —
Куда ни кинешь взгляд...
— Что ты видишь?
— Вижу воду снова.
— Что ты видишь, Настя Стегунова?
— Вижу, гуси-лебеди летят!

Служит колдуну его наука.
Говорит он тихо Насте:
— Ну-ка,
Не мешай,

Не балуй,
Отойди.
Все содею, что ты захотела.
А пока что сделано полдела,
Дело будет,
Девка,
Впереди.

Все содею —
Нужно только взяться.—
Тут загоготал он:
— Гуси-братцы,
Вам привет от утки и сыча! —
...Поднимались
Колдовские силы,
Пролетали гуси белокрылы,
Отвечали гуси гогоча!

— Загляни-ка, Настя Стегунова,
Что ты видишь?
— Вижу воду снова,
А по ней
Плывет
Двенадцать роз.

— Кончено! —
Сказал колдун.— Довольно,
Натрудил глаза над блюдцем — больно.
Надо
Поступать тебе
В колхоз.
Триста дней работай без отказу,
Триста —
Не отлынивай ни разу,
Не жалея крепких рук своих.
Как сказал —
Все сбудется, не бойся.
Ни о чем теперь не беспокойся.
Будет тебе к осени жених!

Красноярское —
Село большое,
Что ты все глядишься в волны, стоя
Над рекой, на самой крутизне?
Ночи пролетают — синедуги,

Листья осыпаются в испуге,
Рыбы
Шевелят крылом во сне.

Тучи раздвигая и шатаясь,
Красным сарафаном прикрываясь,
Проступает бабий лик луны —
Август, август!
Тихо сквозь ненастье
В ясном небе вызвездило счастье...
Чтой-то стали ночи холодны.

Зимы ль снятся лету?
Иль старинный
Грустный зов полночный журавлиный?
Или кто кого недолюбил?
Август, август!
Налюбиться не дал
Тем, кто в холоду твоем изведал
Лунный, бабий, окаянный пыл.

Горячи, не тягостны работы,
У Настасьи полный рот заботы,
Все колосья кланяются ей,
Все ее исполнятся желанья,
Триста дней проходят, как сказанье,
Мимо пролетают триста дней!

Низко пролетают над полями...
Каждый день
Задел ее крылами.
Под великий, звонкий их припев,
Гордая,
Спокойная,
Над миром
Первым по колхозу бригадиром
Стала вдруг она, похорошев.

Август, август!
Стегуновой Насте
В ясном небе вызвездило счастье,
Мимо пролетело
Триста дней.
В урожай,

Несметный, небывалый,—
Знак Почета, золотой и алый,
Орден на груди горит у ней.

И везут на двор к ней изобилье:
Ревом окруженные и пылью,
Шесть волов, к земле рога склонив,
Всякой снеди груды,
Желто-пегих
Телок двух ведут возле телеги,
Красной лентой шеи перевив.
Самой лучшей — лучшая награда!
А обед готовится как надо,
Рыжим пламенем лопочет печь...

...Съев пельменей двести,
Отобедав,
Ко всему колхозу напоследок
Председатель обращает речь:

— Честь и слава Насте Стегуновой!
Честь и слава
Нашей жизни новой!
Нам понять, товарищи, пора!
Только так —
И только так! —
Спокойно
Можем мы сказать — она достойна,
Лучшему ударнику — ура!

— Правильно сказал! Ура, директор!
. . . .
Много шире Невского проспекта
Улица заглавная у нас.
Городских прекрасней песни, тоньше,
Голоса девические звонше,
Ярче звезды в сорок восемь раз!

Все, что было,
Вдоль по речке сплыло,
Помнила,
Жалела,
Да забыла,
Догорели черные грехи!

Пали, пали на поле туманы —
Развернув заветные баяны,
Собирались к Насте женихи!

Вот они идут, и на ухабах
Видно хорошо их —
Кепки набок,
Руки молодые на ладах.
Крепкой силой, молодостью схожи.
Август им подсвистывает тоже
Птицами-синицами в садах.

А колдун, покаясь всенародно,
Сам вступил в колхоз...
Теперь свободно
И весьма зажиточно живет.
Счет ведет в правленье, это тоже
С чернокнижьем
Очень, в общем, схоже,
Сбрил усы и отрастил живот.

И когда его ребята дразнят,
Он плюет на это безобразье.
Настя ж всюду за него горой,
Будто нет у ней другой кручины...
И какие к этому причины?

Вот что приключается порой!

1935

СЛОВАРЬ

Азрак татур — погоди маленько.
Аил — аул, селенье.
Ай-налан — мой милый.
Аксакал — старейшина; почтительное обращение к старшему.
Аман-ба — здравствуй.
Арча — вид можжевельника.
Атанаузен — ругательство.
Аткаменеры — всадники в свите знатного лица.

Байбича — старшая жена; почтительное обращение к пожилой женщине.
Байга — конные состязания.
Байгуш — батрак, бедняк.
Бельмейм — не знаю.
Бий — судья.
Бочага — большая бочка.
Брашно — яства, еда.

Вертоград — сад.

Джаксы — хорошо.
Джалдастар — товарищи.
Джаман (жаман) — плохо.
Джатак — аул Павлодарской области.
Джок — нет.
Джут — гололед в степи.
Денгиз — море.
Дуана — колдун, знахарь.

Замаевать (от «маять») — изнурить, утомить.
Зарод — стог, скирда.

Здришный — вздорный.
Зорить — разорять.

Кайда барасен — куда идешь.
Карагач — порода дерева.
Касэ — чашка, пиала.
Курсак — живот, желудок.

Лывы — дождевые или грязевые потоки.

Малахай — меховая шапка с наушниками.

Некерек — что надо.

Ой-пур-мой — восклицание-удивление.
Оморочка — берестяная лодочка.
Отур — садись.

Пайпаки — войлочные чулки, сапоги без каблуков.
Паут — овод.

Тюник — верхняя часть двойной женской юбки.

Улог — покатая поляна в лесу.
Урман — дикий, необитаемый лес.

Чалки — канаты для причаливания судна к пристани.
Чебак — рыба породы сазанов.

Шаньга — род лепешки, ватрушки.

СОДЕРЖАНИЕ

Песни киргиз-казахов

«Вся ситцевая, летняя приснись...»

«Мню я быть мастером...»

ПОЭМЫ

«Вьюжные дни...»

«Я детеныш пшениц и ржи...»

«Вот что приключается порой...»

Васильев П.

В 19 Избранное./Предисловие, составление и подготовка текста П. Выходцева.— М.: Худож. лит., 1988.— 414 с.

ISBN 5—280—00190—2

В книгу выдающегося советского поэта Павла Васильева, большого эпического художника и тонкого проникновенного лирика, вошли монументальные реалистические поэмы «Соляной бунт», «Песня о гибели казачьего войска», а также лучшие образцы гражданской и любовной лирики.

В $\frac{4702010200\text{-}248}{028\ (01)\text{-}88}$ 39-88

ББК 84Р7

ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ ВАСИЛЬЕВ

ИЗБРАННОЕ

Редакторы *Н. Иванова*, *В. Лапочкина*
Художественный редактор *И. Сальникова*
Технический редактор *М. Крюкова*
Корректор *И. Ломанова*

ИБ № 5009

Сдано в набор 16.10.87 г. Подписано в печать 14.04.88 г. Формат 84×108 1/32. Бум. кн.-журн. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 21,89. Усл. кр.-отт. 21,84+1 вкл.=21,89. Уч.-изд. л. 19,61+1 вкл.=19,65. Тираж 50 000 экз. Изд. № III-2897. Заказ № 134. Цена 1 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Набрано и сматрицировано в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28. Отпечатано во Владимирской типографии Союзполиграфпрама Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Владимир, Октябрьский проспект, 7.

1р.90к.